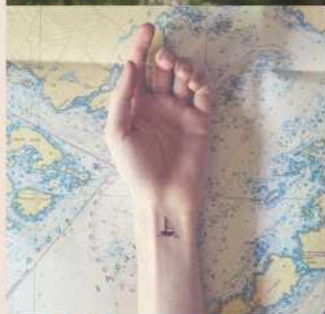

Л.А. МЕЛЬНИКОВА

С.Ф. КАРАБАНОВА

Н.А. КОНОПЛЁВА

**ТАТУИРОВКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
МАРКЕР МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР
ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА
(конец XX – начало XXI века)**

Владивосток – 2014

Мельникова Л. А., Карабанова С.Ф., Н.А. Коноплева - ТАТУИРОВКА
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МАРКЕР МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР
ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА (конец XX начала XXI века)

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	4
Глава 1.	Теоретико-методологические основания исследования проявлений визуальности человека	20
1.1	Культурно-исторические основы татуировки	36
1.2	Социокультурные характеристики современных молодежных субкультур	
1.3	Визуальные факторы репрезентации молодежных субкультур и роль татуировки	59
Глава 2.	Татуировка как форма репрезентации телесности современной молодежи (на примере города Владивостока)	
2.1	Проблемы самопрезентации молодежи в культурном пространстве города Владивостока	79
2.2	Социокультурные характеристики субкультурных объединений г. Владивостока	93
2.3	Специфика знаково-символических проявлений татуировки молодежных субкультур г. Владивостока	120
	Заключение	129
	Библиографический список	133
	Приложение	150

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время активизировались поиски методов и подходов к анализу таких проявлений человека, как его имидж и визуальные аспекты. Это обусловлено особенностями современной культуры, отличающейся изменениями смысло-жизненных ориентиров современной молодежи.

Активизация процессов формирования молодежных субкультур в современной российской культуре обусловлена сложившейся в стране ситуацией. Субкультуру можно рассматривать как культуру в культуре, как подсистему, вступающую в диалог с базовой культурой. Этот диалог может принимать формы обновления культуры, ее развития или противостояния. Субкультуры становятся инструментом социокультурного обновления и механизмом адаптации молодежи, привносящей в культуру новые смыслы, ценностные установки, принимаемые либо отвергаемые обществом.

Изучение визуальных аспектов поведения молодежи обусловлено, с одной стороны, наличием этого явления, заложенного в природе, в её инстинктах, с другой – тем, что поведение молодого человека достаточно ритуализовано и завуалировано правилами хорошего тона, семейными традициями, культурными требованиями к формированию социальных ролей.

Современная культура актуализирует интерес исследователей к анализу различных социокультурных кодов, фиксирующих её характеристики. Социокоды являются информационно-коммуникативными посредниками культур различных исторических периодов, обеспечивая трансляцию и усвоение значимой для конкретной культуры информации.

Актуальность работы обусловлена недостаточностью исследований таких визуальных проявлений телесной культуры современного человека, как татуировка. Необходимость историко-культурологического исследования заключена в том, что, вскрывая истоки её происхождения, логику развития, можно делать обобщения, касающиеся специфики зарождения и развития форм маскировки и телесной модификации человека, продемонстрировать, в частности, значение татуировки для понимания

ценностных смыслов жизни современного человека. Исследование татуировки позволяет осознать её как информационный код, демонстрирующий преобладающие смысложизненные ориентиры современной молодежи, как один из социокультурных кодов, фиксирующих особенности культуры на разных этапах исторического развития.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена совокупностью ряда ключевых проблем:

- потребностью исследования современной молодежи в аспекте используемых ею визуальных проявлений телесности как социокультурного определенного информационного кода, демонстрирующего стремление молодежи к формированию объединений, способствующих приобретению групповой идентичности, уверенности, целостности, избеганию тревожности, обусловленной кризисом самоидентичности в ситуации смыслового культурного дефицита;

- недостаточностью исследований знаков и символов телесности представителей молодежных субкультур;

- спецификой проявлений телесного украшения молодежи в регионе, расположенном на границе ряда этнокультур.

Результаты анализа социокультурных кодов оформления телесности человека может представлять интерес для исследователей с точки зрения осмысления мировоззренческих и ценностных проявлений в современных молодежных субкультурах.

Первые исследования молодежи с научной точки зрения появились в начале XX века (Г.С. Холл, Ш. Бюлер, Э. Шпрангер и др.). Понимание молодежи как группы и определение её как субъекта и объекта преемственности поколений рассматривались Т. Парсонсом, Э. Дюркгеймом, Р. Мертоном, Н. Смелзером и др.

Анализ социокультурной проблематики молодежи как самостоятельного направления исследований активизировался с 50-х годов XX века. Он выразился в социологических исследованиях жизненных планов

молодежи, её ценностных установок, мотивационных аспектов поведения в различных сферах жизнедеятельности (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, А.Г. Харчев, И.С. Кон, И.М. Ильинский, С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский, В.А. Ядов и др.). Исследования субкультур с позиции философии культуры проводились О.Н. Римской, В.П. Римским, Д.В. Громовым и др. С позиций культурологического подхода молодежные субкультуры как объективная реальность исследовались такими авторами, как С.Н. Иконникова, Н.Д. Саркитов, Е.А. Петраш, А.С. Запесоцкий, О.В. Чибисова и др. Исследования субкультур с позиций наличия элементов фольклора, правового кодекса, стиля жизни, системы ценностей проводили С.В. Косарецкая, С.И. Левикова, И.М. Ильинский, Е.А. Омельченко, В.Л. Луков, В.И. Ильин и др. В исследовании Т.Б. Щепанской «Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы 1986 – 1989 гг.» рассматривается субкультура с позиции её символического кода.

Семиотический метод в исследовании молодежных субкультур дает возможность выявить характеристики вербальной и невербальной коммуникации в молодежной среде, способах социально-символического кодирования повседневности (С.С. Аверинцев, В.М. Розин, Е.Г. Крейдлин, О.А. Губанов, В.Л. Луков, С.И. Левикова и др.).

Своеобразный подход демонстрирует О.И. Генисаретский. По его мнению, современный процесс антропосинтеза представляет собой появление определенных личностных типов самореализации и самообразов, а в более широком плане – возникновение новой антропной цивилизации. «Это такое состояние общества, в котором движущими силами развития и мотивации становятся культурно-психологические рефлекслирующие личностные смыслы, ценностные концепты, самообразы и другие психотехнические и телесные реальности» (О.И. Генисаретский). В последнее время актуализировалось внимание к сущности телесных проявлений человека. По-видимому, в данный исторический период назрела

насушная необходимость исследовать именно эти аспекты культурных факторов, так как современные проблемы связаны с тем, что «существующие институты, традиции и практики оседают в личностном потенциале культуры, который можно рассматривать как стержень антропосинтеза» [27]. . Этот тезис поддерживает И.М. Быховская, говоря о том, что «Сколь бы ни были многообразны те эпитеты, которыми награждали мыслители разных времен человека, представляя его то как «Homo Sapiens», или «Homo Politicus», то как «Homo Faber» или «Homo Ludens», сколь бы ни различались между собой подходы к постижению человека и ракурсы, в которых он представал в зависимости от «эпох, культур и дат», реальный человек никогда не переставал быть, прежде всего, «Homo Somatikus», человек телесный» [21]. Визуальность, в центре которой тело человека, всегда манила исследователей своими загадками. Следствием данного обстоятельства может служить факт, что, несмотря на внешнюю атрибутику, которой оформляли тело с учетом требований разных эпох, это оформление имело в своей основе реализацию защитных функций.

Вместе с тем можно предположить, что татуировка, являясь проявлением продолжения природной функции маскировки, выполняет ряд других культурных функций. Это мало изученный феномен, который, как и игра, сопровождает все этапы развития цивилизации. Татуировка – это древнее универсальное явление, так как тело человека начиная с архаической культуры несло на себе текст, обозначенный соответствующими знаками, имевшими определенное информационное значение, она также имела психологическое значение для жизни представителей общества традиционной культуры. Возможно, «что они (знаки) вообще оказали исключительное воздействие на становление разумного человечества» [64: с. 13]. Об этом свидетельствует вся история развития человеческого общества, сохранившего татуировку в недрах культуры телесности разных этносов.

Телесные практики играют значительную роль в субкультурах, являясь

одним из способов формирования знаковой составляющей субкультуры. Распространено мнение, что вхождение в субкультуру сопровождается своего рода инициациями, однако, отмечает Е.В. Малахова, «между древними и современными «инициациями» есть ряд и функциональных различий, коренящихся, как нам кажется, в первую очередь в понимании идентификации и самоидентификации, ради которых, собственно, и проводятся эти обряды» [138].

Вместе с тем проблему увлечения молодежью татуированием своего тела невозможно рассматривать только в рамках субкультур. Значительная часть молодых людей, не связанных с какими-либо молодежными течениями, имеет татуировки на различных доступных или не доступных визуально частях тела. Этот факт приводит к мысли, что данный способ маркировки имеет глубинный смысл для личности, нежели только обретение идентичности. Можно согласиться с Р. Салецл, которая отмечает, что «возврат к старым традициям нужно понимать как способ, позволяющий субъектам совладать с тупиками предельно индивидуализированного современного общества» [138:с.151].

Кроме того, отметим факт наличия лишь нескольких полноценных научных разработок, связанных непосредственно с исследованием феномена татуировки. Являясь принадлежностью тела человека, татуировка входит в сферу ряда наук разными аспектами. Приоритет принадлежит этнографии и антропологии, представители которых раньше других столкнулись с поразительным фактом – разнообразием форм, способов, сюжетов «неизгладимых знаков» человека (Л.Я. Штернберг, 1904). Более того, ученых не могла не заинтересовать значимость для традиционного общества рисунков на теле. Европейские исследователи традиционных культур Африки, Азии, Океании, Америки уделяли внимание этому фактору, имевшему важное значение для «дикарей». Капитальные труды Фридриха фон Гельвальда под общим названием «Земля и ея народы» дают описание народностей Америки, Африки, Океании и Полярных стран: «Существуют

племена, которые не носят одежды, но никогда еще не приходилось встречать племен, которые бы не украшали своего тела. В обычной жизни, как в прежние времена, так и теперь, человек постоянно старается нравиться другим или, по крайней мере, любит себя сам. Жирная земля, различные сорта глины, охры, а в тропических областях, особенно в Южной Америке, красящие плоды, например генина и руку, являясь объектами торговли, считались одними из наиболее ценных. Украшения и узоры на теле различаются не только сообразно с материалами, доставляемыми различными странами, но также сообразно с формой прически и цветом лица» [3]. Описание рисунков татуировок представлено в работе Дж. Леббока «Начало цивилизации. Первобытное состояние человека, умственное и общественное состояние дикарей» [5].

Так, обилие татуировок на лицах и телах индейцев Бразилии поразило известного антрополога Клода Леви-Стросса. В описании своего путешествия он не только характеризует в целом быт и жизнеустройство этих племен, но и уделяет особое внимание татуировкам, фотографируя их носителей. Кроме того, автор отдельно выделяет элементы рисунков росписи по телу. Татуировки «дикарей» настолько поражали мореплавателей, что разрисованных носителей рисунков привозили в Европу для специального изучения [52]. Считается, что татуировки «завезли» в Европу мореплаватели, которых разрисовывали аборигены иногда по мотивам и эскизам самих заказчиков.

Наличие традиции разрисовывать части тела у европейских народов остались неосмысленными, хотя различные знаки наносились на скрытые от посторонних глаз части тела в разных культурных объединениях.

Вместе с тем, русские путешественники и этнографы, осваивая Сибирь и Дальний Восток, отмечали широко распространенный обычай у этих народов наносить рисунки на разные части тела. Первоисточники и сведения о жизненном укладе, религиозных обрядах народов, оформлении ими тела, включая и татуировки, носили описательный характер в качестве обычаев

незнакомых и экстравагантных. Но широкое распространение этого явления почти у всех этносов в разных точках Земли сразу навело ученых на мысль о значимости татуировки. Оказалось, что северные и дальневосточные народы активно используют различные способы для нанесения знаков на лице и остальных частях тела. Так, Ф. Ратцеля поразила татуировка лица, производимая иглой и ниткой. Такой способ он увидел у тунгусов, якутов и остяков. Эти народы довольно часто татуируют руки: «Узор сводится к простейшим геометрическим фигурам в виде ритмических рядов, состоящих из арок, кружков, эллипсов, фигурок, напоминающих ушную раковину, зигзагов, и изредка четырехконечных розеток. В массе же господствует линия. Это прямые линии, ряды мелких кружков и полукружков и зигзаги, группирующиеся в фигуры треугольников, квадратов или вытягивающиеся в линию» [10]. Данное описание приведено с целью подчеркнуть сложность техники создания рисунков и их содержания. Е.Р. Шнейдер, описывая искусство туземных племен, отмечает татуировку рук и лица, «достигающую наибольшей сложности у приморских эскимосов и чукчей, а также раскраску лица. Отмечает, что и то и другое носит ритуальный и магический характер» [11].

Упоминания, описания и попытки определения мотивации декорирования тела находим у таких этнографов, как А. Ф. Миддендорф [7], Н.Л. Гондатти [4], Б.О. Пилсудский [9], П.Г. Васкевич [1], Л.Я. Штернберг [13].

Следует отметить, что татуировка была фактом настолько впечатляющим, что о ней писали далекие от этнографии люди. В сборнике очерков, рассказов и воспоминаний военных топографов «В трущобах Маньчжурии наших восточных окраин» есть страницы, посвященные описанию этого явления [14].

Увлечение рисунками на теле с быстротой распространилось по всему цивилизованному миру, несмотря на осуждение и запреты, продолжало существовать и существует в настоящее время. Пожалуй, первой и самой

полной работой по анализу татуировки является труд польского ученого Анджея Ельски на русском языке. Автор рассматривает природу этого явления, историю его развития и распространения, различные формы татуировки, стили, функции и связи со сферой духовной жизни общества. Автором также предпринята попытка классификации татуировок, которая до настоящего времени остаётся единственной. Завершает исследование А. Ельски попыткой анализа причин, побуждающих индивида к сложной и болезненной процедуре татуажа. Исследователь подчеркивает, что трудно выделить одну из причин, мотивация представляет собой сложнейший комплекс их. «Однако не просто утверждать, было ли выполнение определенного узора конкретной причиной либо же их комплексом» [33].

Широко распространенный обычай разрисовывать свое тело определенными символами как особым языком для «посвященных» является темой исследования для ряда специалистов. Определенный интерес в этом аспекте представляет публикация о криминальной и художественной татуировке таких авторов как, О.П. Дубягина, Ю.П. Дубягин, Г.Ф. Смирнов [30]. Работа представляет собой несколько небольших очерков о происхождении татуировок, описания особенностей, связанных с этническими традициями. Значительная часть книги посвящена различным аспектам криминальных рисунков. Определенную ценность представляет обширная предметно-алфавитная классификация татуировок, распространенных в уголовном мире. В своем заключении авторы перечисляют причины живучести татуировок, которые вполне созвучны мнениям других исследователей. Однако вызывает сомнение следующее их заявление «...татуировка как уже сложившееся высокое достижение бытовой культуры и одновременно как важный элемент социально-родоплеменного атрибута и власти (по мотивационно-целевому происхождению) завершает своё становление и развитие» [30].

Фундаментальной работой в области исследуемой проблемы является монография М.Б. Медниковой «Неизгладимые знаки: Татуировка как

исторический источник» [64]. В своем заключении М.Б. Медникова подчеркивает «торжество татуировок, наблюдаемое в конце XX – начале XXI века. Распространение татуировок помогает нам понять в каком направлении меняется окружающий мир. Но меняется ли мир в душе человека?» [64:207]. Среди публикаций, касающихся исследуемой проблемы, не было более полноценного труда, чем эта монография, труда разрабатывающего оригинальные научные идеи на фоне привлечения большого количества источников и наличия убедительных доказательств. Завершает монографию раздел «Современность и традиции», где автор предлагает свое видение современной ситуации в молодежной среде. Исследователь осуществляет попытку определить те черты нашего времени, которые явились причиной возвращения к древней традиции разрисовывать свое тело.

В ряде публикаций, связанных с анализом телесности, есть разделы, посвященные татуировкам. Так, в монографии В.А. Круткина, посвященной онтологии человеческого тела, отмечаются функции телесности человека, описываются те фундаментальные основания, которые приводят к различным манипуляциям с телом. «В центре» антропологии тела находится культура, однако она понимается не как чуждая и внешняя человеку реальность, а как продолжение его тела. Тело – посредник, связующий человеческое «Я» с культурой [49]. Автор подчеркивает, что ритуализация телесных проявлений – это факт не только застывших обществ, но и тех, где культуры меняются.

В.Н. Никитин в монографии «Психология телесного сознания» рассматривает некоторые аспекты телесности [72]. В работу включен раздел, где автор рассматривает выражение «прописки» молодежных субкультур с помощью особым образом визуального оформления тела. В другом своем труде «Онтология телесности» в одном из разделов об исследовании невербального семантического пространства автор отмечает, что социальные ориентиры и ценностные установки личности определяют направленность её внимания: вовне – на окружение, либо вовнутрь – на себя. То есть индивид выявляет свойства и качества социального объекта, и анализ

этой информации позволяет ему выбрать наиболее продуктивное взаимодействие с окружающей средой» [71].

Определенный интерес представляет работа И.М. Быховской «Номо Somatikus: аксиология человеческого тела» [21]. В ней рассматривается процесс и особенности превращения биологического тела «в тело социальное» и «тело культурное». Один из разделов автор посвящает телесности в субкультуре, где подчеркивает возрастание интереса к телесности в настоящее время.

Среди множества работ разного уровня, так или иначе связанных с молодежными субкультурами, в рамках существования которых много внимания уделяется визуальному их оформлению, выделяется труд С.И. Левиковой о сущности и фундаментальных основах феномена неформальной молодежной субкультуры. В третьей части книги автор рассматривает существующие субкультуры и дает подробные характеристики, в том числе и визуальные каждой из них [55].

Важными для темы нашего исследования представляются работы Т.Б. Щепанской. Рассматривая субкультуру «система», известный этнограф посвятила отдельный раздел рассмотрению телесного кода. И хотя автором не анализируется татуировка как один из значимых элементов в системе визуального оформления субкультур, вместе с тем в работе отмечаются два кода маркировки тела: вербальный (фиксация определенных деталей телесного облика в сленге) и идеографический (татуировка, пирсинг, скарификация). Заслуживает внимания описание и анализ телесных практик, которые условно можно назвать важной составляющей ритуальных действий традиционных культур [110].

Другая книга этого же автора, где акцент сделан на анализе символики молодежных групп, является важным источником понимания как механизма самоорганизации субкультур, так и значения символики в зоне соприкосновения знаковой и социальной составляющих. Автор отмечает, что методы этнографии, выработанные в связи с изучением ритуала в

«контурах», считывания информации с окружающей действительности и её актуализации, являются основными для исследования субкультур. Ритуал, подчеркивает Т.Б. Щепанская, и есть процесс считывания [111].

Важная информация к исследованию молодежных субкультур в современное время содержится в ряде работ, посвященных понятию в целом и отдельным группам в частности. Так, заслуживает внимания труд Владимира Козлова «Реальная культура от Альтернативы до Эмо». Это, скорее, собрание информативных очерков о неформальных объединениях с описанием не только содержания субкультур, но и истоков появления внешнего оформления тела и отличия от таких же западных вариантов [44].

Обширное, хорошо иллюстрированное исследование готики представляют в своей монографии Валерия Стил и Дженнифер Парк. Авторы утверждают, что сегодня слова «гот» и «готический» зачастую ассоциируются с одетыми в черное тинейджерами и ярко накрашенными рок музыкантами. Однако, само понятие готической культуры содержит более глубокий смысл [97].

Этой же субкультуре посвящена статья С.И. Левиковой «Готика как она есть». Автор отмечает, что субкультуру не нужно считать болезнью общества. Это закономерный процесс развития социума. Она считает любую субкультуру определенной формой игры. «Недавно представители молодежной субкультуры играли в сказки (толкиенисты). Сегодня же играют в смерть» [134].

В представленных публикациях авторы не уделяли достаточного внимания анализу татуировок, хотя давали визуальные характеристики представителям ряда субкультур. Работ, посвященных непосредственно татуировкам, мало. Так, в этом контексте заслуживает внимания работа Е.Б. Павшук, в которой изложены сведения о появлении этого феномена в Западной Европе, даются описания сюжетов татуировок с иллюстрациями и осуществляется попытка объяснения мотивов, по которым личность прибегает к желанию разрисовать свое тело. Перспективным представляется

взгляд на татуировку как на социальное письмо. Автор кратко касается разных точек зрения этого явления и высказывает заслуживающую внимания мысль, что татуировка - это еще и инструмент овладения собственным телом, а кожа – это граница между «реальным и виртуальным, явным и тайным, поверхностным и глубинным». Эта точка зрения приводит к суждению, что значение татуировки для индивидуума имеет глубочайший смысл, как послание другому [77].

Определенный интерес представляют и размышления Е.В. Малаховой об отношении к телу представителей субкультур. Автор считает, что понять свое тело, сделать его знаком, придать иной смысл, чем тот, которым оно обладало до этого, – это и есть цели татуажа молодежной субкультуры [138].

Л.Е. Этинген исследованию кожи человека посвятил статью, где, в частности, рассматривает и проблему татуировок, отмечая, что у каждого народа свои излюбленные места нанесения рисунков, сообщает некоторые интересные сведения об этом феномене [115].

С появлением хиппи и панков началась новая волна увлечения татуировками. И поскольку молодежь всегда была в поле зрения социологии, представители этой науки включили в область своих исследований молодежные субкультуры. При этом в анализ визуальных характеристик они включали и описания татуировок (В.А. Луков, В.А. Гришин и др). Суммируем все точки зрения на причины не только увеличения числа людей с татуировкой, но и приобщения к этой традиции новых социальных групп.

Основное обоснование феномена татуировки сводилось к поиску ситуаций, напоминающих древние инициации. Ряд исследователей допускают, что работа со своим телом как объектом является одной из форм утверждения субкультурных ценностей и своеобразным обрядом инициации для принятия групповой идентичности (Щепанская, 2004; Баркова, 2003; Малахова, 2011). Почти во всех публикациях в качестве основного мотива манипуляций с телом называется необходимость адаптации в социуме. Однако ни в одной группировке почти нет структуры и действий, которые

однозначно можно было бы трактовать как ритуал посвящения. Более того, нет в доступных источниках попыток выявить общепринятые правила в выборе тем, сюжетов или форм наносимых рисунков. Возможно, этот факт явился причиной мнения ряда этнографов, антропологов и социологов, не исключавших татуировки как знак принадлежности и адаптации, но, вместе с тем, отмечавших более глубокий и личностный характер этого феномена. «При всей изученности истории вопроса остаётся совершенно неясным, что же лежит в основе сегодняшней тяги к татуировкам. Может быть, это подсознательный ответ благополучных жителей современных городов, противопоставляющих себя «сытым ценностям» индустриального мира? А может быть, архаическое мышление не покинуло нас безвозвратно и готово вернуться?» – размышляет М.Б. Медникова [64].

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ ВИЗУАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

1.1 Культурноисторические основы татуировки

Какой бы аспект татуировок ни рассматривался исследователями, они сходятся во мнении о широком распространении данного феномена (Р.И. Егоров, А. Ельски, Ю.В. Рычкова, М.Б. Медникова и т.д.). Причем исследователи отмечают не только факт наличия этого явления без исключения у всех этносов, но и удивительное разнообразие тем, сюжетов,

технологий нанесения рисунков, практически не поддающихся каким-либо классификациям. Чаще всего татуировки рассматриваются в рамках этнической принадлежности их носителей, признавая, однако, факт наличия глубинного, фундаментального основания данного явления. Так, Г.Б. Бедненко в публикации «Символический смысл татуировки» ссылается на Леви-Стросса, считавшего, что татуировки для сохранившихся к открытию Нового Света первобытных племен были способом окультуривания человека путем отделения себя от «естественного» животного мира. Довод, похожий на представления европейцев об одежде цивилизованного человека в отличие от голого дикаря. Как и одежда, татуировка была способна выделить *homo sapiens* из царства животных, отделить «человека» от «варвара, дикаря». «Биологический индивид становится социальным субъектом, – отмечал Николай Миклухо-Маклай, окрашивая свое тело рисунком или надевая соответствующую одежду. Таким образом, одной из первых функций татуировки была и остаётся социализация» [8].

Несомненно, функция социализации доказывается многими фактами. Ученый-этнограф Миклухо-Маклай, наблюдая за туземцами, отмечал факт, что для многих племен Океании нанесение тату символизировало достижение брачного возраста как для мужчин, так и для женщин. Там же, помимо отличительных символов принадлежности к тому или иному роду, татуировка была знаком высокого общественного положения, например на островах Самоа [8]. Телесные знаки у древнейших людей выполняли, скорее, информативную (указывали на знак племени, рода, социальный статус обладателя), охранительную (против бед, болезней, несчастий) и магическую функции. Декоративную функцию они приобрели значительно позже, утверждает Ю.В. Рычкова [88:с.5]. По её мнению, местоположение и размеры изображаемого варьировались в зависимости от существующих традиций и обычаев, а также от фантазии самого человека.

Исторически сформировавшиеся особенности татуировки за прошедшие времена претерпели значительные изменения. Так, наиболее

характерные черты татуировок, используемых в племенных сообществах, выражались в изображении простых геометрических знаков: точки, черточки, звездочки, круги, кресты, изображения солнца, в противоположность развитым и многообразным рисункам, появляющимся позже. Это обусловлено тем, что в племенных сообществах татуировка выполнялась при помощи примитивных приспособлений, не позволявших изобразить более сложные символы. Исключением является только полинезийская татуировка. Причем в отличие от современности татуировщик племенного сообщества подчинялся определенным традициям, требованиям, обусловленным системой ценностей своего окружения, а также был подвержен его оценкам. Естественно, что мотивы племенной татуировки сохранились в ранее существовавших схемах и передаются из поколения в поколение в первозданном виде. Татуировку, особенно племенную, следует понимать как систему коммуникации, как знак, несущий определенную информацию, передаваемую соплеменникам. Татуировщик, выполняя какой-нибудь орнамент на теле, обязан не потерять ни одного из обязательных элементов и точно передать их содержание. Каждая черточка орнамента, места, в которых они были размещены на теле человека, содержали определенный смысл, несли информацию. Татуировщик не мог себе позволить дополнить или изъять что-либо из композиции, зафиксированной в мифологии своего племени [169].

Данная точка зрения поддерживается и другими исследователями этого феномена. Так, например, Г.Б. Бедненко отмечает, что в татуировках мы видим демонстрацию включенности в миф, жертву мифу или же прорыв ононого. Для архаического человека, существовавшего в исключительных форматах веры или же эмпирических знаний, татуировка была актом и знаком мифологическим, поскольку никакой практической функции она, в отличие, например, от обрезания, не несет. Для современного индивидуума татуировка по-прежнему имеет преобладающее, осознанное или (чаще всего, при соответствующей моде) неосознанное мифологическое значение [123].

М.Б. Медникова считает, что человека архаического история не интересует, его не интересует время, где все течет, все изменяется. «Его мысли и дела занимает то, что мы можем сейчас назвать Матрицей Первозданного Порядка. Его история священна, она повествует о свершениях богов и героев-просветителей, и все происходящее лишь слепки с первоначальных событий, имевших место при сотворении мира» [64:с.10-11].

Вместе с тем, говоря о том, что человек единственный из представителей животного мира способен осознанно и добровольно манипулировать собственным телом, М.Б. Медникова среди перечня объяснений этому фактору приводит и такой: «чтобы защитить себя, слившись с окружающей средой» [там же:25]. На наш взгляд, именно эта функция явилась основополагающей в появлении татуировки. Человек с момента своего рождения ведет с природой непрерывную игру, где ставкой является продолжительность жизни как самого человека, так и жизни самого вида. Защищаясь в опасном мире, человек вынужден был подражать животным, обеспечивая свое тело покровительственной окраской. Как подчеркивает Г.В. Провоторов, «...научение путем подражания какому-то образцу хорошо известно у животных с развитыми социальными формами жизни» [84: с. 96-97].

Далее автор отмечает, что в наибольшей степени подражание характерно для приматов. Наблюдение за животными, а также опыт показали наличие у животных угрожающей и предупредительной окраски, которые воспринимаются как опасность. Несомненно, такая потребность есть и у человека, когда ему необходимо послать вовне угрожающий знак. Таким образом, можно предположить появление у сообщества людей на самой ранней стадии их развития насущной потребности усиливать с помощью знаков на теле способность к выживанию как в природной среде, так и в среде себе подобных. Причем в данном процессе есть еще два важных момента. Один из них связан с тем, что тело человека подвижно и, следовательно, нарисованные на нем изображения также подвижны, что

могло привести на мысль о том, что они оживают и живут при этом своей жизнью. Так, В.Н. Никитин отмечает, что пластичное тело наделено качеством текучести, формой, постоянно меняющейся в процессе психического или физического акта [73:с. 49]. Это обстоятельство не могло не производить впечатления как на самого носителя рисунков, так и на его окружение.

Другим важным фактором закрепления значимости татуировки для первобытного человека явилось то, что она инициирует смену формы активности партнера по коммуникации. Это позволяет в результате понять ответное поведение партнера. «Таким образом, человек как самонастраивающийся, самообновляющийся биологический организм открыт к воздействию природных и социальных явлений, оставаясь при этом филогенетически зависимым и анатомо-морфологически конституционально предопределенным объектом», – подчеркивает В.Н. Никитин (Там же:с.108). Исследователь отмечает, что пластичность человеческого организма и психики, отражает филогенетически закрепленное ведущее функциональное качество – приспособление и выживание в условиях постоянно меняющегося мира. Естественно, что все наносимые на тело рисунки и знаки содействовали этому процессу.

Причем если в ранний период существования татуировки вышеприведенные рассуждения о ее функциях могли ориентироваться на живую систему, к которой принадлежал человек, то далее за отсутствием достоверного фактического материала определение путей дальнейшего развития татуировки находится в области предположений.

По мнению Л.В. Зильберглейта, «связи любой популяции с биосферными подсистемами делятся на две категории: те, что базируются на инстинктах, и те, что возникают в процессе онтогенеза. В ходе эволюции связи первого типа постепенно вытесняются вторыми, и возникает вторая сигнальная наследственность-преемственность индивидуально приобретенных форм поведения» [131: с. 16-25]. Естественно, что появляется

и механизм передачи форм поведения – обучение, способствующее формированию у человека представлений о культурных традициях и поведенческих стандартах. Человек в ходе эволюционирования включился в длительный процесс усвоения культурного содержания путем обучения. Чем больше усложнялась культурная среда в процессе исторического развития человека, тем более усложнялся визуальный код взаимоотношений.

Специфический для определенной стабильной человеческой группы комплекс обычаев и традиций дает каждому члену группы эталонный набор правил, регулирующих как отношения человека внутри группы, так и взаимодействие с внешней средой. Таким образом, происходили изменения и с самим человеком, изменения, обусловленные не только природными условиями развития, но и реальностью культуры. Весь природный и рукотворный мир в процессе развития человечества обретал антропоморфные черты благодаря развитию в реальности социокультурного пространства такого необходимого механизма, определяющего бытие человека среди других людей, как идентификация. Антропоморфизм реализуется в мифах о происхождении солнца (солярные мифы), месяца, луны (лунарные мифы), звезд (астральные мифы), вселенной (космогонические мифы) и человека (антропологические мифы). Существуют мифы о перевоплощениях одного существа в другое: о происхождении животных от людей или людей от животных. Примером могут служить народы Севера и Дальнего Востока, которые своими предками считали распространенных на этой территории животных. Мифологическое сознание породило особую реальность, развивающуюся вместе с предметным миром – реальность образно-знаковых систем, воздействующих на человека, его психику как достоверно существующая реальность. Одной из таких знаковых систем является татуировка, имеющая глубинные исторические истоки, формы и функции.

Прежде чем определить значение татуировок в образно-знаковой системе, необходимо охарактеризовать основные системы знаков. Так,

вполне убедительную их классификацию приводит В. Мухина в разделе «Условия психического развития» своей работы «Возрастная психология. Феноменология развития» [69]. К основным автор относит следующие знаки:

Знаки-признаки – «запримета», метка, отличие, все, по чему определяют какой-либо объект. Это внешнее обнаружение чего-либо, обозначение признаком присутствия конкретного предмета или явления. Признак сигнализирует окружающим о предмете или явлении. Знаки-признаки представляют собой содержание опыта человека. Они являются наиболее простыми и первичными знаками по отношению к знаковой культуре человека. Уже в древние времена люди выявляли определенные знаки-признаки, что помогало им ориентироваться в природных явлениях (дым – значит огонь; алая вечерняя заря – завтра ветер; молния – гром). Через знаки-признаки, выражаемые внешними экспрессивными проявлениями различных эмоциональных состояний, люди приобретали способности к рефлексии. Позднее они освоили более тонкие знаки-признаки. Можно отметить, что знаки-признаки, как богатейшая область человеческой культуры, присутствуют не только в сфере отношений человека с окружающим миром и его познания, но и в сфере языка, обеспечивая означивание предметов и явлений. Одним из таких явлений, означивающим тело самого человека, является татуировка, несущая для представителей определенного сообщества важную информацию и выполняющая ряд функций.

Знаки-копии (iconic signs – иконические знаки) – это воспроизведение, демонстрирующее элементы сходства с обозначаемым. Таковы, например, результаты изобразительной деятельности человека – графические и живописные рисунки, скульптуры, фотографии, схемы, географические и астрономические карты и др. Знаки-копии отображают в своей материальной структуре важнейшие чувственно осязаемые свойства предметов, их форму, цвет, пропорции и т.д. В родовой культуре знаки-копии чаще всего изображали тотемных животных – волка, медведя, оленя, лису, ворона, коня или антропоморфных духов, идолов, которым поклонялись представители

рода с целью получения от них различного рода даров. Природные стихии – солнце, месяц, огонь, растения, вода – также имеют своё выражение в знаках-копиях, используемых ранее в ритуальных действиях, а затем ставших элементами народной изобразительной культуры (орнаменты в домостроении, вышивки рушников, покрывал, одежды, а также все многообразие оберегов). Татуировка как знак-копия исторически выполняла функцию демонстрации принадлежности человека к определенному роду.

Знаки-символы обозначают отношения народов, слоев общества или групп, утверждают что-либо. Так, гербы – отличительные знаки государства, сословия, города – материально представленные символы, изображения которых располагаются на флагах, денежных знаках, печатях и т.д. Знаки-символы появились, как и другие знаки, в родовой культуре. Тотемы, амулеты, обереги стали знаками-символами, защищающими человека от опасностей, скрывающихся в окружающем мире. Причем символическое значение человек придавал всему природному, реально существующему. Число знаков, несущих культурный символический смысл, огромно. Эти знаки создают реалии знакового пространства, в котором существует человек, определяют специфику развития человека и особенности его социокультурного поведения. Одна из наиболее архаичных форм знаков - это тотемы, сохранившиеся до сих пор у отдельных этнических групп не только в Африке, Латинской Америке, но и на Севере России.

Заслуживает внимания точка зрения Г.Г. Гадамера на содержание понятия «знак» и «символ». «Иногда можно встретить утверждение, что знаки – это то, что отличает человека от животного мира. Определение знака в качестве водораздела между поведением животных и человека, на наш взгляд, – результат смешивания понятий знака и символа» [25: с. 266-323]. И далее автор отмечает, что знак – это материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве объективного заместителя некоторого другого предмета, свойства или отношения, и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации,

знаний). Это овеществленный носитель образа предмета, ограниченный его функциональным предназначением. Наличие знака делает возможной передачу информации по техническим каналам связи и её разнообразную – математическую, статистическую, логическую – обработку (Там же).

«Символ» же – одно из самых многозначительных понятий в культуре. Причем в основе его смыслового значения лежит обозначение удостоверения личности, которым служила половинка черепка, бывшая гостевой табличкой (symbolon (греч.). Символ в культуре – универсальная категория, значение которой раскрывается через сопоставление предметного образа и его глубинного смысла. «Переходя в символ, образ становится «прозрачным», смысл как бы просвечивает сквозь него. Эстетическая информация, которую несет символ, обладает огромным числом степеней свободы, намного превышая возможности человеческого восприятия» (Там же).

«Я называю символом всякую структуру значения, писал П. Рикер, где прямой, первичный, буквальный смысл означает одновременно и другой, косвенный, вторичный, иносказательный смысл, который может быть понят лишь через первый. Этот круг выражений с двойным смыслом составляет собственно герменевтическое поле» [86: с.3-18]. Повседневная жизнь человека наполнена символами и знаками, которые регулируют его поведение, что-то разрешая или запрещая, олицетворяя и наполняя смыслом.

«Символ никогда не принадлежит одному синхронному срезу культуры – он всегда пронизывает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения. Послания из символов в орнаментальной динамической форме составляют микрокосм человека в макрокосме мироздания» [142: с.31-33]. Символ как идеальная конструкция вещи, несет в себе в скрытой форме перспективу для её развертывания в мысли, перехода от обобщенно-смысловой характеристики предмета к его конечному смыслу. Таким образом, символ является не просто знаком тех или иных предметов, но заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего

развертывания свернутого в нем смыслового содержания [59].

Древние философы говорили, что язык символов имеет как минимум семь ключей разгадки и понимания. Это значит, что существует, по меньшей мере, семь разных подходов к одному и тому же символическому материалу. За каждым из них скрываются различные содержания и значения, каждый раз все более и более глубокие, относящиеся к разным граням существования и к разным наукам, но всегда дополняющие друг друга. Если нам открывается одно значение символа, на этом наша работа не заканчивается, напротив, она только начинается [169]. Если бы многозначность символа была его единственным свойством, его можно было бы назвать лишь содержательно богатым обозначением. Однако дело обстоит иначе: при каждой встрече носителя символа с тем, для кого он предназначен, происходит сильная взаимная реакция. Понимает или не понимает человек символическое содержание явления, кажется ли ему его внешняя форма странной и далекой, символ всегда может воздействовать на человека и сыграть в его жизни роль «Учителя и Наставника», при условии, если человек искренне нуждается в этом и не остаётся к нему равнодушным. В момент истинной встречи символа и человека в его душе наряду со смутными предчувствиями далекими от конкретного понимания происходит глобальная встряска, настоящее потрясение, необъяснимое никакими словами. еще ничего не осознавая и не желая, он более бессознательно, нежели сознательно, начинает реагировать на символ. В его душе символ находит отклик, вступает с ней в резонанс. Никогда не бывает так, что сначала человек понимает сокровенное содержание символа, а потом происходит все остальное, совсем наоборот. Сначала в каком-то уголке своей сущности человек, не находя созвучие с символом, открывает, что символ подталкивает к переосмыслению многого из того, что до сих пор он понимал, чувствовал и знал. Многое внутри человека начинает меняться и благодаря этому даже сама его жизнь становится другой. «Так начинается длительный путь трансформации души, которую вызывает и к которой подталкивает

символ. А сам он становится зеркалом этого пути, всех его этапов испытаний, сомнений и откровений. После истинной встречи с символом ничто не может оставаться таким, каким было раньше, да и сам человек уже не тот» [169].

Знак, «ничего не изменяя в самом объекте психологической операции» [24], в то же время определяет изменение объекта в самосознании человека. Не только язык орудие человека, но и человек –орудие языка.

К знакам символам относится и татуировка. Причем можно отметить, что она довольно рано приобрела символическое содержание к родовому строю и уже широко использовалась в обрядовой практике. Так, в древнейших формах коммуникации человека, визуальная система во всех культурах демонстрировала множество знаков, имеющих символический смысл и обладающих ритуализованными значениями в человеческом сообществе. Этот культурно-исторический арсенал необходим при осуществлении общественного функционирования в жизнедеятельности, а также с точки зрения прогнозирования его результатов [140: с.261].

Например, охотничья маскировка придала значительный импульс развитию визуальности древнего человека и использованию в дальнейшем татуировки как ее элемента. Подобное преобразование телесности с использованием масок, демонстрирующих животного или его изображение на теле охотника, способствовало убеждению, что подражание зверю, его внешнему облику усиливает физические возможности человека, способствует успеху в деле. При этом условия выживания человека требовали точности при визуальном уподоблении объекту охоты.

Следует отметить, что до настоящего момента точно не установлено время появления татуировок. «Редкие, сохранившиеся мумифицированные или вмерзшие в ледниках тела практически всегда в разной степени были татуированы. Так, неолитические статуэтки, найденные археологами в Венгрии и датированные пятым тысячелетием до новой эры, покрыты орнаментом на груди и ягодицах» [127]. Достаточно подробно описана

мумия, найденная в альпийских горах, на коже которой сохранились следы татуировок. М.Б. Медникова в монографии «Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник» приводит много примеров татуированных мумий, найденных при раскопках в пустыне Такла-Макана, в горах Алтая. Важно отметить, что основное содержание татуировок мумии вождя составляли изображения зверей. На самой южной точке Алтая на плато Укок во льду найдено тело молодой женщины, руки которой были сплошь покрыты татуировкой. Рисунки также изображали разных зверей. Некоторые из них представляли собой неких фантастических животных с лапами хищника, туловищем оленя, хвостом тигра и головой грифона на спине [64].

Одним из самых интересных направлений в этнической татуировке считается скифское. Образцы кожных рисунков скифов были найдены во время раскопок группы Пазырыкских курганов на Горном Алтае. Именно оттуда археологи экспедиции С.И. Руденко извлекли набальзамированное тело скифского вождя, сплошь покрытое замысловатыми узорами татуировки. Изображения покрывали грудь, спину, обе руки и обе голени. Татуировка была выполнена путем накалывания и демонстрировала изображение животных. При этом тело изображавшихся животных древний художник делил на две части. Задняя, абсолютно простая часть татуировки была выполнена схематично. Передняя же была богато украшена замысловатым орнаментом и представляла зверя как мифологическое существо огромных размеров и скорее всего такой же силы. Время погребения датировалось приблизительно V–IV вв. до н.э.

Эти и другие примеры, приведенные в различных источниках (Анджей Ельски и др.), дают представление о богатых сюжетами и формами древних татуировках. Хотя корни татуировки, уходя так глубоко в историю становления человеческой популяции, трудно поддаются анализу.

Вместе с тем, в период, доступный для изучения, археологические материалы представляли перед исследователями картину не только широкого

распространения татуировок, но и множество сюжетов и способов их нанесения на тело. Восстановить процесс превращения этого феномена в значимую и важнейшую часть жизнедеятельности человека можно, опираясь на исследования в области антропологии, этнографии, изучая описания и анализируя традиционные обряды и праздники.

В монографии «Исторический субъект в поисках своего Я» А.В. Шабага развивает мысль о том, что на ход социального развития вообще и идентичность конкретного исторического субъекта, в частности, влияют, прежде всего, социальные характеристики пространства и времени [108]. Ритм в процессе жизнедеятельности человека и симметрия как наиболее общий принцип строения материи основаны на законах сохранения энергии, импульса, заряда, что соответствует фундаментальным основам миропорядка в окружающей его природе. «Освоение, воспроизводство мирового порядка в своей второй природе – пространстве культуры соприродно самому человеку» [140: с.255]. Обобщение, имитация и интерпретация форм природы, растений и фигур животных и людей, а также условные действия с ними в их изображениях служат знаками замещающего свойства, имитирующими действия с реальными объектами в ритуалах, позволяя человеку овладеть культурными требованиями и нормами. При этом символы и знаки обретают ритуальное и магическое культурное назначение путем «онтологизации, персонализации, субъективизации, семиотизации, историзации» [144]. Все вышеперечисленное – одна сторона, составляющая фундамент появления и распространения рисунков на теле одновременно со знаками и узорами, покрывавшими стены пещер, вещей, окружающих человека предметов быта и охоты.

Другой составляющей является демонстрация окружению себя посредством тела, ограничивая тем самым степень своей свободы. Человек постоянно вынужден выбирать между двумя формами репрезентации себя посредством своего тела – для самого себя и для других. При этом внимание субъекта постоянно удерживается то одними, то другим факторами: оно

выборочно выхватывает инварианты информации во внутреннем и внешнем, вычлняя то или другое из общего фона восприятия.

«В то же время, проникая в образы тела, всегда присутствующие в сознании, субъект не только открывает для себя сущностные стороны своей самости, но и научается видеть и распознавать внешние по отношению к себе объекты среды» [71:с.91]. Содержание двух пластических реакций определяется двумя центральными факторами – инстинктивной природой человека и опытом его жизнедеятельности. Существуют многочисленные данные о влиянии среды на невербальное поведение человека. Эти данные подтверждают существование устойчивых форм поведения у людей одной эпохи, одного объединения, одного уровня культуры, представляющих сочетание индивидуальных, личностных форм поведения с групповыми, социокультурными. Каждая общность воспроизводит в своих членах качества личности и особенности их выражения, соответствующие её образу жизнедеятельности. П.Д. Тищенко отмечает, что вся телесность человека «...втягивается в культурный контекст, превращаясь в универсальный язык культуры...Объективизация индивидом в собственном теле позиции социума является условием окультуривания телесности – превращения телесности человека в универсальную знаково-орудийную форму. Человеческое тело превращается в своеобразный текст, сгусток социальной памяти» [149:с.47].

«В каждой культуре существуют определенные нормы, поведенческие установки, ценностные ориентации, некие стандарты культурной деятельности, регулирующие поведение людей, свидетельствующие об их принадлежности к конкретным социальным и культурным группам и выражающие их представление о должном и желательном» [19:с.315].

Общеизвестно, что стандарты существования человека в группе транслировались с помощью обрядов и праздников. У данного способа передачи законов и правил были две стороны. Одна из них касалась передачи жестко регламентированных стандартов поведения, предполагавших сложные манипулирования телом. В частности к подобным манипуляциям

можно отнести обряды инициаций, похорон, вступления в брак и проч. Причем именно эти периоды существования человека отмечались и татуированием, подчеркивающим принадлежность к определенной группе, возрасту, полу, статусу человека в сообществе. «По-видимому, в строго определенном возрасте, при прохождении инициации юношам наносили неизгладимые знаки, тот самый «священный текст», который делал их полноправными членами мужского братства охотников и воинов, а также говорил посторонним об их принадлежности к определенной племенной группе» [64].

В свою очередь праздники, многие из которых часто завершали ритуальные отправления, носили несколько иной характер. В них осуществлялось раскрепощение индивидуума, демонстрация эмоций, освобождение от сдерживающих и ограничивающих человека этнокультурных механизмов, расслабление и одновременно неистовство в проявлении чувств [19]. Такие моменты позволяли человеку проявить свою индивидуальность. При этом и в татуировках допускалась изобразительная свобода, можно было разукрасить свое тело соответственно собственному представлению о том, что следует подчеркнуть: свою красоту, силу, мужество, ловкость и т.д. При этом каждый представитель группы усиливал свою самопрезентацию помимо использования официальной татуировки ещё и индивидуальной символикой.

Основываясь на большом количестве фактов, демонстрирующих наличие множества довольно сложных татуировок у вождей, старейшин, шаманов, можно отметить, что довольно быстро татуировка, не теряя утилитарное, практическое значение, приобрела характер подчеркивания статуса её владельца.

Вместе с тем следует отметить, что пространство жизнедеятельности первобытного человека мифологизировано. Так, Клод Леви-Стросс, объясняя происхождение мифов, рассматривал их как своеобразные инструменты освоения окружающего мира, помогавшие людям в общении, анализе и

классифицировании [53]. Именно в ритуалах в рамках освоения мифологической картины мира человек начинает выделять себя из окружающей природы, а татуировка становится показателем осознания сообществом своего отличия от природной среды, а также и осознания своего отличия от другого сообщества.

Одной из функций мифа является защита человека, предоставление ему границ познаваемого Космоса (в рамках мифа) посреди непознанного Хаоса. Второй его функцией можно обозначить функцию развития, вызова, испытания, проявляющихся в требованиях, предоставляемых мифом человеку, чтобы тот был способен осознавать себя не животным или стихийным существом, а человеком.

При этом татуировку можно рассматривать как индивидуальный миф (в случае её осознанного выбора индивидуумом) или как «отблеск», след коллективного мифа (если речь идет об исключительно субкультурно модном варианте изображения). «Татуировка своеобразно оформляет границы тела и образ личности, равно как и предоставляет площадку для прорыва образов коллективного бессознательного, является печатью индивидуальных испытаний, или же жертвенником для отображения чужих образов» отмечает Г.Б. Бедненко в работе, посвященной символическому смыслу татуировки [123].

В рамках мифологического мировоззрения обнаруживается и символическая характеристика татуировок в русской культуре. Так, по мнению Ю.М. Лотмана, в русской культуре возможно бурное развитие магических ритуальных знаков, использующих в изображениях татуировок простейшие геометрические фигуры: круг, крест, параллельные линии, треугольник и основные цвета. При этом каждая эпоха имеет свои символы, отражающие сложившуюся идеологию, мировоззрение как совокупность идей и взглядов, отношение людей к миру, к окружающей природе, друг другу. Символы служат стабилизации или же изменению общественных отношений. Символы эпохи, выраженные в предметах, отражают действия и

психологию человека, принадлежащего данной эпохе. Так, особое значение во многих культурах имел такой предмет, знаменующий собой доблесть, силу, храбрость воина, как меч. Ю.М. Лотман пишет, что меч не более чем предмет, как вещь он может быть выкован или сломан, но символически он демонстрирует свободного человека и является «знаком свободы». Он уже предстает как символ и принадлежит культуре [60:с.368]. Область культуры всегда область символическая. Так, в разных своих воплощениях меч как символ может быть одновременно и оружием, и символом, а может стать только символом, когда для парадов изготавливается специальная шпага, исключая практическое применение, фактически становясь изображением (иконическим знаком) оружия.

Следует отметить, что символика татуировок имеет двойную направленность, с одной стороны, она определенным образом влияет на окружающих и, вместе с тем, в наибольшей степени психологически влияет на самого носителя. Это обусловлено необходимостью приобретения самоидентичности. Так, в монографии «Исторический субъект в поисках своего Я» А.В. Шабага, представляя этот процесс, подразделяет его на три периода. К первому он относит процесс, когда общество, идентифицируя индивида, задает ему вопрос (Ты чей?). Во второй период определяется принадлежность к сообществу, под покровительством которого индивид находится (Под чьей защитой ты находишься?). В третьем периоде, который, по мнению автора, распространяется и на наше время, начинают преобладать взаимоотношения (С чем ты себя соотносишь?) [108:с.33].

Можно предположить, что желание, а может быть и необходимость соотносить себя с кем-нибудь или с чем-нибудь, существовали с момента выделения человеком себя из животного мира. И те явления, факты, или ситуации, с которыми он сталкивался, производили такие впечатления, что он пытался зафиксировать это на своем теле с помощью знаков и рисунков, демонстрирующих принадлежность к соответствующей группе. Подтверждение этому может служить охотничья маскировка,

демонстрирующая для формирующего коллектива силу воздействия этого преобразования. Удачливому охотнику воспроизведение на теле рисунка льва, тигра, буйвола и проч. давало возможность соотнести себя с этим зверем, что не только придавало значимости среди соплеменников, но и удивительным образом придавало силы и значимость самому носителю этих рисунков [42].

Этому способствовало ещё и то обстоятельство, что для периода, о котором идет речь, характерно наделение окружающей природы чертами, ее очеловечивающими. Л.Я. Штернберг отмечал, что человек и духов именуется людьми: «лесные» люди, «горные» люди, «небесные» люди. При этом татуировки могли подчеркивать принадлежность человека к тому или иному представителю «людей-духов» [13].

Современный исторический этап характеризуется индустриальной культурой. Индустриальное развитие, все повышающийся темп жизни, технократическая идеология не дают человеку удовлетворить свои специфические потребности в общении, уединении, принадлежности и т. д.

В традиционных обществах дефицит общения, эмоциональности во многом преодолевался в коллективных ритуалах. Важнейшим следствием их была психотерапевтическая компенсация, состоявшая в коммуникации, объединении людей, преодолении одиночества, тревожности, отчужденности, дававшая ощущение принадлежности к группе.

Изложенное выше позволяет считать что, татуировка не пассивное изображение – это активный символ, своеобразный индикатор характеристик носителя, его скрытых личностных особенностей. В целом пространство знаковой культуры превращает не только слова, но и идеи, чувства в знаки, отражающие достижения культурного развития человечества и трансформирующие значения и смыслы в исторической протяженности человеческой культуры. В результате в истории совершенствования человеческой культуры, человеческого духа происходит непрерывное преобразование предметного, природного и социального мира в контексте реальности образно-знаковых систем. Эта реальность, определяя

пространство человеческой культуры и выступая средой обитания человека, дает ему, с одной стороны, средства психического воздействия на других людей, с другой – средства преобразования собственной психики.

Следует отметить, что в современной российской культуре для преодоления дефицита общения, эмоционального отчуждения, приобретения чувства общности люди прибегают к различным объединениям. Такими объединениями для молодежи становятся субкультурные группировки разной направленности. Причем символическим связующим звеном в них зачастую является татуировка как знак принадлежности и символ соединения с теми, кто имеет сходные взгляды, установки, ценностные ориентиры.

1.2. Социокультурные характеристики современных молодежных субкультур

Как все явления культуры, татуировка прошла определенный исторически обусловленный путь изменений, связанных с различными социально-экономическими условиями и культурно-историческими преобразованиями. Эти изменения коснулись мотивов, символического содержания и техники нанесения рисунков, социального статуса её приверженцев и другой информации. В задачу данного исследования не входит анализ глубинных процессов, связанных с указанными изменениями. Рассмотрим ряд положений и выводов, существующих в настоящее время о той части представителей социума, которая активно использует татуировку как определенный маркер. Чаще всего татуировка исследуется в таких группах, как молодежные субкультуры.

Существует широкий спектр мнений о сущности этого явления, содержании и направленности его деятельности. Прежде всего обратимся к

содержанию понятия «молодежная субкультура». В широком смысле под субкультурой понимается частичная культурная подсистема «официальной» культуры, определяющая стиль её носителей. Иными словами, субкультура – это подкультура или культура в культуре.

Субкультура – это, прежде всего, система норм и ценностей, отличающих группу от большинства обществ. Она формируется под влиянием таких факторов, как возраст, этническое происхождение, религия, социальная группа или место жительства. Ценности субкультуры не означают отказа от национальной культуры, принятой большинством, они обнаруживают лишь некоторые отклонения от неё.

Следует отметить, что в целом четкое определение понятия «субкультура» затруднено из-за фундаментальности базисного понятия «культура», которое само по себе имеет неограниченное количество определений в зависимости от точки зрения авторов. В результате в социологии продолжается дискуссия по поводу определения понятия «субкультура». Приведем некоторые из них.

– «Субкультура – свод накопленных определенным мировоззрением ценностей и порядков группы людей, объединённых специфическими интересами, определяющими их мировоззрение. Субкультура суверенное целостное образование, часть общественной культуры. С точки зрения культурологии субкультура – это такие объединения людей, которые не противоречат ценностям традиционной культуры, а дополняют её» [156].

– «Прежде всего, приставка «суб» в термине «субкультура» в современном контексте подразумевает, что речь идет о подсистеме культуры как целого. Субкультура не представляет собою самостоятельного целого. Ее культурный код формируется в рамках более общей системы, определяющей основу данной цивилизации и целостность данного социума (ее мы и обозначаем словом «культура»). Субкультуры как ее подсистемы опираются на ее культурный код (общий для большинства и обеспечивающий взаимопонимание этого большинства), кроме того, ориентированы на

постоянный диалог с нею. Этот диалог может принимать формы «обновления культуры», ее «развития», «восстановления традиций» или «противостояния», «разрушения», но это необходимый элемент самосознания и самоопределения субкультур. Каждая из них определяется, прежде всего, по отношению к культуре (господствующей, общепринятой, материнской и т.п.), противопоставляя ей свои нормы и ценности, либо черпая в ней обоснования этих норм» [112].

– «Субкультура – это культура различных социальных групп, существующих в рамках официальной культуры. Традиционалистская субкультура не противоречит традиционным ценностям социума. В свою очередь субкультуры, противоречащие традиционной культуре, называются инновационно-авангардными. В рамках каждой субкультуры существуют свои нормы, обычаи, ценности» [173].

- «Субкультура – это понятие, характеризующее культуру группы или класса, отличающуюся от господствующей культуры и не противоречащую ей, или же являющуюся ее частью и противоречащую ей (контркультура). Итак, представителей конкретных субкультур объединяет это система ценностей, демонстрирующая их принадлежность к данной социальной группе. Разновидности субкультур не ограничены. Пока существует человечество, развивается наука и социальная инфраструктура будут возникать сообщества, связанные сходными интересами, профессиональными навыками и принципами миропонимания. Внутри каждой такой ячейки, как следствие, возникают свои правила, нормы и законы, регулирующие взаимоотношения между людьми данного «подвида» субкультуры» [156].

В приведенных определениях главенствует основной постулат, что субкультура – это подсистема культуры как целого. Однако существует и другая точка зрения, использующая понятие «контркультура» для обозначения данных молодежных структур как отвергающих всякую культуру, противостоящих культуре как таковой. Именно в этом аспекте

следует различать традиционалистские и инновационно-авангардные субкультуры. Так, к традиционалистским относятся профессиональные субкультуры, возникающие как позитивная реакция на потребности общества. Появление инновационно-авангардных объединений связано с отрицанием «базовой» культуры общества. Для обозначения социально-культурных установок, противостоящих фундаментальным принципам «базовой» культуры, и используется термин «контркультура». Джон Йингер трактует контркультуру как комплекс, набор или конфигурацию «норм и ценностей группы, резко противоречащих нормам и ценностям, господствующим в обществе, «частью которого» эта группа является» [40].

Трактовку генезиса контркультур и субкультур можно проследить в модели субъектности человека К. Ясперса. Человек рассматривается им как граница двух бесконечных миров: материального и мира сознания. «Рельеф» этой границы и определяет субъектность человека. Общество состоит из людей, соответственно через эту же схему можно представить субъектность общества в целом. На границе этих двух миров и протекает социально-психологическая жизнь общества. Но поскольку граница этих двух миров также бесконечна, культура данного общества охватывает лишь определенный участок этой границы. Контркультура – это всего лишь другой её участок, чаще всего не столь отдаленный, субкультура – участок, с ней пересекающийся [117].

Как культура общества, так и контркультура в процессе своего развития склонны с течением времени перемещаться по линии субъектности, изменяясь, включая в себя новые элементы и оставляя старые. Таким образом, контркультура может постепенно переходить в субкультуру, а иногда и вовсе растворяться в культуре общества. Приблизительно такой процесс можно наблюдать на примере представителей рок-культуры. Имея лет десять назад явную контркультурную окраску, сегодня это объединение относится, скорее, к молодежной субкультуре.

По мнению В.А. Гришина, субкультуру следует рассматривать через

призму определенных способов человеческой жизнедеятельности, проявляющейся во внешней (объективированной) и внутренней (субъективированной) предметности, характеризующей довольно устойчивую степень нравственно-психологического отчуждения, проявляющегося в отношениях к другим людям, в системе социальных норм и институтов к духовным ценностям и обществу в целом [128]. Разумеется, отмечает В.А. Гришин, в этом свете вряд ли можно говорить о существовании в той или иной среде субкультуры в полном её объёме.

Е.И. Гацкова в своей статье подчеркивает, что в различных сферах человеческой жизнедеятельности на уровне группового сознания отмечается проявление отдельных субкультурных образований, которые по характеру, степени интенсивности, устойчивости и распространенности не одинаковы [26].

Частным случаем проявления субкультур являются молодёжные субкультуры. Эпитет «молодёжная» сразу определяет некую культурную нишу, занимаемую людьми, объединёнными по возрастному принципу. Возраст в этом случае – весьма важная демографическая характеристика. Учет особой психологии возраста в культуре бесспорно важен, так как он накладывает существенный отпечаток на духовность, поведение, установки, ценностные предпочтения.

Молодежь – это социально-демографическая группа в возрастных границах от 14 до 30 лет. Её доля в общем населении составляет около 20%, что является весьма значительным количественным показателем, чтобы оставлять её в стороне от рассмотрения [26].

Значимую информацию для понимания данной возрастной категории дают работы Э. Эриксона. В частности, в работе «Идентичность: юность и кризис» он отмечал, что «Молодежь во все времена – это не только шумные и заметные люди, но и тихие страдальцы, становящиеся объектом внимания психиатров» [114:с. 35]. Причем он отмечает, что современная молодежь явно демонстрирует конфликт идентичности. «Кажется, они во всем

стремятся быть не такими, какими их хочет видеть общество: по крайней мере, в этом они «конформисты». Им действительно доставляет удовольствие нервировать родителей своей внешностью, ведь бравирование своим видом – средство заявить о позитивной идентичности, не основанной на конформизме или притязаниях родителей» (Там же:с. 36). Причем следует отметить, что данное исследование Э. Эриксона, наряду со взглядами отечественных психологов Л.С. Выготского и Д.Б. Эльконина, доказывает, что один из психосоциальных кризисов личности приходится на исследуемую нами возрастную категорию. В этом возрасте подросток колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и полюсом путаницы ролей.

Рассматривая основные характеристики молодежной субкультуры, можно отметить, что характерной ее особенностью является стремление к обособленности, отстраненности, часто демонстративной, эпатажной от культурных ценностей старших поколений и национальных традиций. Причем в массовом сознании, особенно представителей взрослого поколения, восприятие молодежной субкультуры часто имеет негативный характер. В результате в обществе эти объединения со своим специфическим языком, поведением, ценностными идеалами, модой, предпочитаемыми направлениями искусства все чаще ложно оцениваются как контркультура.

Другой характерной особенностью современной молодежной субкультуры является преобладание стремления к потреблению, а не к творческой деятельности. Данную особенность следует рассматривать как чрезвычайно негативную для культуры, так как приобщение человека к культурным ценностям происходит лишь в активной культуротворческой деятельности.

Следующие проявления молодежи представлены авангардностью, устремленностью в будущее, часто экстремальностью. Причем эти черты могут сочетаться с отсутствием интереса у молодежи к приобретению серьезного фундамента исторических и культурных традиций своего этноса.

Достаточно часто появление молодежных субкультур и их существование обусловлено потребностями молодых людей, испытывающих кризис идентичности, справиться с ним, успешно социализироваться и при этом активно заявить о себе. Часто в обществе у представителей старшего поколения формируется представление о том, что молодым «присущ дух противоречивости, что для них нет пророков в своем отечестве», они во многом слывут оппозиционерами по отношению к традиционным культурным ценностям и процессам. Молодежь зачастую стремится вырваться за ограничительные рамки социальных правил, законов и нормативных предписаний, ей часто присущи максимализм, отрицание авторитетов, категоричность суждений, неприятие советов старших. Им может быть характерно сопротивление по отношению к необходимости подчиняться существующим социокультурным моделям, они категорично воспринимают все нормативно-регламентирующее.

Вместе с тем именно молодежи присущи активность, динамизм, открытость миру, повышенная эмоциональность, оптимизм, романтические устремления и идеализация всего нового. В связи с этими особенностями молодежи свойственно вступать в конфликт с теми, кто не разделяет их мировоззренческих позиций и ценностных предпочтений. Каждый человек стремится к обретению ясности и определенности своего существования, к расширению пределов своей компетентности, обретению чувства целостности и тождественности своей личности, к тому, чтобы имеющиеся знания были интегрированы в целостную и непротиворечивую структуру их сущности. Именно эти стремления оказывают влияние на процессы развития субкультур, возникающих в большей степени как следствие противоречий в «большой» культуре. Действительно, требование непротиворечивости, личностной устойчивости и целостности предполагает, что каждая субкультура будет формировать набор правил и требований к своим приверженцам, позволяющих принимать решения по поводу всего, что может быть необходимо. Возможно, система принципов, по которым

осуществляется подобный отбор, – это самая важная характеристика субкультуры. Таким образом, существование субкультур является неизбежным следствием культурной дезинтеграции, ситуации, когда каждый индивидум вынужден и хочет относительно свободно выбирать из множества вариантов правила мышления и поведения, им предпочитаемые.

Вопрос о том, насколько культуры вообще и культуры современных обществ в частности представляют собой единое целое, был одним из центральных для антропологов XX столетия. В результате была принята компромиссная точка зрения, далекая от представлений о культуре как несвязанном комплексе разрозненных элементов, а также от другой крайности, представляющей культуру как идеально скоординированную систему, каждый элемент которой полностью детерминирован совокупностью других. Стоит отметить, что культура любого современного общества, по крайней мере отчасти, находится в состоянии определенного хаоса, а любой ее член вынужден время от времени выбирать каким нормам мышления и поведения ему следовать. Причем каждый человек принадлежит к какому-либо объединению, хотя они не имеют ни самоназвания, ни системы символов, обозначающих их границы. При этом формирование самоидентичности, обусловленное кризисом идентичности подросткового возраста, может проявляться стремлением молодежи объединиться с себе подобными, чтобы приобрести коллективную силу и мощь, преодолеть личностную неуверенность, чувство тревожности и ощущение нестабильности. При этом выбор символики телесной атрибутики обуславливается необходимостью быстро и эффективно отличать «своих» от «чужих».

Исходя из этого, нами была выдвинута гипотеза исследования об актуализации использования татуировки современной молодежью, обусловленной поисками приобретения ею устойчивой идентичности за счет соединения с себе подобными и формированием в связи с этим различного рода социокультурных объединений (субкультур).

Следует отметить, что изучением молодежных субкультур наиболее активно стали заниматься с 60-х годов XX столетия. Первые публикации относительно молодежной культуры появились ещё в 30-е годы, однако, как отмечает Т.Б. Щепанская, «всплеск этого феномена связан с протестными движениями конца 1950–1960-х годов, когда молодежь была осознана как источник социальных проблем в обществах Запада» [111: с.27].

Что же касается России, как отмечает в своей статье В.А. Луков, то в отечественной социологии анализ молодежных субкультурных феноменов до конца 1980-х годов велся в очень узких рамках и не был сколько-нибудь значимой областью молодежных исследований. «Частью это происходило из-за того, что такие феномены в силу утвердившихся научных парадигм воспринимались как социальная патология, а подобного рода тематика в основном носила закрытый характер и ее разработка не могла вестись по свободному выбору того или иного исследователя или исследовательского коллектива. Важно и то, что субкультуры, свойственные Западу, были мало представлены в России (по крайней мере, на поверхности) в формах социальной и культурной активности молодого поколения» [137:с. 79-87].

Поддерживая точку зрения А.А. Брешина в определении особенности российских молодежных субкультур, отметим, что «молодежные субкультуры возникают как сообщество «отверженных», «иных», а людей, которые не могут или не хотят вписываться в установленные основной культурой нормативные рамки и паттерны поведения. Субкультура как сообщество призвана социализировать «выпавших» из общества лиминальных личностей. Если на начальных этапах субкультурной вовлеченности для человека важно закрепление этого отторжения, приобретение чувства защищенности, которое дает принадлежность к группе, то затем, обретя уверенность в себе, удовлетворив часть потребностей, на последующих этапах человек направлен на преодоление отторжения, на формирование собственной линии поведения и отношения к миру, удовлетворяющей и социальные запросы, и своеобразные

индивидуальные притязания» [160:с. 121].

Следует отметить, что признаками наличия и сформированности субкультуры является совокупность таких данных у представителей субкультурного объединения, как система знаний и представлений ее членов об окружающем мире, ценностях, стиле и образе жизни, потребностях и склонностях. Любой человек, формируя представления об окружающей действительности, выстраивает целостный образ социокультурного мира и своего места в нем. Причем именно с учетом созданного образа происходит ориентация индивидуума в жизненном пространстве. Сходные установки и ценностные ориентации способствуют объединению молодежи в сообщества.

Е.В. Левикова [135: с.75], рассматривая на примере молодежных субкультур две модели динамики ценностей культуры, отмечает, что каждое неформальное молодежное объединение на начальной стадии своего существования вырабатывает ценности, в дальнейшем разделяемые всеми представителями данного сообщества. «Эти ценности в той или иной мере отличаются от традиционных ценностей «материнской», базовой культуры, того культурно-исторического типа, в рамках которого возникает неформальное молодежное объединение и продуцируемая им молодежная субкультура. Соотношение ценностей двух культур – материнской, базовой и дочерней, молодежной субкультуры – можно рассматривать как проявление общего и особенного. Это соотношение сохраняется на протяжении всего периода существования конкретного неформального молодежного объединения, однако сами ценности с течением времени претерпевают изменения, поскольку постоянно взаимодействуют как с ценностями базовой культуры общества и иных его субкультур, так и с внешними по отношению к ним ценностями других культурно-исторических типов» (Там же).

В свою очередь Т.Б. Щепанская подчеркивает, что субкультуры не способны к автономному самовоспроизводству и используют коды своей культуры, из которой заимствуют символы, несколько трансформируя или перекодируя их; «каждая из субкультур определяет себя, прежде всего по

отношению к культуре (господствующей, общепринятой, материнской), противопоставляя ей свои нормы и ценности, либо черпая в ней обоснования этих норм» [111: с. 28].

Вместе с тем, следует обратить внимание на некоторые особенности существования молодежных субкультур в общем контексте современной российской культуры. «Развитие индустриализации и появление возможности тиражировать произведения искусства дало жизнь массовой культуре, одной из основных черт которой является ориентировка на усредненные вкусы с целью продавать как можно больше медиапродуктов», отмечает А.О. Райхштат [162: с.25-26]. Он обосновывает, что молодежная субкультура возникает как альтернатива такому унификационному процессу. С самого момента появления молодежная субкультура не вписывается в массовую культуру. Несмотря на постоянные процессы сближения массовой культуры и субкультуры, попытки со стороны первой «поглотить» последнюю не заканчиваются успехом, субкультура сохраняет «контрстатус». Можно проследить определенную закономерность – как только та или иная молодежная субкультура начинает движение навстречу массовой культуре, она распадается и прекращает своё существование в качестве субкультуры (Там же). Именно поэтому все попытки современной российской власти создать молодежные движения, которые бы поддерживали государственную идеологию, приводят к тому, что они чаще всего не воспринимаются молодежью. Субкультуры по своей глубинной сути закрыты от внешнего мира.

Таким образом, молодежную субкультуру отличает невовлеченность в базовую культуру общества. При этом «невовлеченность» при одновременном желании молодежи привлечь к себе внимание окружающих приводит к объединению эпатажных, эскапистских и протестных форм субкультуры. Эти объединенные формы предоставляют молодежи возможность включиться в сообщество, выполняющее роль «своеобразного компенсаторного механизма, решающего задачу противовеса мощному

нивелирующему давлению массовой культуры и проявляющегося как своеобразная защитная реакция культуры от самоуничтожения [54: с.44].

В основе молодежной субкультуры лежит особый способ отношения с миром, в котором они живут. Молодежная субкультура – это и особый образ жизни, разделяемый, в основном, живущими им непосредственно или же сочувствующими ему. Молодежные субкультуры можно рассматривать как формы «самовыражения и высказывания молодых». Ведь именно молодежь чаще всего стремится к изменению окружающего мира, своей жизни, стремится освободиться от бытующих в культуре стереотипов, отказаться от социальных требований и нормативных канонов. Представители молодого поколения хотят утвердить в обществе жизненную позицию альтернативную ранее существующей.

Необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что субкультуры, свойственные западу, мало представлены социальной и культурной активностью среди молодежи современной России. Российская специфика субкультурных образований слабо развита в традиционном для Запада понимании. Профессор В.А. Луков отмечает три фактора, способствующие этому.

Прежде всего – это социальная и экономическая неустойчивость российского общества. Для значительной части молодежи проблема физического выживания отодвигает на задний план потребности, реализуемые в формах молодежных субкультур.

Следующим фактором В.А. Луков обозначает особенности социальных достижений в современном российском обществе. Молодежь получила возможности достижения престижного социального положения в достаточно короткие сроки. Возможность быстро достичь успеха, стать богатым, в действительности слишком часто обусловленная принадлежностью к криминальным группировкам, является основой для социальных установок и ожиданий значительной части современной российской молодежи. Этим во многом вытесняется процесс идентификации с субкультурными ценностями

в западном смысле, поскольку такая идентификация в российских социокультурных условиях противоречит реализации установок молодежи на материальное благополучие [61:с. 87].

Последний фактор состоит в том, что утрачены нормативно-ценностные основания, необходимые для поддержания социальной солидарности и обеспечения требуемой социокультурной идентичности. Вместе с тем современная молодежная субкультура во многих странах мира, в том числе и в России, формировалась в процессе отчуждения молодежи не только от многих культурных форм и стереотипных представлений о нравственно-нормативном, но и от самого образа жизни более старших возрастных слоёв [137].

Для того чтобы рассмотреть сущностные характеристики молодежных субкультур, необходима определенная их классификация. В.А. Луков считает: «Субкультурные феномены легко поддаются описанию, но их классификация и типологизация затруднены многообразием несводимых в систему признаков. Методологически важно понимать, что какой-то стройной классификации субкультур создавать нет смысла. Упорядочение фиксируемых данных, скорее всего, возможно в рамках каждого из отдельных фрагментов субкультурной мозаики [61: с.87].

Вместе с тем существует несколько подходов к группировке субкультурных объединений. В отечественной науке принято выделять три основные субкультуры молодежи: асоциальные, антисоциальные, просоциальные:

- асоциальные – стоят в стороне от социальных проблем, но не представляют угрозу обществу. В основном выполняют рекреационные функции. Примеры: «готы», «реперы», «рокеры»;

- антисоциальные – имеют ярко выраженный агрессивный характер, стремление утвердить себя за счет других, им присущи нравственная «глухота» Ярким примером являются «скинхеды»;

- просоциальные (социально-положительные) - приносят обществу

пользу. Эти объединения решают социальные проблемы культурно-защитного характера. Например, «зеленые» занимаются защитой памятников архитектуры, реставрацией храмов, решают различного рода экологические проблемы.

Данная типология акцентирует внимание на взаимосвязях молодежных групп и общества в целом.

Однако существует и другая типология неформальных молодежных объединений на основе интересов, предпочтений и жизненных установок:

- музыкальные: «рокеры», «рэйверы», «битломаны», «металлисты», «роллинги», «стиляги», «панки», «хип-хоп», «рэп» и проч.;
- интеллектуальные: «толкиенисты», «русичи», «археологи», «реконструкторы», «русские индейцы» и проч.;
- философско-мистические объединения: «хиппи», «пушкинисты» и проч.;
- спортивные и околоспортивные: «роллеры», «сноубордисты», «стритрейсеры», «байкеры», «футбольные фанаты» и проч.;
- компьютерные: «хакеры», «администраторы», «геймеры» и проч.;
- политические: «скинхеды», «пацифисты», «Наши» [128].

Данная классификация субкультур достаточно условна, но имеет определенное значение для нашего исследования.

Анализ субкультур на основе интересов, предпочтений и жизненных установок демонстрирует следующее.

Музыкальные группы отличаются разнообразием по своим музыкальным пристрастиям. Так, увлечение таким музыкальным направлением, как хард-рок привело к появлению «металлистов». Эти объединения группируются на основе интересов к совместному прослушиванию музыки в стиле рок. Они также имеют название «Хэви металл». Тяжелый металлический рок отличается жесткостью ритма ударных инструментов, чрезвычайная мощность усилителей и выделяющиеся на их фоне сольные импровизации исполнителей.

В свою очередь основой объединения рейверов является поклонение определенным музыкантам – кумирам, а также ночной образ жизни, оторванность от природы, индустриальность музыкальных ритмов, являющихся альтернативой рок-музыке.

Обращает на себя внимание то, что в период перестроечных преобразований в России молодежь практически выпала из идеологического и духовного влияния государства. Предоставленность самой себе привела к тому, что основой ряда объединений послужили образцы западных субкультур. Но они не имели ярко выраженного протестного характера, это чаще всего было стремление молодежи обрести устойчивость в быстро изменяющемся обществе и культуре, путем объединения в группы, поддерживающие друг друга.

К такому роду объединений можно отнести ряд субкультур танцевального направления. Среди них объединение брейкеров, представители которого стремятся соединить музыку с особым видом танцевальных движений. Break-dance – вид танца, соединяющий в себе разнообразные спортивно-акробатические элементы, сменяющие друг друга.

В.А. Луков в работе «Молодежные субкультуры в современной России» относит брейк-данс и рэп (ритмическая скороговорка) к такому сложному явлению, как хип-хоп культура, стимулом развития которой послужило массовое распространение технических новинок в области музыкального оборудования, прежде всего, появление виниловых пластинок и техники, позволяющей их проигрывать на улицах, в местах скопления молодежи [137]. Брейк-данс соединяет в себе элементы акробатики, афро-бразильской борьбы. При этом «рэп» как проявление городской, уличной культуры объединил эстетику молодежной «дворовой» жизни и быт «музыкантов-лабухов».

Автор отмечает, что одной из черт раннего рэпа является хвастовство как способ самоутверждения. В скороговорке рэпера имеет место не только жесткая ритмическая основа, но и определенные рифмы, что делает рэп

разновидностью современной молодежной «поэзии». Причем в СССР «брейк-данс» стал известен в середине 1980-х годов. Чуть позже в 1985 в стране появляются первые сложившиеся объединения «брейкеров», завоёвывающих право на проведение фестивалей «брейк-данса». Особенно активное увлечение брейком и его распространение в молодежной среде выявляется в 1990-х годах. Возникают новые команды исполнителей, открываются первые школы брейк-данса, обучающие ему молодежь, появляются телевизионные передачи, содержащие сюжеты об этом танце. С 2001 года Россия впервые официально участвует в международном чемпионате по «брейк-дансу».

Рассмотрим ряд субкультурных групп, которые условно обозначены как имеющие интеллектуальные основы для объединения. В.А. Луков описывает их под эгидой «романтическая компенсация повседневной рутины» [137: с.84]. Это объединение молодежи выражает особенности современного общества и общего для молодежи стремления к обновлению, поиску смысла жизни, приключениям, а также различного рода испытаниям себя в необычных условиях.

На первом месте в этом ряду субкультур находятся «диггеры» и «археологи». В данные субкультурные объединения входит молодежь, объединенная интересом к экстремальным видам спорта. Причем ряд представителей этого сообщества имело достаточно сформированные идеологические представления и поэтому совмещают стремление к решению актуальных общественных проблем с проверкой своих волевых усилий в ситуациях экстремальности. Такой опасной ситуацией, способствующей преодолению чувства обыденности, для «диггеров» может быть пребывание в подземных ходах, различного рода подземельях. Эти группы обычно малочисленны (до нескольких десятков человек) и не стремятся к расширению своего состава. Также у них отсутствует желание афишировать свою деятельность. Они изредка могут допускать в свою группу представителей средств массовой информации, но с исполнительской властью

они могут сотрудничать только тогда, когда в подземных коммуникациях находят что-либо опасное для жизни людей.

В некоторых деталях различаются такие субкультурные группы, как «археологи», «русские», «русичи», «индийцы». Причем объединяющим их фактором являются исследовательские интересы, стремление к познанию истории, содержательности своей деятельности. Они не увлекаются выражением визуальности в своей обыденной жизни, но зато воссоздают исторические ее проявления с помощью различного рода театральных представлений и игр, например как «Древняя Русь».

Несколько изолированно среди молодежных субкультур современной России стоят «толкиенисты». В основе их объединения увлеченность образами такой иностранной литературы, как книги Джона Рональда Роуэла Толкиена: «Хоббит», «Властелин колец» и «Сильмариллион». Причем именно сюжеты и образы этих книг положены в основу игр, вызвавших появление данного молодежного движения. Хотя следует отметить, что в этом движении многое связано с российскими экзистенциальными и мировоззренческими проблемами молодежи. Члены этого сообщества создают для демонстрации и ведения боев различное экзотическое самодельное вооружение, в ход идут деревянные мечи, лыжные палки, клюшки, карнизы. Доспехи для боев делаются из картона, дерева, металла, при этом используется самый разнообразный подручный материал: кастрюльки, крышки и проч. Молодежь в этом объединении идентифицировала себя с героями книг Толкиена. Но при этом на выигрыш в боях ставились пиво или сигареты. В.А. Лукова отмечает, что наркотики в этом объединении молодежи принимать не принято, но зато они очень много курят.

Мы поддерживаем положение о том, что проблема общения – одна из актуальных для молодежи. Ролевые игры, используемые толкиенистами, являются значимым способом подготовки к более эффективному общению молодежи. Тем более, что мужскому сообществу исторически присуще

стремление к сопротивлению, к борьбе. Формирование стремления к групповому объединению на почве сходных интересов может способствовать приобретению стратегий сотрудничества и компромисса в дальнейшем взаимодействии. Хотя, несомненно, что это объединение также способствует уходу молодежи от реальности российской социальной действительности в мир фантазийный и воображаемый. Можно высказать предположение, что в это объединение включается та часть молодежи, которая не вполне готова к борьбе и противопоставлению своих взглядов и ценностных установок базовой культуре, а стремится к уходу от проблем. Потеря четкой грани между реальностью и вымыслом в игровых ситуациях «толкиенистов» может служить способом компенсации аномии и приобретению новых идеалов. Следует отметить, что представители данного объединения видят себя спасителями мира. Мифологизм данного неформального объединения основан на стремлении к более яркому и интересному, чем в реальности миру. Но, вместе с тем, например, семейные ролевые игры толкинистского сообщества позже становятся реальностью, когда игровые семейные пары заключают браки.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в приведенной выше классификации, ни в опубликованных работах проанализированных нами авторов, наиболее активно исследовавших молодежные субкультуры, не уделяется внимания таким группам, как «готы» и «эмо». Вместе с тем по своим характеристикам они вполне совпадают как с музыкально, так и интеллектуально сосредоточенными группами.

Так, внешний вид готов и их атрибутика имеют черный цвет: одежда, изображение на теле летучих мышей, использование вампирских зубов и так далее, что имеет отношение к эстетике смерти. Впоследствии к визуальной атрибутике стали добавляться различные мистические символы, причем без каких-либо попыток соединить их между собой и осмыслить.

В связи с этим представителей данной субкультуры рассматривают как не имеющих четкой идеологии, склонных к различного рода отклонениям и

неопределенности во взглядах, хотя сами они рассматривают своё движение как протест против массовой культуры, безвкусицы и пестроты.

Вместе с тем их движение отличает сочетание множества стилей и направлений – искусство периода декаданса, символизм, готическое средневековье, современная эстетика «темного» кино, неформальная эстетика панков (особенно в одежде). Приверженцам этой субкультуры присущи стремления к темной мистике, мрачной романтике и эстетике разрушения. Поскольку в данной субкультуре не сформировалась единая идеология, а само движение следует рассматривать как преимущественно эстетическое, сложно говорить о мировоззрении готы. Оно чаще всего индивидуально и зависит от того, какой человек попал в движение.

Субкультура Emo (сокращение от emotion (эмоциональный)) появилась в 80-е годы XX в. на Западе. Характерные особенности музыкального стиля, предпочитаемого молодежью, входящей в это объединение, – это визг, плач, стоны, шепот, срывающийся на крик. Кроме того, содержательная часть музыкальных текстов представлена темами несчастной любви, несправедливости и жестокости окружающего мира. Важным принципом в общении представителей «эмо» является свободное выражение эмоций.

Нельзя исключить, что этим ранимым и депрессивным подросткам запрещалось в семье выражать свои чувства. В связи с этим яркая выразительность проявляется не только вербально, но и визуально. Причем представители «эмо» выделяются из основной массы ярким внешним видом. Для представителей этой субкультуры характерны часто меняющееся настроение и смешение гендерных ролей как в эмоциональных проявлениях, так и во внешнем виде. Они ищут сторонников и мечтают о счастливой любви.

В результате анализа принадлежности молодежи к сообществам на основании спортивных увлечений можно выделить самую большую группировку – футбольных болельщиков. Это объединение отличает ситуативность, в результате участников этого временного объединения не

затрагивает образ жизни друг друга. Вместе с тем их общение на почве поклонения конкретной футбольной команде и переживаний в случае ее проигрыша способствует их объединению. В результате возникает временная, достаточно крупная группировка, несущая большой заряд агрессии. При этом у представителей данного объединения значительно повышается внушаемость и заражаемость, но снижается критичность. Это приводит к проявлению буйного и разрушительного поведения фанатов. У молодых болельщиков в такие моменты появляется возможность освободиться от воздействия социально-контрольных инстанций, таких как родители, школа, институты и выплеснуть всю свою агрессию на тех, кто им противостоит в поклонении их футбольной команде. В.А. Луков подчеркивает, что футбольные фанаты – сложное по организации общество, в котором внутри приверженцев одной футбольной команды выделяется ряд групп. В задачу данной работы не входит подробный анализ сущности как групп, так и подгрупп. Следует только обратить внимание на факт того, что сообщества футбольных фанатов в какой-то степени восполняют недостатки опыта межгруппового взаимодействия, так как в последнее время представители таких сообществ при разных командах все активнее заключают договоры о «ненападении» друг на друга.

В свою очередь группа, объединяющая молодежь, увлекающуюся мотоциклами, не однородна, хотя их объединение и имело единое название – «байкеры». Часть представителей этого объединения имеет возможность купить дорогие мотоциклы, при этом они, чаще всего, являются лишь потребителями определенного ассортимента, но в целом отличаются технической неграмотностью.

Иной характер имеет стиль жизни, связанный с мотоциклом и распространяющийся в современной России. Молодежь, придерживающаяся этого стиля, не имеет какой-либо идейной платформы. Процесс идентификации с теми, кто имеет сходные увлечения, происходит в рамках небольших сообществ. Основой их объединения является ремонт и переделка

мотоциклов. Возможность демонстрировать окружающим технику, сделанную своими руками, а также передвижение на ней, причем достаточно часто эпатажное, дает возможность для самоутверждения и творческого отношения к жизни. Эта субкультура, как отмечает В.А. Луков, пока слабо фиксирует своё символическое пространство, но связана с особым субъектным конструированием социальной реальности.

В свою очередь, следует отметить, что активно функционируют молодежные субкультуры, объединяющиеся в группы под общим условным названием «философские». Интерес к философии один а весьма распространен в неформальной среде. Для этой молодежи вполне естественно желание понять, осмыслить самих себя и своё место в окружающем мире. Среди представителей таких объединений выделяются «хиппи». Их визуальные характеристики проявляются чаще всего в неряшливой одежде и длинных непричёсанных волосах. Кроме того, в их одежде имеется определенная атрибутика: обязательные майки с надписями и символикой, голубые джинсы, вышитые рубашки, амулеты, браслеты, цепочки, иногда крестики.

Символом для поклонения представителей «хиппи» на долгие годы стал ансамбль «Битлз» и особенно его песня «Земляничные поляны навсегда». По мнению «хиппи», каждый человек должен быть свободен, причем, прежде всего, внутренне, в ситуации внешнего культурного ограничения, они полагают, что люди должны стремиться к миру и свободной любви. Раскрепоститься в душе - вот квинтэссенция их взглядов. Они стремятся жить естественной жизнью, презирают культурные условности. Следует отметить, что стремясь к полной свободе, они уклоняются от жизненных реалий и социальных обязанностей, используют различные медитативные приемы, мистицизм и наркотики как средства, способствующие «открытию самого себя».

Современное поколение тех, кто разделяет философские поиски «хиппи», часто именуют себя «системой» («системные» ребята, «пиплз»,

«пиплы»).

«Система» это объединение, не имеющее чёткой структуры, в него входят люди, разделяющие цели «обновления человеческих отношений» через добро, терпимость, любовь к ближнему [111].

В результате этого «хиппи» делятся на «старую волну» и «пионеров». Причем «старые хиппи» в основном проповедовали идеи социальной пассивности и невмешательства в общественные дела государства, новому же поколению присуща достаточно активная социокультурная деятельность. В их внешнем образе часто проявляется стремление походить на Христа, в результате они ходят по улицам босиком, носят длинные волосы, подолгу не бывают дома. Но помимо христианских идей среди «философствующих» неформалов распространены также буддистские, даосские и иные древневосточные религиозно-философские учения.

Самая молодая субкультура и, возможно, одна из самых многочисленных связана с пристрастием современной молодежи к компьютерным играм. Эту мало изученную группу объединяют под общим названием «геймеры» – от английского gamer – игрок. Описано два вида геймеров: а) человек, увлекающийся компьютерными играми наряду с прочими общечеловеческими увлечениями, не в ущерб возложенным на него социокультурным и профессиональным функциям; б) человек, испытывающий патологическую фиксацию на увлеченности компьютерными играми, что приводит к изменениям в восприятии реальности. Несомненно, эта социокультурная проблема требует отдельного рассмотрения, так как молодежь, увлеченная особенно агрессивными играми, в дальнейшем может демонстрировать жестокость и неуправляемость поведения не только по отношению к ближайшему окружению, но и в социуме, так как игры могут негативно воздействовать на неокрепшую психику подростков. Эта субкультура зародилась вместе с массовым появлением компьютерных игр, а позже и Интернета, при этом молодежь стала активно общаться в сети. Вместе с тем компьютерные сетевые технологии обеспечивают возможность

современной молодежи, особенно ее представителям интровертированного психосоциального типа, общаться, причем зачастую и с иностранными сверстниками. При этом они чувствуют себя активно вовлеченными в жизнь, а также развивают различные способности: быстроту реакции, мыслительные функции, знание иностранного языка и проч. Визуально геймер почти ни чем не отличается от обычного человека, узнать его можно лишь по сленгу, понимаемому только при знании английского языка.

Политические неформальные организации представлены объединениями молодёжи, имеющей активную политическую позицию, участвующей в различных митингах и осуществляющей агитационную деятельность. Среди таких молодёжных группировок выделяются «пацифисты», «нацисты» (или «скинхэды»), «панки» и др.

Так, к «пацифистам» принадлежат те, кто одобряет борьбу за мир - против угрозы войны, требует создания особых отношений между властью и молодежью.

«Панки» относятся к представителям достаточно экстремистского течения среди неформалов. По возрасту – это преимущественно старшие подростки. В качестве лидеров в этих объединениях обычно выступают лица мужского пола. Они, стремясь привлечь к себе внимание людей, как правило, проявляют эпатажность, вычурность и скандальность в поведении. Во внешней атрибутике используют различные шокирующие окружающих предметы. Это могут быть различные цепи, булавки, лезвие бритв и проч. «Панки» пропагандируют «протестность против существующих отношений в обществе». Борясь с ними, представители этого течения личным примером бескорыстных отношений стремятся утверждать этику будущего. Для достижения таких моральных принципов много говорят о добре, терпимости, трудолюбии. Однако эти разговоры, как правило, ограничиваются лишь разговорами, нося абстрактно-лозунговый характер. Самих «панков» отличают низкая работоспособность, социальный паразитизм, поверхностность суждений при весьма высоком самомнении, особенно в

отношении своих творческих способностей. Борясь с бюрократизмом, они стремятся к самоутверждению в среде приверженцев этой субкультуры путем резкого отрицания общепринятого, демонстрации экстремизма.

В современной культуре многих странах мира появляются молодежные организации фашистского толка так называемые неонацисты «скинхэды», или «скины». Это закрытые молодежные объединения, с четко выстроенной системой иерархических отношений. Во главе таких объединений стоит, чаще всего, взрослый человек, проповедующий идеологию культа сильной личности, опираясь на идеи национал-социализма, антисемитизма, расизма и шовинизма. В этих группировках существует «низший» и «высший» эшелоны. К высшему относятся так называемые «продвинутые «скины», имеющие отличное образование. «Непродвинутые скины» - это в основном подростки 16-19 лет, привлеченные в группировку полувоенной, спортивной дисциплиной и извращенным понятием власти и силы. Любой из прохожих может быть избит ими до полусмерти, причем повод к драке не нужен. Иначе обстоят дела с «продвинутыми скинхэдами», которых также называют «правыми». Это не просто распоясавшаяся молодежь, которой нечем заняться, это своеобразная «скинхэдовская» элита – начитанные, образованные и более взрослые. Средний возраст «правых скинов» от 22 до 30 лет. Им присуща фиксация на мыслях о чистоте русской нации.

Причем их внешняя атрибутика с 70-х годов прошлого столетия осталась практически неизменной. Униформа «скинов» представлена джинсами на подтяжках, армейским ремнем с железной пряжкой, тяжелыми армейскими ботинками, черными и зелеными куртками, футболками националистического характера. Их отличает чаще всего бритая голова и татуированные свастикой лица и руки.

Завершить краткую характеристику современных субкультурных объединений хотелось бы следующим суждением С.И. Левиковой: «Молодежная субкультура – феномен, характерный для индустриально развитых обществ, начавших переход к постиндустриализму, и, возможно,

постиндустриальных обществ. Часть молодых людей объединяются в социальные общности – неформальные молодежные объединения, каждый представитель которых сам причисляет себя к ним, то есть идентифицирует себя с ними. Эти неформальные молодежные объединения и продуцируют молодежную субкультуру, по ценностям, нормам, стилю, мировосприятию и т.п., отличающуюся от базовой, материнской культуры собственного культурно-исторического типа» [135:с.75].

Следует отметить, что каждая эпоха создает свои формы, правила «игры» для «навязывания» социальных ролей, востребованных культурой, человеку. Эти правила, законы и культурно-нормативные требования, принимаясь человеком, способствовали его вхождению в соответствующие социокультурные поведенческие роли. Разрушение или же несформированность у молодого поколения ценностно-нравственных установок, потеря культурной ориентировки в ситуации культурных преобразований всегда тяжело сказывается на их положении в социуме. Молодежь не успевает, как считают исследователи, ассимилировать культурные каноны, что проявляется в её агрессивном, девиантном поведении. В традиционных культурах существовал механизм, с помощью которого преодолевались эти проблемы. В настоящее время общество не может предложить подобного механизма. Создание культуры, которая бы соответствовала новому миру, – процесс длительный и затруднённый поисками и тупиками. В современной российской культуре не только старшее поколение, но и молодежь представлены сами себе в попытках найти своё место в этой жизни. Резко меняются социокультурные роли, возрастает уровень конфликтности этих ролей с самостью личности, не способной себя реализовать в данных условиях. Это, в свою очередь, выражается в возрастающей агрессивности, неуверенности молодых людей в своем будущем, постоянном страхе, угнетённом состоянии.

Длительность переходных периодов, социокультурная нестабильность и определенная хаотичность воздействуют дестабилизирующе, прежде всего

на молодежь. Для преодоления дестабилизации, тревожности о будущем, приобретения уверенности, твердости, активности молодежь объединяется в различного рода субкультуры, что способствует приобретению групповой идентичности, а значит, коллективного разума и воли. Подобного рода объединения помогают молодым людям, с несформированной идентичностью или же находящимся в ситуации ее кризиса, справиться с основными социокультурными проблемами.

Но в целом молодежная культура субгрупп неустойчива и мозаична. Ее отличает недолговечность, трансформируемость и сменяемость с приходом нового поколения. Смена поколений характеризуется преимущественно изменением идейно-созидательных характеристик молодежных субкультур, что же касается визуальных форм проявления, то им присуща повторяемость многих признаков.

1.3. Визуальные факторы репрезентации молодежных субкультур и роль татуировки

Материалы предыдущего раздела позволили сформировать представление о том, что неформальные молодежные объединения являются социальными общностями закрыто-открытого типа в том смысле, что они закрыты для представителей старшего поколения и открыты для молодого поколения. Эти объединения настолько закрыты для старших, что те, если и допускаются, то лишь к их внешне воспринимаемой информации. Однако открытыми для представителей даже молодого поколения данные объединения являются не полностью. В соответствующие неформальные молодежные объединения допускаются лишь молодые люди, полностью принимающие и разделяющие ценностные установки, нормы, мировосприятие и стиль жизни представителей данной молодежной субкультуры, а также принимающие внешние атрибуты принадлежности к ней (прическа, одежда, жаргон, манеры и т.п.). Важные для соответствующей

молодежной субкультуры идеи и ценностные ориентиры получают внешнее выражение в обязательной для её членов символике и атрибутике группы. Посредством таких визуальных знаков молодые люди узнают «своих», отличают «чужих». Все эти знаки и символы обеспечивают объединение и сплочение группы, позволяют молодым людям демонстрировать и отстаивать свои позиции и взгляды в социокультурной среде.

Следует отметить, что мало работ, как уже отмечалось выше, посвященных внешним атрибутам принадлежности к той или иной субкультуре. Причем в предисловии к монографии Т.Б. Щепанской «Система: тексты и традиции субкультуры» К.В. Чистов подчеркивал важность изучения символики молодежных сообществ, имеющей для культурологии и этнографии особый интерес и играющей важнейшую роль в механизме их самоорганизации [83:с.11].

Человеческое тело, его форма, двигательные особенности, его визуальные атрибуты отражают как психологическое содержание личности, так и культурную среду, способствующую развитию специфических, этнических, национальных и социокультурных характеристик. Однако все факторы, составляющие индивидуальность, становятся уязвимыми под влиянием стрессогенных факторов, порождают установку на развитие того стиля телесного поведения и визуальных проявлений, в котором человек находит возможность воплотить свои представления, ценностные и мировоззренческие установки.

Стрессогенные факторы существуют во все времена, во всех сообществах, чаще всего выражаясь в форме проблемы «отцов и детей», в проблеме взаимоотношений старшего и молодого поколения [152]. Данное явление уходит корнями в обычай отделения девочек и мальчиков в племенном обществе на период инициации, превращая тем самым эти группы в субкультуры, с определенными способами поведения и закрытости от остального сообщества.

Молодежным субкультурам практически всегда присуще стремление

закрепить важные для них мировоззренческие смыслы в яркой экспрессивной форме, возможно, непонятной основной массе людей в социокультурном пространстве, но вызывающей интерес. Молодежь, объединяясь в группы в результате единения вокруг какой-либо идеи, идеала, ценности, достаточно часто проявляет склонность к созданию новой культурной реальности. Она по-своему осмысливает эстетические качества мира, воспринимая сложившиеся в культуре представления и мировоззренческие смыслы, такие, как красота, художественный вкус, эстетический идеал, наполняет их новым содержанием. Молодежь стремится изменить пространство, в котором существует, эстетизировать его с позиции собственных представлений о прекрасном. Следует отметить, что в молодежных субкультурах нередко можно обнаружить слияние границ между игрой и деятельностью, что проявляется в театрализации, артизации, «карнавальности», импровизационности молодежной жизни.

Игры в молодежной среде становятся способом самовыражения членов субкультурных групп. В деятельности молодежных групп можно обнаружить драматургию как в театральном искусстве. Отдельные исследователи считают, что эта драматургия формируется с помощью различных письменных источников, близких по идеологии молодежным субкультурным группам. Иногда в качестве таких источников могут выступать, в частности, религиозные тексты.

Артизация как форма эстетической игры в жизнедеятельности различных молодежных субгрупп («хиппи», «панки», «рокеры», «металлисты») проявляется в демонстративно-эпатажной манере поведения, в особенном визуальном стиле, включающем не только особенности поведенческих ролей, но и специфические пристрастия в одежде, прическах, аксессуарах.

В молодежной среде, как ни в какой другой, заметно тяготение к вненациональным и неидеологизированным формам культуры. Вероятно не случайно молодежная культура практически не знает национальных границ и

достаточно быстро распространяется по странам, регионам и континентам.

Н.А. Хренов считает, что любая деятельность может одновременно выступать и игрой «бывает, что игра трансформируется в серьезную деятельность или, наоборот, последняя – в игру» [152:с.166]. Любая игра – театрализации, а это требует визуального оформления в виде костюмов и другой атрибутики.

Обращает на себя внимание, что каждая субкультура имеет свои особенные визуальные и коммуникативные характеристики. Эти характеристики как неотъемлемые правила и неизменные аспекты существования субкультуры поддерживаются членами сообщества, придавая каждой субкультуре специфичность, направленность интересов и мировоззренческих установок.

Особенности внешнего облика в проявлении экспрессии человека могут стать «знаками», демонстрирующими стиль жизнь личности, ее предпочтения и ценностные установки. Прежде всего, отметим, что в аспекте данного исследования визуальный канал передачи информации входит в область категории «невербальное общение». Сославшись на научные разработки ряда исследователей В.Н. Панферова, Дж. Ниренберга, Г. Калеро, Е.Н. Петровой и др. и других, определим, что визуальность – это внешний образ, включающий в себя физический облик, социокультурное оформление внешности и экспрессивно-импрессивные движения. Все эти составляющие как единый «визуальный текст общения» способствуют интерпретации и пониманию индивидуума в межличностном общении в процессе восприятия человека человеком. Визуальные знаки внешнего облика человека играют важную роль не только в общении, но и межличностном познании. Они являются важным средством (инструментом) невербального общения, реализующим аффективно-коммуникативную, регуляторно-коммуникативную и информационно-коммуникативную функции, становятся главными источниками визуальной информации о человеке, индикаторами его личности. Значения отдельных визуальных

знаков интерпретируются взаимосвязано: дополняя друг друга, либо порождая новую информацию, либо оказываясь малозначимым нюансом общения. Кинетические знаки чаще всего являются психосемиотической определяющей в визуальном тексте общения. При нейтральной или позитивной информации, передаваемой ими, эту роль выполняют знаки «габитуса» или «костюма». Визуальные средства невербального общения, репрезентируясь в функции индикации социально-психологических характеристик человека, становятся инструментом самоподачи своего образа в общении. Коммуникативная сторона – неотъемлемая часть каждого общества. Коммуникативные характеристики – это те особенности общения, которые дают группе возможность обособления внутри основной культуры – подчеркивает известная исследовательница знаков общения Е.А. Петрова [81].

Знаки внешнего облика человека функционируют в общении опосредованно активностью субъекта, выбирающего из порожденных полем культуры знаки, отвечающие его собственным представлениям, соответствующие условиям общения и целям деятельности. В этом плане все визуальные проявления человека вольно или невольно способствуют его самоутверждению.

Зрительно воспринимаемая информация о человеке и от человека воспринимается и передается визуальными знаками трех визуально-коммуникативных систем: габитуса (физический облик, анатомические особенности лица, других частей тела, конституция и пр.); костюма (социокультурное оформление внешности: одежда, обувь, украшения, аксессуары, прическа, и проч.); кинесики (любые значащие движения: мимика, жестикуляция, походка, позы) [45].

В данном разделе рассматриваются роли и функции знаковых элементов внешнего облика человека, проявляющихся в общении представителей ряда субкультурных молодежных объединений. Можно сказать, что именно визуальные информационные аспекты являются

главными «опознавательными элементами» в среде приверженцев. С помощью этих знаков, имеющих определенную символическую нагрузку, представители соответствующей субкультуры отождествляют себя с группой, находят себе подобных в основной культуре.

Обратимся к наиболее распространенной группе, объединив её одним названием «скины» [172]. Данное объединение довольно условно, так как к нему относят разветвленную сеть субкультур со сходной идеологией и выраженной политической направленностью. Представители данных субкультур в своем внешнем облике сформировали агрессивный образ, проявляющийся в предпочтении обшарпанных джинсов с подогнутым низом, подтяжек поверх рубашки, «пилотной» куртки, ботинок военного образца, имеющих утяжеленный носок, высокую шнуровку и стальные вставки. Ярким проявлением во внешнем виде является наличие бритой головы с татуировкой. Символика татуировок представителей этой субкультуры заимствована из ряда источников: Третий Рейх, имперский Рим, кельтская мифология. Собственным символом является лишь скрещенные молотки. У некоторых групп, придерживающихся неонацистской ориентации, популярны имперские орлы, свастика, руны – «ODAL» и «ISS» [172].

Однако главным символом «скинов» как в России, так и на Западе является кельтский крест. Кроме того, используется пирсинг в ушах и ноздрях.

Одежда политически ангажированных представителей субкультуры имеет функциональный характер: «сапоги соответствующего размера, облегчающие джинсы и рубашка создают удобство при драках, бритый череп предусматривает невозможность вцепиться в волосы во время борьбы (Там же). «Скины» особенно озабочены тем, чтобы создать исключительно крепкую, иерархически структурированную мужскую группу, в которой невозможно проявление слабости человеческих чувств. Некоторые «скины» имеют подруг, редко принимающих участие в жизни группы. В самом начале развития этого движения имелись «скины» женского пола, отличающиеся в

своим внешним виде, жестах и поведении особой воинственностью. «Женщины-скины» в настоящее время также являются единичными представителями этого движения. Отношения между полами у «скинов» имеют чрезвычайно агрессивный и переменчивый характер взаимоотношений. «Мужчины-скины» ориентированы исключительно на случайные контакты с представительницами слабого пола. Если у них и возникают дружественные или любовные отношения, то они, как правило, непродолжительны. Причем в близких отношениях мужчины сохраняют доминирующие позиции, не позволяя женщинам вмешиваться в их «общественную» деятельность.

Предпочитаемая ими символика дает возможность определения, если не политических убеждений, то хотя бы политических симпатий. Политически разнонаправленность подчеркивается цветом одежды и используемой символикой. Источником униформы «скинхедов», взятой из самых истоков движения, явилась внешняя атрибутика лондонских портовых рабочих. Это были тяжелые ботинки, камуфляжные штаны и футболки. Классический образ «скина» может быть представлен черным «бомбером» (широкая тяжелая куртка), синими либо черными джинсами со штанинами, заправленными в черные ботинки – «берцы» (прил. 1, рис.2). Естественной является выбритая до блеска голова. Идеал обуви для «скина» – это так называемые «гриндера» (ботинки Grinders). Однако стоят они недешево, поэтому, в основном, представители этой группировки ограничиваются военной обувью. Шнурки – отдельная тема в экипировке «скина». По цвету шнурков можно определить его принадлежность к той или иной подгруппе движения. Например, белые шнурки носят те, кто убил или участвовал в убийстве «нерусского» человека, красные – представители «антифы», коричневые – «неонацисты». Татуировки они обычно наносят на различные закрытые части тела, поскольку по символам татуировок легко обнаружить сторонника этого движения. Тематика татуировок у «скинхедов», в основном, однообразна – это могут быть политические ультраправые

лозунги, свастики, немецкий или кельтский кресты, изображения самих «скинов» в различных позах, надписи типа «Skinhead», «White Power», «Working class», «National Front» и т.п. За подобные татуировки «скинхеды» часто подвергаются преследованию и насилию со стороны правоохранительных органов, так как они прямо свидетельствуют об их нацистских убеждениях. В связи с этим представители этих сообществ предпочитают наносить менее очевидные изображения вроде языческих богов, оружия, зверей и т.п. Часто они могут использовать в татуировках буквенные изображения, например, «88», «14/88», «18». При этом цифра обозначает порядковый номер буквы в латинском алфавите, так 88 символизирует слова *Heil Hitler*, а 18 – *Adolf Hitler*. В свою очередь цифра 14 не является буквенный шифром, а обозначает 14 слов из девиза «Белой Борьбы», сформулированного одним из идеологов движения скинхедов – Дэвидом Лейном, пожизненно приговоренным к пребыванию в закрытой американской тюрьме: «we must secure the existence of our people and a future for white children» («Мы должны сохранить существование нашего народа и будущее для Белых детей») [172]. «Национал-большевики» также имеют полувоенную униформу черного цвета, однако свастика у них заменена на пролетарский символ «серп и молот», а главный их партийный символ – граната «лимонка» (прил.1А).

В целом, по мнению исследователя В.Н. Никитина, со ссылкой на зарубежных исследователей, отмечает, что «скины» любой политической направленности «являют собой пример оживления архетипических символов насилия и маскулинности» [73:с.105]. Это достаточно ярко выражено в их визуальных характеристиках.

Менее агрессивна, по сравнению со «скинхедами», субкультура «панков». Эта группа молодежи достаточно широко распространена, имеет в своих рядах несколько разнонаправленных группировок, при этом визуально мало отличающихся друг от друга [35:с.64].

«Панки» в своем мировоззрении соединяют анархические настроения и желание шокировать общество своим внешним видом. Специфику костюма «панков» и стиля их поведения определяет ключевое понятие «помойка». Исходя из желания демонстрировать свое противостояние («всё должно быть против») «панки» носят старые вещи, зачастую в несколько слоев. Аксессуарами в костюме служат различные металлические цепи, кольца, заклёпки, молнии, кожаные ремни. Все это используется в сочетании с ярким гримом, пирсингом и знаменитыми прическами «ирокез» для обоих полов. Чаще всего они одеваются в черные костюмы, подчеркнута агрессивных форм; любимым их материалом является кожа (прил.2). «Панки-девушки» часто дополняют свой образ кожаными куртками, разнообразными майками, вызывающими мини-юбками и колготками в сеточку. Массивные ботинки «Doctor Martins» иногда заменяют остроносые сапогами на шпильках. Стилистика их образа, как отмечает А.И. Затулий, отвечает их состоянию души, объясняемому лозунгом: «Нет будущего». Панк-мода стала униформой для анархистов и бунтарей самого разного толка [35: с.64-65].

В свою очередь С.В. Косарецкая обосновывала, что «стиль панк-одежды» направлен на эпатаж окружающих любыми средствами: кожаный пиджак на голое тело, брезентовая роба на рубашке с жабо, множество больших булавок на джинсах, рубашках, свитерах и т.п. скандальные вещи, что делает костюм панков привлекательным для многих дизайнеров, творчество которых «запрограммировано» на скандальность [46:с.116-118].

Основной особенностью стиля «панков» является выраженная экспрессия их образов, высокая эмоциональная напряженность, обусловленная противостоянием «панков» в отношении других слоев населения. Противопоставление эстетических идеалов приверженцев данной субкультуры социокультурным нормам; явная конфронтация общественным устоям, выраженная посредством костюма, жестов и вербальных форм взаимодействия, позволяют считать их образ откровенным бунтом против общества и его культуры (прил. 2А).

Что же касается образа байкеров – представителей молодежной группировки мотоциклистов, то он включает кожаные куртки и брюки преимущественно черного цвета, с обилием металлических украшений, мотоциклетные шлемы, перчатки и грубую обувь с тяжелой, массивной подошвой [46:с.125-129]. Мотоциклистов подросткового возраста называют также рокерами. Одежда в их образе аналогична байкерской, но вместо шлема они используют бандану.

Причем основой костюма в субкультуре байкеров является его функциональное значение, демонстрация с его помощью социально-психологической принадлежности к конкретной молодежной группе, а также своей идентичности другим субкультурным объединениям. Байкерская культура на современном этапе своего развития вышла за рамки исключительно «спортивных» состязаний на мотоциклах. На рубеже XX - XXI веков появились байкерские клубы (в частности московский мотоклуб «Ночные волки»), начали проводиться фестивали, слеты, разнообразные конкурсы. Одним из таких конкурсов является конкурс байкерской одежды «Белая Амфора» [35: с.61].

Татуировкам байкеров отличаются большим разнообразием и экспрессивностью. Из материалов западных изданий (EASyRiders), русского («ДикТАТУра»), интернет-изданий и интервью с байкерами становится ясно, что байкерский стиль в тату соединяет в себе множество стилей, таких как «трайбл», «традицион», «реализм». В символике татуировок часто фигурируют изображения двигателя, черепа, смерти с косой и, конечно же, самого байка. Также часто байкеры наносят изображения крыльев как символа свободы, языки пламени и т.д. [174].

Одну из самых ярких, выразительных и заметных субкультур современности, как отмечалось выше, представляют «готы». Причем современный готический образ довольно сложен и разнообразен, в связи с чем его сложно описать в общих чертах.

Особенности этого образа были сформированы задолго до того, как субкультура обрела свои более-менее устойчивые рамки и стилистические закономерности. Сами приверженцы данной субкультуры характеризуют свое мировоззрение как «романтично-депрессивный взгляд на жизнь», что проявляется в их стремлении к артистичности и самовыражению. Одежда, используемая каждым конкретным «готом», зависит от предпочтений индивидуума. Но в целом можно сказать, что «готы» чаще всего носят черные одежды, красят ногти, волосы и губы в черный цвет и темной краской подводят глаза. Также они носят корсеты, которые могут быть одного из двух видов. Один вид близок по виду к корсетам прошлых времен, он изготавливается из дорогих тканей – бархата или парчи различных расцветок. Другой вид создавался из современных материалов, таких как латекс, винил, кожа, при этом цвет корсета преимущественно черный. Так называемые «киберготы» носят корсеты, изготовленные из флюоресцирующего пластика [171].

Платья и юбки у представителей этой субкультуры зачастую создаются по мотивам исторических костюмов, в них присутствует много кружев, кружевных вставок, двойных юбок. Причем изготавливаются эти наряды из бархата, шелка, парчи, шифона и проч. и имеют различную цветовую гамму, хотя чаще все же используются черный, бордовый, фиолетовый цвета (прил. 3). Иногда платья, как и корсеты второго вида, могут быть сшиты из латекса или винила, могут быть оторочены искусственным мехом, различными перьями, кольцами, пряжками, цепочками. Юбки могут носить и лица мужского пола.

Кофты у «готов» могут быть стилизованы под старину или же имеют современный дизайн. Очень распространенный вид одежды «готов» кофты – сетки черного цвета, которые носят представители обоих полов. Иногда они используют «меховые» кофты из искусственного меха с длинным ворсом, преимущественно черного цвета. Хотя бывают и других, часто ярких экстравагантных оттенков розового, салатного и других цветов [179].

Существует большое количество разновидностей в субкультуре «готов», внешний стиль которых отличается друг от друга, однако их объединяет общая стилистика образа. Так, подавляющее количество приверженцев этой субкультуры бреет голову по кругу, оставляя волосы сзади до затылка. Прическа ранней принадлежности к этой субкультуре (времен 80-х годов прошлого столетия) отличалась от современной и была представлена стоящими беспорядочным торчком волосами или же длинными волосами, собранными в хвост на макушке, что не сочетается с выбритыми висками. «Готы» обычно очень активно в своем образе используют шокирующую окружающую атрибутику - обильная косметика, демонстрирующая «вампиров», «чертей», «ведьм», «колдунов». Такой образ обычно используется ими для посещения клубов, на улице пребывать в таком образе они опасаются (прил. 4А).

Основные символы татуировок у «готов» – это звезда или египетский крест «анкх». Звезда символизирует для них знание, стремление дойти до всех поставленных целей, несмотря на необходимость преодолевать общественное противостояние и его принципы. Кельтский крест, в свою очередь, является символом бессмертия, жизни, вечности, но также – это ключ, открывающий «врата смерти» [98:с. 90]. Эти символы изображаются у «готов» обычно на предплечье или же между лопатками.

Представителей субкультуры – «эмо» часто сравнивают с «готической» субкультурой, что вызывает у «эмо-кидов» яростный протест. Причем, несмотря на сходную символику этих двух субкультур (романтизация смерти, депрессивность, предпочтение черного цвета в одежде), общие основы («готик-рок» и «эмо-рок» развились из «панк-рока»), между этими субкультурами имеется много различий.

Так, «эмо» не используют ни кладбищенскую символику, ни стилистику барокко или готики [47: с.111-167]. Выражение эмоций с помощью своего визуального образа – это главное правило для «эмо-кидов».

Представителям этой субкультуры присущи склонность к самовыражению, противостояние несправедливости, чувственность, инфантильность, акцентуация на внутренних переживаниях, часто интровертность. Их можно определить по чрезвычайно яркому внешнему виду. Обычно – это худые, высокие подростки, с черными прямыми волосами. В прическе присутствует «рваная» челка, закрывающая часть лица, торчащие во все стороны волосы на затылке. У девушек могут быть детские хвостики, яркие заколки. Их лица обычно бледны, ярким пятном на этом фоне выглядят подведенные черным глаза (прил. 5).

Одежда представлена узкими джинсами с дырками и заплатками, проклепанным ремнем или же ремнем розового цвета с изображением героев мультфильмов. Футболки, обычно, обтягивающие с изображениями героев детских рисунков (Микки-Маус или Губка Боб), или же черные майки с названиями «эмо-групп», с рисунками переkreшенных пистолетов или разорванными в клочья сердцами на груди. В одежде может присутствовать спортивный стиль скейтбордистов. Девушки могут носить в длинные платья, обычно черного цвета. В прическе могут присутствовать ободочки с бантиком (прил. 5).

Преобладание черного цвета в образе «эмо» обусловлено их склонностью к депрессивным состояниям. Яркие же цвета отражают радостные моменты в их жизни, вызов мрачности и отрицание связи их образа с образом «готов». Предпочитаемая ими обувь – кеды типа «конверс» скейтерские кеды, «флипы» (тряпичные тапочки в ромбик), «слипы» (обувь, похожая на тапочки, но с подошвой, как у кед), «вэнсы» – обувь с узором в шашечку.

Усиливают их визуальный образ различные, характерные для них атрибуты: почтовая сумка, покрытая заплатками или различными значками, носимая через плечо. Значки могут быть также прикреплены к одежде, обуви; очки в широкой яркой или черной оправе; яркие, разноцветные (обычно силиконовые) браслеты на руках. Особенно у них популярны

«снэпы» или «панк-атрибутика» (напульсники с шипами); крупные бусы ярких цветов; мягкие игрушки в виде мишек. Игрушки в их образе выполняют роль защитного талисмана, с ними практически не расстаются, берут с собой на прогулки, на занятия, с ними спят [47: с. 22-31].

Одним из способов социокультурной интеграции молодежи является создание собственного стиля жизни, правил поведения, собственного костюма. Как отмечает А.С. Запесоцкий, «костюм является «экспериментальным полигоном для выработки и апробации новых ценностей» [34:с.50]. В костюме неформальных объединений можно выделить две основные тенденции:

- стремление к самобытности в рамках общекультурных ценностей. При этом костюм является одним из средств самоутверждения в социокультурном пространстве. Нетрадиционные самостоятельные формы активности молодежи формируют у нее потребность в самобытных костюмах и формах поведения. К такому типу костюма можно отнести одежды «байкеров», «хиппи», «скейтбордистов», «брэйкеров» и представителей некоторых других субкультурных групп и объединений. Костюм этих молодежных объединений обогащает жизнь новыми культурными артефактами;

- стремление акцентировать экстремистскую направленность. В этом случае костюмные формы несут в себе знаки отчуждения от общечеловеческих, общекультурных ценностей [68]. Костюм этого типа является следствием криминализации общественной жизни, обращения массового искусства к темам секса, насилия; трансформации общественного сознания в сторону «моды» на экстремизм в костюме [92].

«Резкое расслоение молодежи: богатые – бедные, городские – сельские, коренные мигранты, «наши» – чужие, элита – плебс, счастливики – отверженные, лидеры – аутсайдеры и т.д. приводит к возникновению разнообразных молодежных групп, культивирующих насилие. Мировоззренческая, нормативная и поведенческая системы таких

объединений определяют появление особого костюма-опознания «своего» с явно выраженными элементами насилия, экстремизма и соответствующего ему стиля поведения. К костюму этого типа относятся одежды: «панков», «сатанистов» и др.» – подчеркивает А.И. Затулий [35:с.61].

Сошлемся на энциклопедию гуманитарных наук, где в статье В.А. Лукова, посвященной молодежным субкультурам, отмечается, что молодежная одежда отличается яркостью, ослаблением половой дифференциации, полифункциональностью. Для молодежи считается нормальным оголение тех или иных частей тела и эротическая провокация.

На этом общем молодежном фоне особыми чертами в составе предметов одежды и обуви, их конфигурации, цветовой гамме, фурнитуре и т.д. обладают представители различных молодежных субкультур, придающих отличиям в одежде знаковый, символический смысл [136:с.209].

В свою очередь прически могут становиться почти нормативными для значительной части молодежи, по ним совсем нетрудно отличить 1940-е годы от 1960-х или 2000-х. С помощью характерных причесок и макияжа можно легко определить, к какой субкультуре принадлежит их представитель.

Общая характеристика украшений как знаков, демонстрирующих приверженность молодежи к конкретным субкультурам, вряд ли возможна (в том числе в силу стратификации молодежи по признакам богатства – престижа – власти). Но в молодежной среде в последнее время заметна распространенность яркой бижутерии, украшательство, ориентированное на архаическую культуру (украшения с проколом ноздрей, губ, практика пирсинга). Активизация в молодежной среде в последние годы различных видов татуировок на теле имеет в своей основе такое же происхождение, но одновременно выражает современные тенденции в культуре телесности, связанные с молодежными инновациями.

Татуировки описанных молодежных групп представляют собой достаточно сложное социокультурное явление, имеющее множество функций как сложившихся исторически, так и возникших в современной культуре.

Причем необходимо отметить недостаточность исследований данного культурного феномена в контексте использования татуировки современной молодежью вообще и приверженцами ряда субкультурных объединений в частности. Вместе с тем уже существующие и проанализированные описания и другие доступные источники и материалы, собранные автором, а также проведенное эмпирическое исследование, позволяют сделать некоторые обобщения и заключения.

Прежде всего, следует подчеркнуть обилие и разнообразие сюжетов татуировок внутри каждой субкультуры. Другая характерная особенность состоит в том, что в рассмотренных группах молодежи в основном отсутствуют какие-либо правила в отношении преимущества определенной части тела для размещения татуировок. Кроме того, можно констатировать стилистическую направленность и подчинение сюжетов и символики татуировок идейным лозунгам конкретных группировок, их ценностным ориентациям и смысложизненным установкам.

Так, для «скинов» всех направлений характерна эклектика символики в тату-изображениях (прил. 1В). Помимо хорошо известной символики третьего рейха в их татуировках присутствуют символы кельтской мифологии, в частности кельтский крест. Кроме того, в татуировках часто используются изображения имперских орлов, свастики. Достаточно часто у них можно встретить сюжеты с черепом, костями, вытатуированные слова. Например, на торцевой части кулака на одной из рук «skin», а на другой «head». При этом текст может располагаться вдоль всей руки. Чаще всего они татуируют плечи, часть спины или груди.

В целом же вся стилистика, сюжеты татуировок явно подчеркивают связь носителя рисунков с общей идеологической направленностью группы. Следует отметить наличие зачастую достаточно сдержанной агрессивности в рисунках «скинхедов», хотя их внешняя деятельность, как известно, достаточно агрессивна. Таким образом, татуировки представителей данной

субкультуры подчеркивают скорее не столько принадлежность к данному движению, а личностные мотивы в выборе тем сюжетов.

Анализируя рисунки татуировок панков, можно говорить о демонстрации внутренней агрессии членов данной группы, что усиливается пирсингом в ушах, носах, прическами «ирокез», цепями, кольцами, заклепками и т.д. в визуальном образе представителей данной субкультуры. Как уже было сказано при описании одежды, вся символика визуальности «панков» направлена на шокирование окружающих и эмоционально окрашенное желание отделиться от общей массы.

Татуировки байкеров сосредоточиваются на совершенно иных рисунках и сюжетах. Чаще всего это железные детали: гаечные ключи, шестерёнки, цепи; часто логотипы мотоциклов, звезды, американские флаги, финишные флажки. Встречаются изображения черепов, велосипедов. Из редко встречаемых сюжетов можно отметить людей на мотоциклах, глаза с крыльями. Есть такой сюжет, который представляет человека на мотоцикле, уезжающего с кладбища. Анализ татуировок байкеров, тоже представленных разными подгруппами (тех, кто может приобрести дорогой мотоцикл и тех, для кого цель создать свой собственный, непохожий на других, мотоцикл), позволяет прийти к выводу, что данная субкультура замкнута на себе, занята своими делами и внутренними проблемами, социально себя активно не проявляет. Лишь в случае защиты своих приверженцев представители этой субкультуры вступают в конфликт с социальной средой.

Наиболее яркая, стилистически и символически разнообразная и сюжетно многоликая татуировка у «готической» и «эмо» субкультур.

Так, готическая эстетика татуировок крайне разнообразна по набору используемых и популярных символов. Можно встретить египетскую, христианскую, кельтскую и оккультную символику. Это, прежде всего, обосновано смешением стилей и религий, которую «готы» привлекают как основу для изображения татуировок. Основным готическим символом является египетский крест «анкх» – символ вечной жизни. Считается, что

татуировка готической субкультуры возникла на базе вампирской эстетики. Вампиры – вечно живущие и отсюда данный крест. Кроме того, употребляются и другие символы, например «Глаз Ра». Христианская символика используется менее часто, по большей части в виде изображения распятий, кельтская же представлена использованием кельтских крестов и орнаментов. Достаточно широко применяют оккультную символику – пентаграммы (как обычными, так и перевернутыми крестами, восьмиконечными звездами). Кроме этого, их тату сюжеты заполнены изображениями различных символов смерти: гробы, черепа и т.д. Могут использоваться эзотерические символы, некоторые животные.

Особенностью данной субкультуры является использование для нанесения тату любой части тела, включая лоб, скулы, виски. Кроме того, татуировками покрываются достаточно большие участки тела. Так, один из рисунков представляет собой разорванную грудь, в центре которой располагается паук. Сюжет разорванной кожи часто повторяется в разных вариантах. В изображениях много ящериц, пауков, драконов, волков. Часто встречаются черепа в различной стилизации. Также татуировку данной подгруппы отличает стилизация всех рисунков, иероглифов под готику. Их татуировки нельзя спутать с другими, настолько тщательно представители данной субкультуры соблюдают выбранную стилистическую установку.

Таким образом, сюжеты татуировки в сочетании с описанным выше костюмом «готов» представляют в социуме довольно экзотическое существо. Представители этой субкультуры имеют довольно точное представление о том, как они должны себя вести, достаточно полный разработанный сценарий, идеологию своих действий и поступков.

Совсем иная картина предстает перед нами при анализе татуировок субкультуры «эмо», которым свойственно проявление эмоциональных всплесков, наличие слезливости, грусти и страдания. Их татуировки, вся сюжетная эстетика ориентированы на героев любимых мультфильмов. Татуировки демонстрируют окружающим символику молодежи с

затянувшимся детством, непонятым социумом. Об этом свидетельствуют рисунки разорванных сердец, сердца на перекрещенных костях, мишки с тесаками в лапах. Изображения сердец с крылышками могут находиться на крестце, на бедрах. Характерны изображения ангелов или, например, крыла ангела на всей спине. Часто встречаются изображения мишек, звезд, порой черных на розовом фоне. Встречаются и черепа с костями, скрещенные пистолеты. Вариантов татуировок у приверженцев к данной субкультуре существует достаточно много, но уже из описанных сюжетов можно заключить, что представители субкультуры «эмо» замкнуты внутри собственных переживаний, их не интересует реакция окружающих. По сути своей они индивидуалисты и не представляют достаточно сплоченной группы.

Завершая анализ татуировок наиболее распространенных субкультур, можно отметить.

1. Символика в субкультуре имеет важное функциональное значение, требует самого пристального анализа, так как содержит информационный код, демонстрирующий неблагополучие в молодежной среде.

2. По символике татуировок можно однозначно определить политические пристрастия её носителей и культурную доминанту среды, к которой они принадлежат.

3. Агрессивная символика татуировок почти всегда свидетельствует о склонности представителей того или иного молодежного объединения к насильственным действиям. Агрессивная татуировка связана с культом силы и доминирования. Так, исторический анализ всех политически ангажированных молодежных объединений говорит о том, что ярко выраженный армейский стиль в татуировках присутствует всегда, демонстрируя соответствующую приверженность молодежи, особенно мужского пола к архетипу бойца, воина. Архетип бойца привлекателен для молодежи, которой имманентно присуща агрессивность.

4. Радикально-эстетические, не скованные жесткой дисциплиной субкультуры, своими сюжетами и рисунками проявляют внутренние искания и неудовлетворенность существованием в обществе. Татуировка в этом случае – попытка добавить себе качеств, прибавляющих ее носителям уверенности. Скорее всего, здесь большую роль играет феномен внушения и социально-психологического «заражения» через вытатуированный рисунок, образ которого несет для человека магический смысл: орел – знак гордости, независимости и благородства; бабочка – духовности; дракон – силы, тайны, мудрости и т.д. [19:с.189].

5. Молодежная культура – это преходящая стадия становления личности, меняющая свое значение по мере адаптации к миру взрослых.

6. Основная тенденция сегодняшних субкультур – это омоложение её участников. Если раньше это могли быть взрослые люди, то сегодня в различных субкультурных группах начинают принимать участие школьники. Причем заметна тенденция, когда школьники среднего возраста стремятся подражать своим старшим товарищам. Они копируют внешние признаки: стиль одежды, манеру разговаривать и т.д., не улавливая глубинные функции татуировки и мировоззрение представителей субкультур. Нанесение татуировки становится просто модным, приобретая в современной культуре эстетические функции

7. Несомненно, что молодежные объединения выполняют двойную функцию в обществе:

-во первых, они приобщают молодежь к миру взрослых, выводя её из «плена» семейных отношений и давая возможность проявить свою зрелость в лидерстве, формах досуга, расширении сферы общения;

-во-вторых, они обособляют, выделяют молодых людей из общей массы, что подчеркивается одеждой, речью (жаргоном, сленгом), манерами, образом и стилем жизни. В результате при конфликтных ситуациях молодежные группы могут стать основой для организации оппозиций, протестных проявлений против норм, ценностей, базовой культуры

общества. С другой стороны, объединение молодежи в субкультуры позволяет той части молодежи, которая испытывает выраженный кризис идентичности и не способна самостоятельно с ним справиться, приобщиться к групповой идентичности и в результате приобрести силу и защиту.

8. Выбор молодежью знаков и символов для самоотождествления – характерная черта современной жизни. Но в разных обществах и в разных социальных средах (городской или сельской, живущих на равнинах или в горах и т.д.) степень инновационности молодежи в определении и выборе своих знаковых меток существенно различается. В традиционных культурах знаки и символы молодежи нередко предписаны установленными обычаями и не являются произвольно присвоенными себе самой молодежью, что является в определенной степени характерным для современной культуры.

ГЛАВА 2
ТАТУИРОВКА КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕЛЕСНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА)

**2. 1. Проблемы самопрезентации молодежи в культурном пространстве
города Владивостока**

Каждый город имеет свою историю происхождения и развития, накладывающую отпечаток на содержание его жизнедеятельности и судьбу его жителей, их ценностные предпочтения и установку имиджа городов.

Анализ городских историй в контексте имиджа города в нашей стране только начинается. Видимо, действительно наступило время для переосмысления культуры и истории городов. При этом необходимо исходить из того, что городская культурная среда есть не только результат инвестиций (в том числе и непосредственно вложенных в её развитие). При формировании культурной городской среды, по сути, решается множество задач одновременно. Это инструментальные задачи, такие, как формирование брэндинга города, его привлекательного имиджа, конкурентного позиционирования. Но, что не менее, если не более важно, это целевые задачи, такие, как, создание внутригородского диалога власти, бизнеса и жителей. Именно в этом смысле культурная городская среда может выступать как некий стержень перспективного движения вперед [19].

Городская среда это не только ландшафты, но и качественное состояние её естественно-природных и «рукотворных» составляющих. Э.А. Орлова в работе «Современная городская культура и человек», характеризуя городскую среду, влияющую на социокультурную ситуацию, выделяет в ней производственные процессы, физическую и экологическую характеристики, информационное воздействие и особенности социокультурной структуры [76].

Человек как биологическое существо испытывает потребность в движении и общении с природой. Но в условиях городской среды, где преобладают искусственные компоненты, у него ограничены отношения с природой. В связи с этим возникают определенные проблемы с физическим и психическим состоянием человека, негативные последствия для его здоровья в результате ярко выраженной гиподинамии и возрастающих стрессовых нагрузок [25]. С точки зрения экологии, несоответствие между потребностями человека как социально-биологического существа и расширением искусственных компонентов среды его обитания приводит к явной перегрузке адаптационных механизмов. «Мегаполис предстаёт перед новичком как воплощение первозданного хаоса. Всего слишком много, все слишком быстро. Много людей, одно только их скопление заставляет подсознательно искать проявления конкуренции и агрессии. Нигде человек не бывает так одинок, как в условиях большого города. И он ищет людей, близких себе по духу и системе ценностей», – отмечает М.Б. Медникова [64: с.181].

По мнению профессора В.Л. Глазычева, город и горожанин формируют друг друга и изменяются при этом: это происходит естественно, от эпохи к эпохе, у каждой свой стиль, своя мода, свои взаимоотношения в городском сообществе [28]. Сегодня все более острой становится проблема выживания и воспроизводства в городской среде человека, здорового физически, психически и нравственно. Люди, живущие в городе, имеют широкий спектр возможностей для самореализации личности – это положительная сторона

жизни в городе, но существуют и отрицательные явления, например, ощущение неопределенности, порожденное изменением системы знаний, ценностей, норм, образцов. Человек не может быстро и адекватно реагировать на все изменения, с которыми он сталкивается из-за уже существующих у него установок и ценностных ориентаций, нарушение которых вызывает чувство беспокойства и тревоги. Научное сообщество постоянно занимается изучением города, различных процессов, происходящих в нем, политических, экономических факторов городской среды, городской культуры. Так, Э.А. Орлова в своих работах рассматривает вопросы городской культуры как взаимодействия и взаимовлияния человека и городской среды. Т.М. Дридзе пишет о проблеме выживания и воспроизводства физически, психически и нравственно здорового человека в городе. Теоретические аспекты городского образа жизни, качества городской среды разрабатываются в исследованиях И.С. Турова, В.Л. Глазычева, К. Линча и других [29].

Вместе с тем благоприятная для людей и природы здоровая среда городов не всегда обеспечивает физический, психологический и социальный комфорт жителей, гармоничное и устойчивое социокультурное и экономическое развитие города. Городская среда жизни человека – это совокупность внутриквартирной, искусственной среды вне квартир (предприятий, учреждений, улиц, дорог, транспорта), среды культурных ландшафтов (парков, садов), естественной природной среды, а также социально-психологической и социально-экономической среды [165]. При этом среда и человек не должны разрушать друг друга. Среда должна быть чуткой к человеку, не травмировать его, когда человек сам к ней чуток и мягко, в режиме диалога, задает ей формы, благоприятные для него. Можно организовать среду обитания так, чтобы в ней чувствовали себя комфортно представители самых разных социокультурных типов. Индивид должен чувствовать городское пространство своим, буквально продолжением самого себя. Только тогда будут позитивные результаты и взаимодействия, и

взаимовлияния, серьезные стимулы к тому, чтобы этих результатов добиваться. Создание устойчивых признаков места обитания облегчает адаптацию человека в искусственной среде и становится для него одним из факторов психологического комфорта. Человек воспринимает индивидуальность своего окружения в значительной мере благодаря «непохожести» природных и искусственных компонентов [92].

В XX и начале XXI века стали заметны признаки глобального экологического кризиса, связанного с жизнью человека в городской среде, чрезвычайная загрязненность окружающей среды, вытеснение природных богатств, замена природного ландшафта на искусственный. При этом человек теряет природные источники взаимодействия со средой посредством визуальных, звуковых, обонятельных, осязательных контактов. За повсеместным окружением асфальта, стекла, бетона и металла, за всем этим мнимым комфортом и искусственной «красотой» скрывается опасность накопления негативной энергии, дискомфорта. Все перечисленные аспекты составляют основные признаки современных городов, образующие фон жизни человека. Особенно ярко это взаимодействие проявляется в молодежной среде как наиболее нестабильной.

Исследование городской среды позволяет констатировать следующее: человек и город находятся в сложных взаимоотношениях. При всей привлекательности городского образа жизни он пока далек от идеала: скученность, безликость городской среды, распространение массовой культуры, рост неблагополучных семей, агрессивное поведение молодежи. Все заметнее проявляются нетолерантное отношение различных этнических групп, отчуждение людей, одиночество. Городское пространство характеризуется деформацией личностного пространства, недоучетом этических и других потребностей человека, изменением эмоциональной сферы горожан в сторону преобладания отрицательных эмоций и агрессивности. Сюда входит и особенность городского общения – формальная избыточность, с одной стороны, и недостаточность личностного

эмоционального общения – с другой.

Город Владивосток, находясь на крайних рубежах России, имеет уникальную историю развития, которая отложилась на судьбе самого города и на его населении. Рождение и первые шаги становления города представляют собой особый этап в его развитии. Это время, когда наряду с решением рациональных вопросов пространственного развития активно формируется мифология и культура городской среды. Время, когда на почве уникальных явлений окружающего ландшафта формируется «дух места», которому суждено жить в веках. Вместе с тем, город, который в процессе эволюции утрачивает исходные мифопоэтические образы, неизбежно теряет свое историческое лицо, своеобразие архитектурно-художественного облика

Город – арена общественных отношений, отражающих социальную структуру общества. Люди всех возрастов, всех социальных слоев, профессий втянуты в один круговорот городского образа жизни, где каждый стремится найти нужные ему условия общения и соответствующий тип пространственного окружения.

Производственные процессы, темпы роста городов и их пространства, неоднородность структуры, интенсивность информационного потока – эти и другие факторы определяют социокультурную ситуацию современного города. Причем в больших городах накоплен значительный культурный потенциал, поддерживаемый и развиваемый современными социокультурными институтами и специалистами, работающими в них. Однако этот потенциал во многом остаётся нереализованным на уровне обыденной жизни людей, остаётся невостребованным из-за неразвитости потребностей потенциальных потребителей. Бурный рост городов может вести к потере ценностных ориентиров, снижению уровня культуры личности. В этих условиях человек стремится отыскать соответствующие окружающей среде способы освоения новой системы ценностей, включить её в свою повседневность, а также организовать жизнедеятельность в городе как в основной среде обитания. Современная городская среда во многом

определяет социокультурную ситуацию, характеризующуюся усложнением, выражающимся в многообразии, интенсивности и динамизме, происходящих в культуре процессов. Человек оказывается, с одной стороны, перед множеством трудностей, реакция на которые определяется его ориентацией на стереотипы или инновации, с другой стороны, современная культура может стимулировать личную свободу и ответственность человека, она помогает людям найти своё место в жизни. Но культура, не дает готовых решений, значительная часть людей идет привычным путем, следует традициям, хотя это не всегда целесообразно и зачастую становится причиной нетерпимого отношения людей друг к другу [67].

Город Владивосток строился как военный форпост России на Дальнем Востоке, поэтому имеет героическое прошлое и сложную историю обустройства городского пространства, городской бытовой среды, формирования городского населения. Первоначально основной задачей было превращение Владивостока в ведущую базу Российского морского флота на юге Приморья, что нашло свое отражение в обустройстве городского пространства. Первые постройки довольно продолжительное время носили хаотичный характер, не существовало специального плана, так как этим вопросом никто не занимался. И только в 70-х годах XIX века М.И. Венюков, описывая Владивосток, отмечал: «До последних годов это было скопище кабаков; теперь начал устраиваться и административный город, на широкую ногу, то есть на большом пространстве» [2:с.23].

Большая удаленность, отсутствие дорог и других способов связи явились следствием особого состава населения, которое состояло из военных, нескольких купцов, нижних чинов, крестьян и каторжников. «О духовной жизни говорить нечего – её почти не было. Пьянство, картежничество и сплетни – вот три кита, на которых держалось тогдашнее местное, даже «высшее общество» (Там же: с. 26). Так как обустройство городской среды подчинялось основным требованиям, связанным с необходимостью создать в этом уголке России город-порт, город-крепость, базу военно-морского флота,

то для офицерского состава были выделены лучшие участки на берегу залива. Однако развитие городской инфраструктуры тормозилось тем, что правительством не сразу было принято решение, что именно Владивосток будет основным местом дислокации военно-морской базы. Офицерский состав не был заинтересован в развитии социальной и культурной составляющей городской среды, так как не рассчитывал надолго оставаться на Дальнем Востоке. Существующее положение не изменилось и после решения отдать приоритет городу Владивостоку. Так как вся экономическая составляющая была направлена на обслуживание морского флота, то действия представителей морского и военного ведомств объективно стали препятствием в дальнейшем развитии города. В результате городская управа, защищавшая интересы частного капитала, вступила в упорную борьбу с военными, стоящими на страже установленных порядков (Там же:с. 9). С прибытием первых переселенцев ситуация в городе начинает меняться. Приток населения в край и город стимулировал активное развитие всех сфер городского пространства, включая магазины, гостиницы, рестораны, почтамт, училище и первое на Дальнем Востоке здание театра, куда стали приезжать артисты с гастрольями. Со всей очевидностью вышесказанное свидетельствует о том, что долгое время основной целью существования города Владивостока была именно практическая его целесообразность для государства. Данная целесообразность не предполагала особого внимания к обустройству городского пространства для его населения, тем более, как уже отмечалось, основной его состав не относился к уважаемым членам общества. Необходимо отметить, что долгое время город испытывал судьбу временного пристанища для всякого рода искателей способа разбогатеть.

Владивосток 20-х годов XX века был городом несбывшихся грез и рухнувших иллюзий, куда стремились монархисты, колчаковские офицеры, шпионы, авантюристы, деловые люди из всех частей планеты. Город жил слухами, а вся Россия была где-то далеко, загадочная, таинственная, о ней складывали легенды, и передавались противоречивые рассказы. Город

захлестнула волна преступности, а затем он стал ареной борьбы за власть. Формирование пространства народно-бытовой культуры первоначально происходило на основе локальных традиций переселенцев [39:с.72]. Кроме того, в процессе становления городского культурного пространства русская армия и флот сыграли немаловажную роль. Они были активной силой этого многостороннего процесса, развернувшегося с начала второй половины XIX века [41:с.3].

Однако с этого времени осталось достаточно много проблем, влияющих отрицательно на образ города. Долгое время городские власти мало занимались обустройством благоприятной среды для проживания населения, направляя все усилия на создание военной базы Российского флота. Длительное время город был закрытым, фактически выпал из поля зрения теми своими аспектами, которые касались устройства комфортной среды для проживания человека, включая и экологическую её составляющую.

Важной частью города является и культурная индустрия. К сожалению, часто российские города, в том числе и Владивосток, теряют существующие и не создают новые креативные пространства. В последние десять лет развитие городской территории происходило за счет инвестиций в коммерческую и жилую недвижимость. В результате самые лучшие территории заняты под офисы и крупные торговые центры. Казалось бы, характерная для них стеклянная и ангарная архитектура делает городскую среду современной, обновляет её, но на самом деле это не так. Нет места, необходимого человеку для обмена идеями или другой коммуникации, так как в индустрию развлечений, кроме концертных залов, кинотеатров, входят парки, аттракционы, ночные клубы, интернет-кафе, аквапарки, картодромы и пр. Сюда могут быть отнесены и предприятия, организующие спортивно-зрелищные мероприятия, а также занятия физической культурой [22].

В контексте тенденции последних лет к изменению исследовательской стратегии в сфере экологии культуры, стремлению рассматривать культуру не только как систему, сколько как среду обитания человека особенно

актуальным представляется обращение к анализу культурной ситуации в городе. Развитие сферы экологии культуры в последние годы связано с изменением базовой стратегии человеческого отношения к окружающему миру [103:с.68-72.]. Лишь с началом подготовки к Саммиту АТЭС социокультурная ситуация в городе стала изменяться: в городе построен Театр оперы и балета, современный спортивный комплекс, проводится озеленение, оборудуются базы отдыха, открыт зоопарк, открываются интернет-кафе, картодромы и пр., обеспечивая возможность проведения досуга. Широкий выбор высших учебных заведений способствует приобретению молодежью разных специальностей, получению перспективной, высокооплачиваемой работы, что дает возможность быстрой социализации молодёжи. В то же время выделен ряд проблем в процессе самопрезентации молодежи г. Владивостока: культурные влияния, модернизационные процессы и многие другие факторы обуславливают разнообразие форм социального поведения молодежи, более высокую степень её автономности, снижается уровень удовлетворенности деятельностью в данный период времени, положением в обществе, жизненной ситуацией, что способствует свободе в проявлении молодежью эпатажного, девиантного поведения, конфликтности. Расположение города Владивостока на «границе» с такими странами, как Китай, Япония, Корея определяет состояние «пограничья» и напрямую связанные с ним межкультурные взаимодействия, обуславливают специфику формирования и развития молодежных субкультур в г. Владивостоке. На границе происходят биполярные процессы – смыкание двух миров и их разграничение, отсюда возникновение субкультур, для которых пограничье является начальной стадией их развития и семиотической зоной, в рамках влияния которой они формируются, например субкультура «аниме» (прил. 6А).

Сходство общецивилизационных процессов накладывает отпечаток и на однообразие социальных аспектов любого города. Несмотря на серьезные социокультурные изменения, неустойчивость и нестабильность

взаимодействий в современном мире, социальные институты и социальные роли устанавливают рамки поведения индивида в обществе, которые не могут находиться в строгой зависимости от личных приоритетов или эмоционального состояния человека. Организация общественной структуры, с одной стороны, определяет систему норм и правил, необходимых для реализации её целей, с другой – само существование такой структуры требует выработки общих механизмов взаимодействия, понятных и приемлемых для её участников, подчас вне зависимости от желаний, возможностей или намерений каждого. Пребывание в социальной среде предполагает, что человек так или иначе принимает её нормы и вырабатывает своё отношение к её требованиям. И если нет возможности активно воспроизводить установленные нормы социума, то возникает потребность определять и генерировать собственную позицию, близкую и понятную для данного социального контекста [121].

Одним из первых фундаментальных исследований региональных особенностей субкультур является работа Т.Б. Щепанской о молодежных субкультурах городов Москвы и г. Ленинграда. В свою очередь Е.А. Омельченко опубликовала краткую характеристику субкультур города Ульяновска. В этой работе автор подчеркивает факт несовпадения содержания субкультур (опросы скинхедов) ни по идеологии, ни по визуализации, ни по активности с такими же группами в малых городах 3-х регионов России [139:36]. А.Ю. Буянова, анализируя объединения города, отмечает, что «экономическое, политическое, социальное и культурное положение Улан-Удэ влияет на формирование и деятельность молодежных сообществ города» [125:с.36].

Исследования субкультур Хабаровского края О.В. Чибисовой отмечают факт малоизученности молодежных субкультур различных краев и областей России в целом и их роли в региональной культуре [167]. Что же касается анализа Приморского края и г. Владивостока, то имеется попытка анализа адаптационных процессов в среде молодежи Свиридовым Н.А. [145].

Все это послужило основанием для исследования социокультурной ситуации и молодежных субкультур в городе. Определение социокультурной ситуации в городе Владивостоке с позиции молодежи оценивались по следующим параметрам:

- фактор возможности профессионального развития и организации досуга. Рассматриваются возможности для хорошего трудоустройства, широкий выбор при проведении досуга; возможности для образования и саморазвития; развитость системы услуг и их доступность; условия для развития предпринимательства;

- фактор безопасности предполагает определения низкого уровня преступности, безопасный город;

- фактор личностного самочувствия. Определяет удовлетворенность деятельностью в данный период времени, удовлетворенность своим положением в обществе, жизненной ситуацией;

- культурно-исторический фактор характеризуется наличием богатого культурно-историческим наследия;

- фактор жизнеобеспечения определяет эффективность системы здравоохранения, наличие социальных программ, влияющих на самочувствие, проживающих в городе.

Опрос проводился среди 2000 представителей молодого поколения г. Владивостока (студенты, школьники, молодые люди от 14 до 30 лет) (прил.7).

Анализ результатов опроса показал, что в городе существуют проблемы по следующим факторам: наибольшее количество респондентов (33%) не удовлетворены по фактору личностного самочувствия. Этот фактор определяет удовлетворенность деятельностью в данный период времени, удовлетворенность своим положением в обществе, жизненной ситуацией. Сложности с хорошим трудоустройством, недостаточностью развитости системы услуг и их доступности обозначили как проблемный фактор 27% респондентов. 16 % респондентов определили, что город небезопасен для

проживания и это откладывает отпечаток на общее состояние молодого человека. Культурно-историческое наследие влияет на социокультурную ситуацию в городе считают 14% опрошенных. 10% молодых людей в городе отмечают, что система здравоохранения и наличие социальных программ удовлетворительны.

Таким образом, уникальное географическое расположение города Владивостока, повлияло на социокультурную ситуацию в городе, которая откладывает отпечаток на жителей самого города, эволюционируя, меняя поколения за поколением, образуя историю города, состоящую из множества важных и второстепенных событий. Владивосток - город-порт, находящийся в непосредственной близости к японскому, китайскому и корейскому коммерческим рынкам ощущает их влияние в своей жизнедеятельности. Анализ проблем самопрезентации молодежи в культурном пространстве города Владивостока показал, что молодые люди чувствуют неудовлетворенность в личностном выражении, что проявляется в неудовлетворенности своим положением в обществе, в определении идентификации, что в конечном счете приводит к появлению множества субкультур.

2. 2. Социокультурные характеристик субкультурных объединений г. Владивостока

Культурно-стилевые особенности социокультурных групп выявляются при наблюдении за различными слоями молодежи. Именно в результате склонности подражательству, причем часто довольно поверхностному, поиска ими своего собственного взрослоющего «облика», преодоления психологической нестабильности и неуравновешенности, свойственных этому возрастному периоду, среди молодежи выделяются группы, которые и возникают на основе следования определенным культурным и поведенческим образцам. Молодежь создает те идеальные социокоды - образцы, на которые ориентируется в той или иной степени значительное

число лиц этой возрастной категории. Причем степень приближения или удаления от подобных стилевых образцов имеет широкий разброс, что выражается в наличии тех или иных признаков в речи, одежде, поведении, в потреблении «продуктов» массовой культуры в области искусства и прочих. Группы, в которых «кристаллизуются» в концентрированном виде те или иные культурно-поведенческие особенности, и стали предметом нашего исследования. При этом понятие «субкультура» мы определяем как «особую сферу культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами и т.д.» [155:с.236]. Вместе с тем, как нами отмечалось ранее, понятие «субкультура» трактуется разнообразно, поэтому следует оговорить, что в рамках данной работы мы исследуем неформальные объединения молодежи, характеризующиеся хорошо разработанной системой собственной символики (самоназванием, имиджем и т.д.), но не включенные в «официальные», «формальные» структуры». Это идеоцентрические группы, которые объединяются на основе общей деятельности, музыкальных предпочтений, знаковой символики и пр.

Согласно данным переписи 2000 года 1,7% молодых россиян считают себя участниками каких-либо неформальных групп или движений [156:с.98].

Население города Владивостока в 2010 году составляло 623 тысячи человек. Доля людей в возрасте от 14 до 30 лет (то есть тех, кого считают молодежью) насчитывает примерно 27% (170 тысяч человек) [106]. В действительности количество молодых людей на улицах города Владивостока значительно больше, так как каждое утро из пригородов в столицу Приморья на работу или учебу приезжает большое количество молодежи. Кроме того, не учитываются проживающие в городе Владивостоке без прописки, а многие из таких мигрантов также молоды. В связи с тем, что предметом данного исследования является татуировка, используемая представителями современной городской молодежи как социокультурный код, была поставлена задача анализа наличия

молодежных субкультур г. Владивостока. При этом мы основывались на классификации субкультур, предложенной В.А. Луковым, 2002, С.И. Левиковой., 2004, хотя нас интересует не классификация субкультур как таковая, а исследование молодежных объединений города Владивостока и роль татуировки.

Для данного исследования молодежных субкультур города Владивостока была разработана методика, содержащая анализ их истории, особенности внешнего стиля, ценностей, потребностей, склонностей, особенности коммуникации. В нашем исследовании анализируются наиболее часто встречающиеся в пределах города Владивостока субкультуры. Методика состоит из анкеты-опросника, ряда психологических методик, в частности цветовой тест М. Люшера, методика М. Рокича и содержит несколько блоков:

Первый блок направлен на получение общих сведений об анализируемой субкультуре, степень открытости субкультуры, отношение её представителей к внешнему миру; второй блок посвящен анализу мифологии субкультуры, её историческим корням; в третьем – выделены и описана характерная для данной субкультуры визуальная символика. Четвертый блок направлен на определение идеологии представителей группы, выявление её ценностных установок. Пятый – на анализ творческих предпочтений представителей субкультур. Было разработано 2000 анкет, из них действительными после заполнения респондентами оказались 1915, респонденты – молодежь города от 14 до 30 лет. Респондентам было предложено обозначить субкультуры, которые, по их мнению, присутствуют в культурной среде г. Владивостока по следующим критериям:

- на основании признака музыкальных пристрастий;
- признака социальной активности (политических) взглядов;
- способа проведения свободного времени;
- увлечения различными видами спорта;
- на основании принадлежности субкультурным объединениям

асоциальной направленности, криминального поведения.

В результате опроса установлено, что группа, сформированная на основе музыкальных пристрастий, составляет 65,5%. Второе по массовости объединение сформировано по признаку социальной активности – 17,5%. В свою очередь, наиболее известными среди групп, выявленных по признаку социальной активности (17,5%), являются пропартийные молодежные политические объединения: «Наши» – 36%; «Единая Россия – Молодая Гвардия» – 29%; «Российский союз молодежи» – 4%; «Анархисты» – 6%. Данные опроса показали, что большинство респондентов знают такие субкультуры в г. Владивостоке, как: «панки» – 25%; «эмо» – 22%; «готы» – 18%; «реперы» – 12%; «хиппи» – 7%; «металлисты» – 6%; «неформалы» – 4%. Равное количество респондентов отметило группы «клубберов» – 2% и «альтернативщиков» – 2%.

Наиболее многочисленными по критерию совместного проведения свободного времени группами являются «байкеры» – 64% и «хакеры» – 11%, «реконструкторы» – 15%, остальные представлены незначительным количеством представителей.

По принадлежности к какому-либо спортивному объединению выделены: «футбольные фанаты» – 37%; «скейтеры» – 22%; «роллеры» – 17%; «паркурщики» – 7%. Оставшиеся 17% практически поровну поделили между собой такие субкультуры, как «стритрейсеры», «спортсмены», «экстрималы», «сноубордисты».

Анализ молодежных субкультур по признаку антисоциальной направленности показал, что среди агрессивно настроенных, криминализированных представителей известны объединения: «гопники» – 63% респондентов; 25% респондентов указали на субкультуру «панков» как антисоциальную, 12% – отметили наличие в городе «сатанистов».

В результате проведенного анализа установлено, что в г. Владивостоке, несмотря на его удаленность от Запада, присутствуют основные российские субкультуры. Вместе с тем, судя по данным опроса, лишь 12,5%

респондентов из 1915 человек, опрошенных нами, причисляют себя к той или иной субкультуре (прил.8).

На вопрос о способах получения информации о субкультурах молодежью г. Владивостока были получены следующие ответы: 42% респондентов отметили получение информации с помощью интернета, 36% – телевидения, по 11% указали, что из общения в молодежной среде, а также из журналов и газет (прил. 8А).

Результаты проведенного анализа позволили нам прийти к выводам: о наличии субкультур в пространстве г. Владивостока, их неоднородности, разобщенности и относительной малочисленности молодежи, принадлежащей к субкультурным объединениям. Установлено, что субкультуры рассматриваются их приверженцами как наиболее приемлемый способ межличностного общения и взаимодействия.

Как указывалось нами ранее, г. Владивосток долгое время был закрытым, с момента его открытия, появления доступа ко всем информационным потокам стали возникать тенденции к появлению объединений в молодежной среде, получивших распространение как за рубежом, так и в европейской части России. В целом, в городском пространстве Владивостока обнаруживаются сообщества самых разных стилей и жизненных предпочтений, хотя многие из них не насчитывают и пятидесяти членов. Однако определенная стабильность этих объединений подтверждается наличием конкретных мест их сбора в пределах городского пространства. Например панки проводят панк фестивали, «Панк революция» в клубе «Паллада», «BSB», в концертном зале «Undegraund» г. Владивосток, на которых могут присутствовать и представители других объединений. Самое крупное мероприятие – Open Air проводится в разных местах, но обязательно на открытом пространстве, у моря. В то же время необходимо отметить, что молодежные субкультуры Владивостока – одно из самых ярких явлений неформальной среды Дальневосточного региона. Так, о феномене Владивостокского рока можно говорить как о состоявшемся и

самобытном наряду с ленинградской и московской рок-культурой. Кроме того, в городе давно существуют и развиваются молодежные субкультуры разной направленности. Причем при опросе респонденты подчеркивали факт, что в г. Владивостоке все неформальные молодежные объединения появились лет на 5–7 лет раньше, чем в г. Хабаровске и других городах Дальневосточного региона. Это касается в равной степени агрессивной субкультуры «скинхедов» и патриотически настроенных «реконструкторов» отечественной истории, православных «скаутов» и американизированных «скейтеров».

Однако эти группы в основном малочисленны, среди них есть как полностью сформировавшиеся, так и находящиеся на стадии становления. Большинство из этих объединений открыты, их контингент подвижен и свободен в своем выборе. Некоторые объединения не составляют хотя бы минимальной структурной группы («золотая молодежь», «гламур», «паркуристы», «неформалы», «граффити» и пр.), включая в себя небольшое количество приверженцев. О других не удалось получить сведений для полноценного анализа в силу их закрытости («сатанисты», «скинхеды», «молодогвардейцы», «гопники»). Сведения о татуировках представителей этих групп были получены косвенным путем. Также за рамками нашего исследования остались все группы, которые так или иначе связаны с преступной деятельностью.

Нами были подробно проанализированы три группы: «хиппи», «рейверы» и «реперы». Возраст членов этих групп составляет от 16 до 25 лет, что подтверждает вывод других исследователей (С.И. Левикова, В.Л. Луков, С.А. Свиридов) о том, что именно этом возрастном периоде проявляется склонность к объединению в данные молодежные субкультуры. В этот период взрослеющий человек заканчивает школу, начинает жить самостоятельной, хотя не всегда полной (у большинства еще сохраняется та или иная степень зависимости от родителей) жизнью. Это время является поиском и пробой своего «Я», реализацией жизненных планов и

разнообразных интересов. Анализ данных групп позволяет сделать вывод, что основным проявлением взаимодействия в среде молодежи являются досуговые функции и функции общения. В своей среде каждый чувствует себя на равных, в отличие от мира взрослых. Как известно из исследований С.И. Левикова, В.Л. Луков, С.А. Свиридов, эти группы чаще всего не исчезают внезапно. Они «взрослеют» и «стареют» вместе с составляющими их индивидами, их сменяют новые участники.

Сравнение указанных групп проводилось нами по разным критериям. Одним из них был уровень образования у представителей этих групп. Анализ показал, что наиболее образованными оказались «хиппи». Представители этой субкультуры имеют в основном среднее или высшее образование. Возраст членов этой группы от 16 до 25 лет, т.е. это более взрослая и «серьезная» по сравнению с двумя другими рассматриваемыми ниже группами молодежи. Представители же остальных двух групп имеют возраст от 14 до 18 лет, что подчеркивает факт подросткового возраста с соответствующими психологическими установками и их поведенческими проявлениями.

«Хиппи» характеризуются достаточно развитыми по сравнению с представителями двух других исследуемых групп духовными интересами и потребностями - это не объединение подростков, а группы молодых людей с достаточно выраженными самостоятельностью и сформированными предпочтениями жизненными ценностями. Их характеризует целенаправленный интерес к образованию (они уже способны изучить избранную специальность), различным сферам человеческого знания, не связанным с их будущей или настоящей профессиональной деятельностью. Что касается их предпочтений в сфере искусства, то они более всего увлекаются такими направлениями молодежной музыкальной культуры, как «рок» и «металл» (40 и 30% соответственно). Вместе с тем, мировосприятие представителей субкультуры «хиппи» (отличает их от других групп), характеризуется угнетенностью, чувством отчужденности и враждебности к

окружающему их миру, который «во зле лежит», отсутствием надежд на возможную счастливую и психологически спокойную жизнь. В этих установках они настойчиво убеждают окружающих. Это обстоятельство можно объяснить тем, что, как показали исследования, 75% «хиппи» регулярно употребляют наркотики и всего 25% — нерегулярно. Обычно, как говорят молодые люди, после наркотиков мрачная окружающая действительность отходит как бы в сторону и сознание наполняется «ощущением прекрасного».

Как показал анализ, субкультура «хиппи» представлена в основном мужским полом (80%) и лишь 20% — женским. 75% из них уже имеют среднее образование, причем многие учатся в вузах, 15% имеют высшее образование, а 10% еще учатся в школе. Ответы на вопрос о месте жительства молодежи в данной группе показали, что с родителями проживают всего 12,5% молодых людей. По окончании средней школы и вуза они стремятся жить самостоятельно. Но основной причиной стремления к самостоятельности молодые люди указывают родительское непонимание их, а также то, что они сами перестали понимать своих родителей.

Что касается визуальных факторов, то внешний вид «хиппи» достаточно радикально изменился в настоящее время. «Хиппи» считают, что одежда должна выражать индивидуальность человека, а моду не могут определять кутюрье. Разностильная одежда «хиппи» часто была навеяна национальными костюмами самых разных стран. «Хиппи» носили овчинные тулупы, кафтаны, куртки из тяжелого бархата, индийские торбы с бахромой, изделия из африканских тканей, экзотические бусы и длинные шарфы. Многие ходили босиком или в лёгких кожаных сандалиях на ремешках. Самые фанатичные из «хиппи» ярко красили волосы и разрисовывали лицо и тело замысловатыми цветочными узорами. Одним из девизов «хиппи» было стирание веками устоявшихся различий между мужской и женской одеждой; многие мужчины, желая наглядно выразить свои принципы, носили длинные волосы и одежду мягких пастельных тонов.

Внешний вид современного «хиппи»: «основной одеждой являются джинсы расклешенные внизу. Кроме того, к внешнему стилю «хиппи» принадлежали «психоделические» самокрашенные майки, их красили, завязав узелками, в результате чего получались всевозможные психоделические узоры. Еще одна неизбежная деталь «хиппи» – длинные волосы». Кроме того, особой деталью их стиля являются «фенечки» - браслеты ручной работы из бисера, ниток или колец (Козлов, 2009).

Владивостокских «хиппи» можно увидеть в разных местах города, но наиболее оживленное место их встреч рядом с памятниками на центральной площади города Владивостока. Отличительной чертой их внешности являются длинные волосы, обвитые голубой лентой, широкие «несоразмерные» джинсы, многие появляются с сигаретой в руках (прил.9).

В свою очередь, «хип-хоп» субкультура в России распространялась довольно быстро и активно, почти сразу проникнув на сценическую площадку, получив большую аудиторию приверженцев. Этот факт способствовал активному образованию реперских субкультур. Возрастной состав владивостокских реперов: от 14 до 18 лет (90%) и только 10% старше 19 лет. Основа возникновения и существования данной общности коренится в приверженности к такой разновидности молодежной популярной музыки, как «реп» и «хип-хоп».

Эти направления в сфере музыкальной массовой культуры и объединяет молодежь в данные субкультуры. Опрос показал, что свободное время они стараются проводить вне дома, со своими друзьями, поклонниками данного музыкального течения. Общение с близкими, например с родителями, им неинтересно. Образовательный уровень и степень духовных запросов и интересов у представителей данной группы гораздо ниже в сравнении с «хиппи». Кроме школьных занятий, эти подростки почти не интересуются другими областями знаний, а у некоторых (25%) совсем нет интереса к знаниям в сфере духовной культуры. Они считают, что принадлежность к той или иной неформальной группе и

принятие ее ценностных ориентиров и есть способ добиться чего-то в жизни. Это выразилось в их ответах: «реп» — это путь к успеху и не надо никаких знаний». В отличие от «хиппи» «реперы» гораздо реже употребляют наркотики, предпочитая им спиртные напитки.

Резко отличаются «реперы» от «хиппи» и по мировосприятию. Большинство из них (75%) на вопросы о наличии проблем в своей жизни дают отрицательные ответы, позитивно оценивают свое положение и ничего не хотели бы менять. У этого большинства уже есть и определенные планы на будущее. У них нет критического отношения к окружающей жизни, которое характерно для «хиппи».

Поскольку большинство приверженцев данного субкультурного течения находятся еще в подростковом и юношеском возрасте, они в основном живут в родительской семье (80%). Отделившиеся (20%) от родителей указывают причину – гражданский брак.

Что касается визуальных характеристик, то представителям данной субкультуры присуща приверженность к свободной одежде спортивного стиля: свободные, длинные, широкие джинсы, висящие на бедрах, объемные толстовки, кроссовки «шусты» и кепка-бейсболка, с длинным изогнутым козырьком (прил.10).

Субкультура «рейверов» достаточно подробно охарактеризована в первой главе. Рассмотрим особенности владивостокского варианта представителей этого объединения. Рейв-культура сегодня во Владивостоке представлена в основном женским полом, можно даже сказать, что это вариант женского субкультурного течения, источником жизненных ориентиров которого стал этот музыкальный стиль в поп-музыке. Интервью с представителями данного направления показало, что их увлекает не только рейв, но и такие музыкальные направления массовой молодежной музыкальной поп-музыки, как «хаус», «эйсидмьюзик» и др. Духовные потребности у них не очень высоки: на выполнение школьных заданий, чтение литературы они тратят менее 3-х часов в день. «Рейверы» осторожны

в отношении наркотиков: 51% редко их употребляют, другие 30% — чаще, в основном это растительные наркотики. 20% представителей этой субкультуры предпочитают поднимать себе настроение с помощью алкоголя.

Культура «рейверов» - это, скорее, культура клубная. Члены этой субкультуры проводят свои встречи в ночных клубах. Если в г. Москве есть специальные «рейв-клубы», то в г. Владивостоке они отсутствуют. Посещение ночных клубов — дорогое удовольствие, поэтому доступно не всем. Опросы показали, что членами этой субкультуры становится та часть молодежи, чьи родители достаточно состоятельны. На вопрос: «Есть ли у них какие-либо планы на будущее» - 60% опрошенных затруднились сказать что-либо определенное. 70% респондентов этой субкультуры в возрасте от 14 до 18 лет. Практически все опрошенные, кроме одного, проживают с родителями.

Их визуальные предпочтения тоже связаны с клубной обстановкой. Узкие блестящие брюки, обтягивающие майки, ботинки на высокой платформе, выкрашенные в разные цвета волосы. Ночные клубы служат местом постоянных встреч, а ночной образ жизни является характерной чертой «рейверов». Существование «рейверов» напоминает, скорее, игру, где сценическая площадка – клуб с декорациями, световыми эффектами и музыкой. Никаких идеологических предпочтений ни в музыке, ни в социальной жизни исследование не выявило.

Наиболее крупной, структурированной является субкультура «металлистов», у представителей которой есть сформированные ценности, идеология, приоритеты и предпочтения. Опрос и интервьюирование показали, что представители данной субкультуры не могли определить её количественный состав, поскольку появление в группе и уход из неё не ритуализированы и зависят только от личного желания. Возраст членов группы от 17 до 35 лет. Интересно отметить тот факт, что имеющаяся литература по поводу возраста и социального состояния членов субкультуры имеют некоторые разночтения. Одни источники отмечают: «среди

металлистов преобладают учащиеся СПТУ, школьники, разнорабочие». Другие подчеркивают, что «металлисты это глобальное подростковое объединение, собравшее в свой круг сначала старших школьников и учащихся ПТУ (1982-1991 гг.), затем (когда движение «повзрослело») оно стало олицетворять более серьезную публику – студенты и аспиранты (1991 г. наши дни), а ПТУ-шная часть, напротив, исчезла» (Заярная, 1991).

Наш анализ продемонстрировал, что владивостокская субкультура «металлистов» в настоящее время представлена двумя подгруппами. Одну из них составляет молодежь 20 лет. Обозначим её как «Группа А». Представителям другой подгруппы старше двадцати лет. Обозначим её как «Группа В».

«Группа А». Подчеркивается момент интервальности, обособленности от остального общества и культуры: «ты можешь создать свое маленькое общество, в котором тебе комфортно». Они отмечают, что вхождение в данную субкультуру – это определенный жизненный этап. Главное в группе А – совместное общение членов этой субкультуры, присущие определенные эстетические предпочтения, прежде всего, в музыке, а также во внешнем облике.

Представители группы В старше 20 лет, делают акцент на идеологической направленности различных течений «металла». Членам этой группы присущи стремления отторжения обществом и поиски своей индивидуальности. Они воспринимают данную субкультуру как явление раздробленное и многообразное.

Представители обеих групп не интересуются историей «металлкультуры» г. Владивостока. Их знания отрывочные, сумбурные, относятся к моменту создания общности, практически ничего не знают об её расцвете.

Так как «металл» – сложное и многогранное музыкальное направление, включающее множество стилей, то в этой субкультуре музыка служит основанием для внутренней дифференциации членов группы. Представители

Группы В подчеркивают, что музыка – это основной структурирующий фактор в существовании группы. Музыка служит выражением определенной идеологии приверженцев субкультуры и подчеркивает идеологическое значение музыки. Вообще, в Группе - В четко прослеживается связь музыкального направления в «металле» и выступает как символ (существует даже ее интерпретация как «энергии»). «Металл» выступает для них символом отторжения от базовой культуры, что проявляется в предпочтениях зарубежной музыки. В объединении существует некая группа «стариков», людей, которые давно находятся в субкультуре и «знают, как было раньше». Эти люди пользуются определенным авторитетом и уважением. В группе В существует несколько больших «объединений», отличающихся друг от друга идеологическими установками и образом жизни. Внутри они делятся на более мелкие «группы», построенные исключительно на личных связях, члены которых поддерживают постоянный контакт. Эти мелкие общности непостоянны, неустойчивы, существует миграция их членов. Большие идеологически и музыкально обусловленные общности пересекаются мало, иногда конфликтуют, в общем и целом недолголюбивают друг друга. Кроме того, группа В говорит о том, что движение структурируется по «возрасту» вовлеченности, но эта структура размытая, неопределенная и динамичная. В В-группе роли зависят исключительно от образа жизни, нет устоявшихся ролей, они трудно дифференцируются. Лидерство очень ситуативно. В объединении как в большом, так и в малом может быть лидер, один или несколько, а может и не быть лидера. Кроме того, это весьма непостоянный статус и он может быть утерян с течением времени.

Для группы-А музыка – это в основном средство отражения существующего конфликта с обществом. Поэтому для них важны русскоязычные тексты («металл» и «попс» сравниваются в основном на уровне текстов). Группа-А имеет деление внутри субкультуры по музыкальным направлениям.

Система ролей в этих группах практически отсутствует. Группа-А

выделяет 2 основные роли: «тусовщик» и «музыкант». Последняя роль более престижна, она дает определенное уважение, авторитет в группе. Данная субкультура представляет собой открытую систему как для вхождения новичков, так и для общения с другими субкультурами. Представители группы-А отмечают, что попасть в субкультуру легко, достаточно прийти на «тусовку» и начать общаться. Немаловажную роль в принятии как «своего» имеет соответствующий внешний вид. Представителей этого объединения, по признанию участников, «встречают по внешнему виду». Субкультура четко держит свои культурные границы: если ты не слушаешь определенную музыку, не выглядишь определенным образом и, главное, не имеешь соответствующих нормативно-ценностных и поведенческих установок, то ты не станешь «своим».

Внешний мир воспринимается группой-А как агрессивно настроенный по отношению к субкультуре, как жесткий, давящий своей нормативной структурой, как «ломающий» человека. Для группы-А «металл» – это война норм, идей и ценностей. Представитель группы предстает по отношению ко всему обществу как идейный противник. Несмотря на это, «металл-культура» вносит определенные новые идеи в общество: диктует моду, ценности, стили и образ жизни. Так считают представители этой группы.

Отношение группы-В к внешнему миру можно охарактеризовать иначе - спокойное неприятие: «Мы живем в социуме, но главное, чтобы он в нас не проникал». Общество уже воспринимается не как угрожающий фактор, а как нечто, с чем нужно уживаться и искать свое место в нем, сохраняя свою индивидуальность и независимость от него (прил. 11).

Субкультурное сообщество «готов» представляет собой бесформенную, малоструктурированную группу молодежи. Представители этой субкультуры являются активными участниками рок-фестивалей. В г. Владивостоке есть «Дарк готик» проект под названием «ДеграDANCE» – это группа, играющая «дарквейв», состав группы представлен «готами». В социальной сети «в контакте» они оповещают о новых выступлениях и новых песнях.

Группа «Готика» в г. Владивостоке является вторичной как по отношению к западным аналогам, насчитывающим четыре периода существования, так и к российским вариантам. Молодые люди хотят подчеркнуть, что их изысканный, утонченный, внешний вид гармонично сочетается с мрачным, таинственным, ледящим кровь холодом – от меланхолически грустного до депрессивного и в то же время они очень красивы, если не сказать прекрасны, внутренним содержанием и состоянием, для которого характерна близость к природе (Левикова С.И., 2006) «Готы» полностью игнорируют окружающую действительность и живут, по их мнению, только эмоциями. На деле вся их эмоциональность сводится к пристрастию к «темному», мрачному восприятию мира, к фетишизации смерти.

В г. Владивостоке репутация «готов» невысока, отношение к ним среди молодежи не отличается толерантностью; их считают или бесталанными, психически нездоровыми, неадекватными («придурками»), или относят к сексменьшинствам, группам девиантного поведения. Фактически, российское рок-общество, а равно и музыкальный рынок, их не принимает и серьезно не рассматривает (прил.12).

Анализ результатов опроса и интервью показал, что представители готической субкультуры не располагают достаточной базой знаний о возникновении и развитии субкультуры. Основное понятие о ней сводится к стилю в музыке. Факторы, повлиявшие на вступление в эту неформальную общность, ограничиваются понятиями свободы личности и наличием специфического мироощущения. Среди них существует мнение, что сущность движения «готов» не изменяется в рамках географических пространств.

Большая часть группы уверена, что «готика» и готическая субкультура не имеют ничего общего с историей субкультуры, её мифологией. По их мнению, «готика» является «продуктом» реального мира, они отрицают связь субкультуры с архитектурным стилем, однако согласны, что «вампиризм» –

это мистическое явление, которое самостоятельно проникло в «готику» и не было основополагающим. В группе возникли трудности с выявлением присущих иерархических черт. Основными признаками были названы: черный цвет, готическая музыка, готическое мировоззрение, депрессивность, а также в некоторых случаях было указано искусство во всех его проявлениях. Идеологические установки сводятся к свободе личности, к соблюдению неких «готических идеалов», к увлечению творчеством. Основное место встреч и общения – кладбища и концерты. Музыка занимает главенствующее положение в субкультуре. По мнению представителей группы, готическая музыка – это отдельный пласт в истории музыкальных направлений. Хотя большая часть группы предпочитает «готический металл», «готический рок», «deth метал», «J-рок» и т.д.

Готическая субкультура является довольно неустойчивой общностью, отсутствует лидер, объединение представлено «готами» и «херками». По мнению «готов», последние просто наследуют атрибуты готик-культуры, часто не понимая их сути и смысла. Однако большая часть «готов» города Владивостока может быть причислена именно к «херкам», так как они, по мнению респондентов, более осведомлены о сущности «готики».

Необходимо выделить группу так называемой «романтической готики», стремящейся к традиционным готическим идеям. Кроме них выделяются в объединении «кибер-готики». Они также идентифицируют себя с человеком-вампиром. Девочка «готесса» ассоциирует себя с образом ведьмы или вампириши. Преобладающая цветовая гамма в одежде – от белого, красного, черного, фиолетового у девушек до черного у парней. Из поведенческих и психологических характеристик девушки отмечают меланхоличность, замкнутость, погруженность в свои мысли; парни выделяют эмоциональность и протест (скрытый), о чем свидетельствует поза героев (в застывшем движении). У девушек акцентируется внешняя красота, стройность, даже хрупкость образа. В образе «гота» юноши не выделяют необходимости быть достаточно мужественными. Готическая субкультура

предполагает ношение определенной одежды, но это дорогое приобретение, в связи с чем индивидуальный стиль выражен в повседневной одежде черных, белых и красных цветов (прил. 12).

Субкультура «эмо-кидов» считается «самой молодой» и, пожалуй, наиболее массовой на сегодня в России около музыкальной субкультурой» (Козлов, 2009). Группа молодежи, придерживающаяся «эмо-идеологии», достаточно сформировавшаяся, многочисленная, но имеющая ряд направлений внутри неё. Молодежь «эмо» предпочитает особый стиль, который выделяет их среди других субкультур. Они носят черный цвет в сочетании с розовым или другим ярким цветом. Классическая одежда «эмо» – это одежда в черно-розовой гамме, узоры которой также двухцветные. Различные повязки на запястьях, пояса с железными бляшками, перчатки без пальцев, рюкзак с различными значками, символизирующими принадлежность к «эмо». Среди «эмо» можно увидеть парней в узких джинсах с множеством железных заклепок на них. Браслеты на руках с черепами, на ногах- разноцветные браслеты, на шее – крупные бусы в несколько рядов. Некоторые носят огромные очки. Девушки носят детские заколки. Главный акцент в макияже – на глаза. Губы – под цвет кожи и темный макияж глаз. Макияж распространен как у девушек, так и у юношей с темными волосами с челкой, закрывающей половину лица. Для юношей действуют те же правила. Одежда «эмо» – рваные джинсы, ремень с заклепками, майки с детскими рисунками, либо черные - с названием «эмо-групп». Пиджаки с множеством значков, олимпийки, длинные полосатые шарфы, полосатые гетры. На ногтях у «эмо» черный лак, причем у юношей часто облезлый. Анализируя эту субкультуру, можно отметить, что свою теоретическую базу «эмо-киды» формируют крайне просто: открытое выражение чувств и эмоций и несколько депрессивно-пессимистический взгляд на жизнь. «Эмо»- движение в г. Владивостоке соответствует общим идеологическим представлениям (прил.13-14).

Довольно колоритна по визуальным характеристикам самая молодая

субкультура города «аниме». Своими корнями «Аниме – культура» уходит в подражание героям анимационных фильмов Японии. Приверженцами этой субкультуры являются в основном подростки двенадцати–пятнадцати лет. Их интересы и ценности замкнуты на анимационных фильмах (о культуре и истории Японии). Группа поддерживает между собой отношения на определенном «сленге», используя японские слова и фразы. Анализ материалов, полученных в результате опросов и интервью, позволил составить следующую классификацию этой, достаточно неструктурированной группы: «Новички» – только вступающие на путь поклонения японским мультфильмам; «Интересующиеся» – увлекаются, имеют коллекцию «аниме», «манги», клипов, посещают «аниме-мероприятия. Группа «Отаку» – те, кто достаточно давно и серьезно занимается «аниме». Представители этой части субкультуры читают специальные издания об аниме, посещают соответствующие страницы в интернете; коллекционируют фигурки любимых персонажей; участвуют в «аниме» – фестивалях, «косплее» и других мероприятиях; занимаются каким-либо творчеством (рисование, проза, стихи); тратят много денег на «аниме» и все, что связано с этим увлечением; обладают обширными знаниями в области истории развития «аниме» и могут дать исчерпывающую консультацию новичку по разным вопросам, касающимся данной темы.

Данную субкультуру объединяют так называемые косплэй-фестивали, в переводе с английского «костюмированная игра. Возник современный косплей в Японии в среде японских фанатов «аниме» и «манга», поэтому обычно основным прототипом действия является «манга», «аниме», видеоигры, «токусацу» или исторический фильм о самураях. Участники косплея отождествляют себя с каким-то персонажем, называются его именем, носят аналогичную одежду, употребляют аналогичные речевые обороты. Часто во время косплея разыгрывается ролевая игра. Костюмы для неё обычно шьются самостоятельно, но могут и заказываться в ателье или покупаться готовыми. Так, в Японии бизнес-производство костюмов и

аксессуаров для косплея поставлено довольно широко.

Термин «косплей» укоренился не только в русскоязычном «аниме-сообществе», но также среди «ролевиков» и «исторических реконструкторов», использующих для обозначения приверженности внешний вид (как правило, с помощью одежды) вне зависимости от их отношения к японской культуре.

Следует отметить, что широко распространённая в российском косплее практика полевых игровых действий практически отсутствует на родине косплея в Японии, где участники сосредотачивают все свои усилия на качестве костюма. Объяснение этому следует искать в том, что в России «косплей» с самого начала развивался как игровое действие, где «действие» персонажей являлось основным требованием. В Японии же подобного взаимопроникновения не существовало, поэтому «косплей» там остался, как повод демонстрации костюма персонажа.

Свой внешний облик представители «аниме» субкультуры оформляют в соответствии с внешним видом любимых персонажей фильма. Это могут быть брелоки, подвески и изображения «аниме»-персонажа, сумки, футболки с соответствующей символикой, прически, которые могут меняться со сменой приоритетов и выбором персонажей (прил.14-15).

Самой структурированной и закрытой является субкультура байкеров. Они практически не идут на контакт. Имеют свою идеологию и своё особое мироощущение. В г. Владивостоке довольно широко распространена эта субкультура, в ней активно участвуют более тысячи человек, - отметил руководитель байкерского клуба города Владивосток «Русские Самураи» Валерий Well Володарский. В ходе интервью с Валерием удалось выяснить следующее. Субкультура начала своё развитие в 90-х годах XX столетия. Всех так или иначе причисляющих себя к этой субкультуре объединяет любовь к мотоциклам. Они объединяются в более или менее крупные группы, придумывают различные названия и цвета оформления техники. Однако ярко выраженных групп байкеров в городе две: «Железные тигры» и

«Русские самураи». Обе группы объединены в одноименные клубы, зарегистрированные официально, как общественные движения. Оба эти объединения имеют аббревиатуру МС мотоциклуб. Остальные МСС – мото-объединения. У клубов сложная система принятия новых членов: «ханграунд» – кандидат в кандидаты, «проспект» – «чистый» кандидат; «мемберс» – статус полноправного члена клуба. Срок проверки три года (интервью). Байкерский клуб – закрытая структура со своей идеологией, кодексом поведения, флагом, гимном и принятыми цветами в оформлении одежды и мотоциклов. Не каждый желающий может попасть даже в статус «ханграунд». Участие в субкультуре дорогое мероприятие. С одной стороны, это ограничивает группы в размерах, а с другой – влияет на возраст участников, обусловленный способностью иметь хороший мотоцикл и специальную экипировку. Чаще всего это уже работающие и довольно состоятельные люди. Самым закрытым и строго структурированным является клуб «Железные тигры» (прил.16). Это команда единомышленников, связанных не только любовью к мотоциклам, но и крепкой дружбой. Увлечение мотоциклом – это практически образ жизни. На мероприятия, организованные клубом приходит вся семья «байкера». По типу профессий члены клуба делятся на две группы: одни занимаются ремонтом, торговлей мото-техники и работают в фирме «ВладМото», другие работают в государственных учреждениях. Они не преследуют каких-либо целей, направленных вовне, не претендуют на социальную активность. Их незыблемые ценности: мотоцикл, пиво, дорога, рок. Клуб имеет свои филиалы в городах Приморского края. Занимается благотворительностью, курируя детские дома, в некоторых мероприятиях выступая спонсорами, принимает участие в «игрушечном пробеге» – ежегодном международном мероприятии празднования дня защиты детей.

Совершенно по-другому организовано объединение «Русские самураи». Это открытое движение, включающее в себя доверенных лиц. Байкеры всех возрастов разного стиля вождения и мастерства, с любыми проблемами, с

«техническими» и «человеческими», в любое время здесь находят помощь и понимание. Дружба, равенство, взаимовыручка, страсть к технике, дух свободы и честь – основы, накрепко сплотившие «Самураев». Основная цель движения – объединение многочисленных мото-клубов Дальневосточного региона для достижения общих целей, соответствующих принципам движения «RS». В названии клуба слово «Самурай», члены его трактуют следующим образом: «сам у своего развития; сам строй свой рай». Установки группы состоит в том, что каждый должен надеяться на свои силы и в то же время знает, что на помощь всегда придет команда единомышленников. Это объединение более открыто и более, чем «тигры» социально ориентировано. Они участвуют практически во всех мероприятиях, проводимых мотоциклистами. Члены клуба жестко подчиняются кодексу, разработанному клубом, в котором четко определены правила существования и поведения этой субкультуры.

Существует ряд совместных мероприятий для всех байкеров - открытие и закрытие сезонов, фестивали с конкурсами, носящими специфический характер. Данная субкультура носит выраженный «мускулиный» характер. Девушки лишены права вступления в клуб. Они могут поддерживать движение, являясь «суппортом», и тогда могут носить цвета и нашивки клуба.

Главный и основной элемент стиля байкера – это его мотоцикл. Они постоянно вносят в него изменения, как в технические усовершенствования, так и в его внешние характеристики. Стереотипный внешний вид байкера: бандана (головной платок темных тонов, завязанный на пиратский манер на затылке) или черная вязаная шапочка, «косуха» (кожаная куртка с замком наискосок) или кожаная мотокуртка (часто поверх мотокуртки надевается джинсовая или кожаная жилетка без рукавов с цветами (символикой мотоклуба), кожаные штаны. «Байкеры» часто отпускают длинные волосы, усы, бороды. Для защиты глаз от ветра носят очки, нередко игнорируют шлемы.

Еще одним элементом стиля байкеров является татуировка, которая носит обязательно определенную атрибутику. Байкеры верят, что рисунок с изображением смерти «отпугнет» саму смерть, так как верят, что «увидев рисунок себя самой, смерть решит, что уже бывала здесь и пройдет мимо».

В целом в г. Владивостоке в разной степени присутствуют большинство субкультурных групп, известных и в других городах России. Идеологически они более различимы и менее структурированы, исключая «байкеров».

В связи с тем, что субкультуры – преимущественно порождение городской культуры, функционирующей в полиэтнической и мультирелигиозной социальной среде мегаполисов, где приватизм и анонимность индивида чреваты переживанием одиночества, возрастная дифференциация культуры отчетливо прослеживается в процессе социализации – освоения подрастающим поколением широкого круга социальных ролей, а также в выборе образцов для подражания. Для определения эмоциональных компонентов отношений молодого человека к значимым для него людям (отец, мать, предпочитаемая группа) отношений было проведено исследование с помощью тестирования. Выбраны по тридцать представителей следующих субкультур: «металлисты», «готы», «эмо-киды» и «аниме», находящихся в городе Владивостоке. С помощью цветового теста М. Люшера [94] мы определили, с кем себя соотносят представители данных объединений. Методической основой цветового теста отношений (ЦТО) является цветоассоциативный эксперимент. Он базируется на предположении о том, что существенные характеристики невербальных компонентов отношений к значимым другим и к самому себе отражаются в цветовых ассоциациях к ним (тесты Роршаха, Люшера, Фрилинга, методика Шварц-Дорофеевой и др.)

С помощью набора цветовых стимулов М. Люшера (основные цвета спектра, два смешанных цвета (фиолетовый и коричневый) и два ахроматических цвета (черный и серый)) заданы вопросы об отношении к

«матери», «отцу» и «предпочитаемой группе». Результаты тестирования показали следующее: из 30 представители каждой из субкультур в большинстве своем ассоциируют себя со своей группой: «готы» – 71%, «металлисты» – 68%, «аниме» – 82%, «эмо» – 75%. С отцом ассоциируют себя «готы» – 15,5%, «металлисты» – 20, 9%, «аниме» – 3%, «эмо» – 5%. Ассоциации с матерью у представителей субкультур распределились следующим образом: «готы» – 13,5%, «металлисты» – 11,1%, «аниме» – 5%, «эмо» – 10%. Данные исследования показывают, что большинство представителей субкультур ассоциируют себя с группой. Представители эмоциональных групп в большей степени ассоциируют себя с матерью. Анализ результатов тестирования показал, что приверженцы «рока» («металлисты», «готы») ассоциируют себя с отцом больше, чем с матерью (прил. 17).

Ценностно-нормативный аспект культуры раскрывается в её формирующем воздействии на человека. Жизненные цели, ориентирующие смыслы, взгляды, духовные потребности членов этноса, нации, общества и любой входящей в него социальной группы формируются в процессе освоения культуры как исторически сложившейся системы ценностей. Вместе с тем, социальная дифференцированность культуры оказывает весьма значительное влияние на содержательную интерпретацию ценностей. Каждая группа в социальной структуре общества обладает специфичным именно для нее инструментом социокультурной интерпретации ценностей культуры – групповым ценностным сознанием. В связи с этим исследование ценностных ориентаций групповой идеологии, выражающее предпочтения группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей является необходимым для анализа субкультур.

Исследование проводилось среди представителей субкультур города Владивостока: «байкеры», «готы», «эмо» – по 30 человек каждая группа (экспериментальная), а также была сформирована контрольная группа (30 человек) из студентов вуза (ВГУЭС), которые не причисляют себя ни к какой

субкультуре. Критерии выборки: мужской пол, возраст – от 18–28 лет. Использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Результаты исследования показали, что по показателям группового ранга наиболее значимыми для экспериментальной выборки («байкеров») (прил.18) являются ценности: «свобода», «здоровье», «уверенность в себе», «любовь», «наличие хороших и верных друзей», «ответственность», «независимость», «честность», «образованность», «самоконтроль», «жизнерадостность», а наименее значимые ценности: «удовольствия», «счастье других», «общественное признание», «творчество», «красота природы и искусства», «высокие запросы», «чуткость», «терпимость». Ценность «свобода», как наиболее значимую, отметили 26 представителей субкультуры байкеров, что в 4,33 раза больше показателя контрольной выборки равному 6. В тоже время для контрольной выборки наиболее значимые ценности – «любовь», «счастливая семейная жизнь», «уверенность в себе», «материально обеспеченная жизнь», «интересная работа», «независимость», «смелость в отстаивании своего мнения», «ответственность», «честность», «жизнерадостность». Наименее значимые ценности: «творчество», «счастье других», «общественное признание», «красота природы и искусства», «высокие запросы», «широта взглядов», «чуткость». Данные исследования по субкультуре «готы» показывают небольшие расхождения в ранжировании значимости по терминальным и инструментальным ценностям. Так для субкультуры «готов» наиболее значимыми являются следующие: «свобода», «творчество», «познание», «активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)». Наименее значимые ценности «развитие», «счастье других», «красота природы и искусства», «общественное признание». У членов группы «эмо» ценности распределились следующим образом: «любовь» отметили большинство членов группы, «красота природы и искусства», «творчество», «удовольствия», «терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения», «чуткость». В то же

время необходимо отметить ценности, которые для всех представителей субкультур «байкеров», «готов», «эмо» отмечены как важные и значимые: «честность», «свобода». «творчество» для субкультур «готы», «эмо», а для членов субкультуры «байкеры» – это «свобода».

2.3 Анализ специфики знаково-символических проявлений татуировки молодежных субкультур г. Владивостока

Для анализа специфики знаково-символических проявлений татуировки, используемой представителями молодежных субкультур города Владивостока, был проведен опрос 800 респондентов, имеющих татуировки, из них 136 человек – представители молодежных субкультур. Анкета представлена в приложении 19, также использовалось наблюдение и интервьюирование.

Прежде чем мы приступим к анализу специфики знаково-символических проявлений татуировки, используемой представителями определенных молодежных субкультур города Владивостока, рассмотрим востребованность тату-услуг в городе.

Нами был исследован рынок тату-услуг, который показал следующее: в современной молодежной среде города Владивостока выявляется активизация в использовании татуировок. Это подтверждается открытием многочисленных «тату-салонов», в которых практикуются разные виды и стили нанесения рисунков, сохранившихся с древних времен. В г. Владивостоке на потребление тату-услуг при посещении салонов в год тратится примерно 200 тыс. долл., и рынок этот продолжает расти [143:3.]. Сейчас, по мнению маркетологов, Владивостокский рынок тату-услуг растет быстрыми темпами. «В целом легальный рынок тату-услуг, в настоящее время составляет более 120 тыс. долл. в месяц. При этом конкуренции на рынке практически не чувствуется: битвы за клиента как таковой нет, хотя и профессиональными секретами мастера между собой не делятся», – рассказал в своём интервью старший мастер «Тату-плюс» Александр Шарави.

В результате проведения маркетингового исследования методами наблюдения, анализа рекламных объявлений, изучения литературы, специализированной печати, интернет - ресурсов установлено, что в городе Владивостоке 68 тату-салонов и салонов красоты, различного класса и уровня обслуживания, оказывающих тату-услуги. В приложении 20 приведены некоторые наиболее известные салоны всех районов города. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство салонов сосредоточено в центральных районах города: Фрунзенском, Ленинском и Советском. Несомненными лидерами предоставления тату-услуг являются такие салоны, как: «Тату-плюс», «Четыре сезона», «Персона Гранд», «Баунти». Данные анкетирования показали (прил., рис.), что 38% респондентов обращают внимание на качество услуги в сочетании с приемлемой цены, 23% отметили значение для них высокого качества, прежде всего, ценой для них роли не играет. 12% опрошиваемых подчеркнули необходимость невысокой стоимости при выборе салона тату-услуг (прил., рис.).

По нашим данным, в последнее время выбор клиентов все больше склоняется в пользу легальных студий и салонов, хотя и у неофициальных мастеров достаточно работы. На владивостокском рынке тату-услуг действуют около 70 мастеров татуирования, сотрудничающих с салонами красоты и парикмахерскими, и до десятка студий, предоставляющих клиентам кроме татуировки также услуги пирсинга, скарификации и перманентного макияжа.

Что касается клиентской аудитории, то, как ни странно, мужчин и женщин среди желающих украсить свое тело примерно равное количество. В основном это молодежь от 20 до 30 лет, причем большинство опрошиваемых респондентов (60%) впервые сделали татуировку именно в этом возрасте. 37% молодых людей сделали татуировку в возрасте до 20 лет, 3%, после 31 года (прил.21 рис.2).

На вопрос о возможности повторного нанесения татуировки мнения

респондентов разделились следующим образом: 50% ответили, что не знают, 43% утверждают, что будут наносить повторно татуировку и только 7% сказали, что не будут этого делать (прил., рис.).

На вопрос о причине выбора стиля своего рисунка 23% респондентов отметили важность модности рисунка; 17% – в связи с принадлежностью к определенной субкультуре, 3% – в связи с пребыванием в армии. 50% респондентов, сделавших татуировку отметили причину не связанную с субкультурами, как символ защиты, или же в память о человеке или важном для него событии.

40% респондентов подчеркнули, что знают символику татуировки от друзей и единомышленников; 17% – от мастера, 26% – из литературных источников, и 17% респондентов признались, что не знают значения своей татуировки (прил.22, рис.2).

Анализ символики опрошенных показал, что респонденты, не относящие себя ни к одной из молодежных субкультур, предпочитают следующие стили: японский выбрали 50%. Он характеризуется морской тематикой (карпы, драконы, самураи, иероглифы) (прил.23). Причем, японская татуировка чаще всего, плотно покрывает торс, оставляя незаполненным пространство по центру груди и живота. В верхней части она достигает локтей, заполняя предплечья, в нижней – заканчивается на бедрах. Принципам композиции, сформировавшимся еще в середине XIX столетия, японцы следуют и ныне. Данной символике присущи:

- асимметрия, в отличие от тщательной симметрии классической татуировки «маори» в Новой Зеландии;
- введение множества мелких мотивов, которые иногда оплетают основные мотивы и плотно заполняют поверхность фрагмента тела;
- фигуративный характер ведущих мотивов;
- обведение большинства мотивов отчетливо вырисованным декоративным контуром; старые мастера считали кромки композиции наиболее ценными местами и оттеняли их, чтобы сделать похожими на

композиции «укийо-е»;

- заполнение поверхности мотивов красками интенсивной насыщенности, контрастирующих друг с другом;

- использование своеобразных для татуировки средств выражения, на которые подтолкнула природа. Например, чтобы придать картине на теле визуальный эффект, подчеркивающий движения, использовались знания расположения мышц. Мышцы во время их напряжения и расслабления как бы придавали всей композиции движение, делая ее очень экспрессивной. Грудные соски и пупок использовались не для подчеркивания юмористических акцентов в рисунках, что было очень популярно в европейской татуировке у преступников, а как необходимые элементы мотивов, например, в качестве глаза дракона или же центра цветка; динамичная трактовка некоторых композиций (например единоборства самураев) и в то же время статичная трактовка других (например фигур, плененных обаянием гейш); заполнение пустующих мест в композиции геометрическим орнаментом могли быть отрывками из буддистских текстов.

Тематика японской татуировки изобилует разнообразными мотивами, которые можно разделить на четыре группы: флора, фауна, религиозные и мифологические мотивы. Среди представленных растительных мотивов есть свои символы: так символом настойчивости и решительности, является - хризантема, пион – символ богатства и успеха в жизни; цветок сакуры в восточной философии символизирует быстротечность жизни, а лист клена несет в себе ассоциации подобные красной розе в европейской татуировке.

К наиболее популярным представителям животного мира используемых в изображениях татуировки следует отнести:

- дракона, символизирующего власть и силу, и одновременно объединяющий огонь и воду, как символ единства и борьбы противоположностей;

- карпа, символизирующего мужество, отвагу и позу стоика;

- тигра – символ бесстрашия [43:234].

Кельтский стиль в татуировке предпочитают 10% опрошенных респондентов. Несмотря на огромное количество дошедших до нашего времени татуировок данной этнической группы, происхождение многих сюжетов и мотивов (что показало и наше исследование) представляет собой загадку. Кельтские татуировки резко выделяются среди прочих видов татуировок особыми элементами орнамента и неповторимыми природными («растительными» и «звериными») мотивами. Кельтский стиль в разное время подвергался большому влиянию различных культур и видоизменялся. Изначально он состоял только из растительных мотивов: хитросплетенных веточек, листочков и цветов. Позже в него были включены животные, причем настолько гармонично, что стали неотъемлемой его частью. Так называемая «плетенка» была известна на всей территории Евразии с древних времен, но в настоящее время эти все особенные переплетения узлов и линий называют кельтским (прил.24).

Современный славянский этнический стиль, как и скифский, не применяется активно, так как находится в стадии формирования. Его основа – славянские ромбовидные узоры – знакомы по вышивке: кресты, точки. Сюда же относят зачастую и зарождающийся «русский стиль», включающий в себя ещё и мотивы народных сказок, былин, скифские мотивы. Этот стиль предпочитают 10% всех опрошенных (прил.25).

Кибернетический стиль (зачастую называемый биомеханикой, предполагающий совмещение живой плоти и механизмов), зародившийся в конце XX века используют 7% опрошенных респондентов. Прародителем данного стиля считают художника-фантаста Ханса Гигера, разработавшего персонажей для современных футуристических фильмов. Этот стиль предполагает соединение символов живого, естественного с неживым, искусственным, а также с внеземными (фантастическими) существами либо их фрагментами. Также он включает стилизованные орнаменты (прил.26).

Статистика использования цвета в татуировке выглядит следующим образом: большинство из 800 респондентов отдают предпочтение черному

цвету – 78%, зеленый используют – 4%, красный – 5%, фиолетовый – 2%, белый – 3 %, синий – 4%, коричневый – 3% и наименьшее количество респондентов используют розовый – 1%. Возможно это связано с тем, что каждый цвет влияет на психофизиологическое состояние человека в целом, вызывает определенные ассоциации на уровне подсознания, что отражается на его использовании. Так, например черный цвет обладает парадоксальными свойствами: вызывает чувство защищенности, символизирует изящество и в тоже время определяет стресс, тревожность, страх, огорчение. В приложении 27 предложены основные психофизиологические характеристики цветов и вызываемые ими ассоциации [16, 177].

Поскольку тату это идеографический способ фиксации маркирования (наряду с пирсингом, скарификацией, росписью по телу), культура указывает наиболее значимые для неё аспекты телесности (голова, руки, тело, гениталии). После опроса 800 респондентов, имеющих татуировку, необходимо отметить следующее: рисунок на руке имеют 36%, на плече – 7%, на пояснице – 29%, на животе – 21%, на других частях тела (лодыжки, бедро, пальцы, в интимных местах) – 7%. На вопрос: «Почему именно там?» 36% ответили «чтобы было видно», «чтобы не было видно» – 7%, «модно» – 29%, другая причина – 28%.

Татуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности, используемых представителями молодежных субкультур г. Владивостока, анализировалась на представителях следующих субкультур: «готы», «эмо-киды», «байкеры», «аниме».

Субкультурное сообщество «готов» в г. Владивостоке – активные участники рок фестивалей (ДеграDANCE). Символика татуировок у владивостокских «готов» представлена двумя направлениями: готическая татуировка в стиле фэнтази – драконы, феи и т.д., имеющая определенную цветовую гамму и изображение готических тайных символов: кельтские кресты, египетский - «анкх», коты, летучие мыши и т.д. (прил.28). Готическая субкультура замкнута на саму себя. Их сюжеты и рисунки

практически мало отличаются от распространенных в целом в этой субкультуре: гробы, кресты, летучие мыши. По словам представителей этой субкультуры, владивостокские «готы» значительно чаще используют фантазийные изображения, чем представители этой субкультуры в европейской части страны. У представителей владивостокской готической субкультуры встречаются так называемые тайные татуировки. Эти изображения связаны с белым колдовством, также известны как «Wicca», «Руны», «Таро» и другое волшебное ремесло (прил.28А-В). Изображения в виде «магическая фигура» (пятиконечная звезда), «athame» (обоюдоострое лезвие, используемое для белого колдовства) и изображения, связанные с этими четырьмя элементами (огонь, вода, земля, воздух), попадают под категорию «Wicca» (прил.28). В целом члены этой субкультуры в татуировках отражают не столько личные интересы, сколько принадлежность к своей группе.

Группа «эмо-киды», как уже отмечалось, увлекаются разноцветными татуировками. Это могут быть синие, желтые, красные и серые тона, но возможен черный цвет, с помощью которого наносятся значимые выражения, цитаты или стихи. Следует подчеркнуть, что владивостокские «эмо-киды» не очень увлекаются расписыванием больших площадей тела. Это, скорее локальные рисунки, выражающие фантазийный уровень представителя данной культуры. Поскольку «эмо-киды» претендуют на высокий интеллектуальный потенциал, то их изображения всегда эмоционально окрашены, изящны и красивы. «Эмо-киды» представлены в городе молодежью, преимущественно носящей одежду черных цветов в сочетании с розовым (прил.29-29А). Изображения связаны с личными переживаниями представителя этой субкультуры и выглядят, например, как строчка из любимого стихотворения и пр.

К «байкерскому» стилю можно отнести любой вид татуировки, имеющейся на теле байкеров. Многое зависит от личных вкусов байкера. Анализ татуировок владивостокских байкеров показывает, что они часто

используют стили трайбал, традицион, реализм. В них часто фигурируют мотоциклетные «Харли-Дэвидсоны». Присутствуют цвета клуба, отличительные символы. Не менее популярным является и изображение черепа с костями как защитного амулета. Известно, что байкеры попадают в автокатастрофы, и для того, чтобы символически защититься, изображают этот символ смерти. Что касается байкеров, то, с одной стороны, у каждой группы есть обязательные элементы тату в их одежде, нашивках и нательных татуировках, и вместе с тем, несомненно, личностное отношение к выбору необязательных символов. Единственное, что их объединяет агрессивная направленность сюжетов и изображений, таких, как скорпионы, змеи, тигры, драконы, рыцари и черепа (прил.30, 30А, 30В).

Наиболее тематически выраженные татуировки субкультуры «аниме». Их сюжеты и рисунки тесно связаны с персонажами тех фильмов, которые им больше всего импонируют. В этом они ни чем не отличаются от представителей субкультуры других городов. Это может быть отдельный персонаж или сценка, иероглифы и т.д. (прил.31, 31А, 31В).

Таким образом, исследуя татуировки субкультурных объединений г. Владивостока, выяснено, что при сопоставлении мотивов местных представителей разных групп с описанными в первой главе данной работы обнаруживается следующее.

- Общая характеристика рисунков и сюжетов, татуированных у всех групп в основном совпадают. Они связаны с большей или меньшей агрессивностью группы, стремлением к противопоставлению по отношению к внешней среде. Это могут быть агрессивные, вызывающие неприятие сюжеты основного общества, воинственные надписи, смешение множества отдельных элементов, обусловленных смелостью и фантазией представителей субкультур, например «панков», «реперов», «металлистов» и др. Кроме того, татуировка является визитной карточкой носителя и это должен быть знак, который бы подчеркивал его уникальность, принадлежность к группе.

- Проведенный опрос среди молодежи показал, что по использованной символике в татуировке приверженцев той или иной субкультуры в городе различают 74% респондентов. С помощью анкетирования (прил. 32) были определены, современные функции татуировки такие как: функция самовыражения, общения, приобретения уверенности, объединения со значимой группой молодежи, демонстрации вовне своих ценностных установок и т.д. Для представителей молодежи, носящей татуировки, но не причисляющей себя к определенной субкультуре основной функцией татуировки является «эстетическая».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ татуировки как формы репрезентации социокультурных кодов визуальности на материалах исследования молодежных субкультур города Владивостока показал следующее.

Во все времена тело человека было центром социализации, социум создает определенное пространство в центре которого, находится тело, на его поверхности с древнейших времен пишется социальная память. Сначала род регулировал телесные проявления своих членов, запрещая их или разрешая. Техники такого рода включали многообразные способы прямого письма на теле, которое служило знаком, имеющим различные свойства, приобретая в дальнейшем ритуальное и магическое значение, и предназначалось для фиксации различных регламентирующих стандартов поведения (инициация, вступление в брак, похороны и др.); демонстрации принадлежности к определенному полу, возрасту, статусу, группе. Значимой исторической функцией татуировки была демонстрация статусности человека, так например, в античном обществе таким образом «клеймили» рабов и пленных, а у скифов татуировки наносили вождям. Кроме того, показано, что татуировка может включать мифологическое содержание и образы

коллективного бессознательного. Отмечена двойственная функция татуировки: с одной стороны, ее влияние на окружение человека, с другой – на самого носителя, способствуя обретению им групповой идентичности. Процесс групповой идентификации может быпредставлен тремя периодами, символически определяемыми вопросами: «Ты чей?», «Под чьей защитой ты находишься?», «С чем или кем ты себя соотносишь?».

Исследованный материал позволил прийти к выводу, что татуировка, сохраняя исторически сложившиеся функции «социального письма» индивида обществу, «защитные», «магические», приобретает в современной культуре ряд других: «эстетическую» функцию, «самовыражения», «демонстрация во вне своих ценностных установок». Современность заключила молодого человека в ловушку навязанных стандартов. Он находится между жерновами природных инстинктов и цивилизационными достижениями. Формы, которые тело получает в движении и покое, выражают социальное давление самым разным способом, то, что люди вкладывают в понятия «невыносимые» усилия, «непереносимая» боль, «безграничное» удовольствие – все это является параметрами не столько индивидуальными, сколько санкционированными коллективным одобрением или неодобрением. Основной проблемой молодежи является кризис идентичности, что и приводит к появлению субкультур. Сейчас обретение идентичности зачастую становится поиском без четкого понимания, что и где следует искать, но с ясным ощущением необходимости найти. Этот процесс часто усугубляется тем обстоятельством, что значительная часть подростков имеет с детских лет неудовлетворенные социальные потребности и именно в субкультурах они ищут возможности их компенсировать. Отсюда и появление татуировки как знаковой формы внешнего представления тела, формой репрезентации принадлежности индивида к определенной субкультуре. Она является способом демонстрации молодежью своего отношения к внешнему миру, средством коммуникации и репрезентации социокультурной идентичности личности.

Установлено, что в современной российской культуре молодежь находится в состоянии кризиса идентичности, и татуировка – продуктивный способ её приобретения. Телесность молодежи является социокультурным информационным кодом, демонстрирующим стремление молодежи, объединенной в субкультуры, к приобретению групповой идентичности, преодолению кризиса самоидентичности. Выявлено, что татуировки описанных молодежных групп представляют собой сложное явление. Они содержат определенную символику внутри каждой субкультуры, стилистическую направленность и подчинение сюжетов идейным направлениям группировок. Другая характерная особенность – в рассмотренных группах молодежи отсутствуют строгие правила в отношении преимущества какой-либо части тела для размещения татуировок.

Установлена специфика формирования субкультур и татуировки, используемой в городе Владивостоке. Расположение города Владивостока на «границе» с такими странами, как Китай, Япония, Корея, определяет состояние «пограничья», и напрямую связанные с ним межкультурные взаимодействия, обуславливают специфику формирования и развития молодежных субкультур. На границе происходят биполярные процессы – смыкание двух миров и их разграничение, отсюда возникновение субкультур, для которых пограничье является начальной стадией их развития и семиотической зоной, в рамках влияния которой они формируются, например субкультура «аниме».

Обращение к архаическим пластам культуры, вокруг которых концентрируются процессы самоопределения личности, показывает насущность этой проблемы для молодежи, что выливается в организацию субкультур. В свою очередь пространство субкультур обрастает ритуалами, которые объединяет форма игры. Она становится для молодежи наиболее притягательным видом пространства саморефлексии. Феномен игры позволяет молодым людям имитировать рефлексивность, одновременно удовлетворяя потребность в самооценке, не выходя за рамки социального

одобрения форм поведения.

Татуировка может рассматриваться как одно из древнейших, универсальных знаковых средств человека, актуализированных и занимающих определенное место в современном молодежном сообществе как культурное явление, содержащее сакральный смысл. Татуировка – это активный символ, смыслопорождающий культурный феномен, способный не только продемонстрировать, но и сохранить в культурной памяти и транслировать в чувственно-воспринимаемой форме идеи, идеалы и ценности культуры.

Молодежь в ситуации переизбытка информации, культурных преобразований, изменения смысложизненных ориентиров прибегает к исторически испытанным кодам репрезентации своей самоидентичности. При этом символика татуировок выступает, с одной стороны как средство приверженности традициям, сохранения сакральных смыслов культуры, а с другой, - как «социальное письмо» своему окружению, содержащее информационный код, выражающий проявление отношения индивида к внешнему миру, его принадлежность к определенной субкультуре, проявлениям ее групповой идентичности.

Следует отметить, что наше исследование продемонстрировало приверженность к украшательству своего тела не только представителей субкультур, но и активизацию этого способа социокультурной презентации у молодежи, не входящей в субкультурные объединения. В этой связи, диссертационное исследование открывает перспективы для дальнейших культурологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Васкевич, П.Г. Очерк быта японцев в Приамурском крае / П.Г. Васкевич // Известия Восточного института. Владивосток. – 1905-1906 acad. год. – Т. 15. Вып. 1.– 25 с.
2. Венюков, М.И. Россия и Восток: Собрание географических и политических ст. / М.И. Венюков.– СПб: Тип. В. Безобразова и К°, 1877. – 297 с.
3. Гельвальд, Ф. фон. Земля и ее народы : в 4 т. Т.IV Живописная Африка, Австралия с Океанией и Полярные страны : пер. с последнего нем. изд. / Ф. фон Гельвальд; под ред. Ф. Груздева. - СПб : Сойкин П.П., 1899.–253 с.
4. Гондатти, Н.Л. Оседлое население реки Анадырь / Н. Гондатти // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества. Т.IV. вт. IV.– Хабаровск, 1898. – 93 с.
5. Леббок, Дж. Начало цивилизации. Первобытное состояние человека. Умственное и общественное состояние дикарей: пер. с англ. / Дж. Леббок. – Репр. воспр. изд. 1896 г. кн. магазина М.М. Ледерле.– М.: Либроком, 2011.–384с.
6. Липперт, Ю. История культуры / Ю. Липперт: пер.с нем. А. Острогорского и П. Струве. – Л.: Прибой, 1925.– 264 с. 5

7. Миддендорф, А. Ф. Коренные жители Сибири: (с шестью таблицами) / А.Ф. Миддендорф // Путешествие на Север и Восток Сибири: в 2 ч. Ч. II: Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении – СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1878.– 750 с.

8. Миклухо-Маклай, Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. III. Часть 1. Статьи по антропологии и этнографии / Н. Миклухо-Маклай. – М.: Наука, 1993. – 559 с.

9. Пилсудский, Б.О. Нужды и потребности сахалинских гиляков / Б.О. Пилсудский // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества Т. IV вт. IV.– Хабаровск, 1898.– 93 с.

10. Ратцель, Ф. Народоведение: в 2 т. Т. 1 / Ф. Ратцель; пер. с нем. Д.А. Коропчевского. - СПб.: Просвещение, 1904.– 764 с.

11. Шнейдер, Е.Р. Искусство туземных племен ДВК / Е.Р. Шнейдер // Редакция Дальневосточной краевой энциклопедии г. Хабаровск. ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д.43. л. 177.

12. Шренк, Л. Об инородцах Амурского края: в 3 т. Т.1: Части географическо-историческая и антропо-этнологическая / Л. Шренк. – СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1883.– 372 с.

13. Штернберг, Л.Я. Гиляки / Л. Я. Штернберг.– М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1905. – 131 с.

14. Штернберг, Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / Л.Я. Штернберг. – Л., 1936.– 592 с.

Литература

15. Аверинцев, С.С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра / С.С. Аверинцев.– М.: Наука, 1973.– 278 с.

16. Алиева, Н.З. Физика цвета и психология зрительного восприятия: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.З. Алиева. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. –208 с., с цв. ил.

17. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001.– 288 с.– (Мастера психологии).
18. Ахиезер, А.С. Город – фокус урбанизационного процесса / А.С. Ахиезер // Город как социокультурное явление исторического процесса.– М.: Наука, 1995.– С. 27.
19. Белик, А.А. Историко-теоретические проблемы психологической антропологии / А.А. Белик. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. – 420 с.
20. Бодалев, А.А. Психология общения: избр. психол. труды / А.А. Бодалев. – 2-е изд.– М.: МОДЭК; МПСИ, 2002. – 256 с.
21. Быховская, И.М. «Номо somatikos»: аксиология человеческого тела / И.М. Быховская. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 208 с.
22. Виноградов, В.Н. Социальное проектирование становления и развития гражданского сообщества: создание стратегического плана района, города, региона / В.Н. Виноградов, О.В. Эрлих.– СПб.: Леонтьевский центр, 2000.– 120 с.
23. Владивосток. Штрихи к портрету / [авт. кол: Б. Августовский и др.]. – Владивосток. ДВ кн. изд-во., 1985. – 304 с.
24. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский.– Минск: Современное Слово, 1998. – 480 с.
25. Гадамер, Г. Актуальность прекрасного: сб.: пер. с нем. / Г. Гадамер - М.: Искусство, 1991. – 342 с.
26. Гацкова, Е. И. Молодежь и современность / Е.И. Гацкова.– М. Инфра-М, 2001.– 187 с.
27. Генисаретский, О.И. Культурно-антропологическая перспектива / О.И. Генисаретский // Иное: хрестоматия нового российского самосознания / ред.-сост. С.Б. Чернышев – М.: Аргус, 1995. – С. 55-74.
28. Глазычев, В.Л. Город без границ / В.Л. Глазычев. – М.: Территория будущего, 2011.– 400 с.
29. Дридзе, Т.М. Язык и социальная психология / Т.М. Дридзе.– Изд.2-е, доп. – М.: Либроком, 2009.– 240 с.

30. Дубягина, О.П. Культ Тату: криминальная и художественная татуировка / О.П. Дубягина, Ю.П. Дубягин, Г.Ф. Смирнов. – М.: Юриспруденция, 2003. – 240 с.
31. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана.– М.: Канон, 1995.– 352 с.– (История социологии в памятниках).
32. Егоров, Р. И. Дао татуировки / Р.И. Егоров.- М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 68 с.
33. Ельски, А. Татуировка / А.Ельски; пер.с пол. Д.А.Подберезского. –Минск: МЕТ, 1997. – 231 с.
34. Запесоцкий, А.С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции / А.С. Запесоцкий.– СПб.: ИГУП, 1996.–348 с.
35. Затулий, А.И. Костюм рубежа третьего тысячелетия: семиотика, ассоциации, психоанализ / А.И. Затулий. – Владивосток, Дальнаука, 2005.– 213 с.
36. Заярная, О. Г. Металлисты / О.Г. Заярная // По неписанным законам улицы: сб. – Ярославль: Юридическая лит., 1989 – С. 121-147.
37. Ильин, В.И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. Социальная структуризация повседневности общества потребления / В.И. Ильин. – СПб: Интерсоцис, 2007. – 388 с.
38. Ильинский, И.М. Образование, молодежь, человек : статьи, интервью, выступления / И.М. Ильинский. – Москва : Изд-во Моск. Гуманитар. ун-та, 2006. – 560 с.
39. История культуры Дальнего Востока России XVII-XX веков: учебное пособие / [И. Г. Стрюченко, Н. В. Кочешков, В. Я. Гирийчук и др.]. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1998. – 300 с.
40. Йингер, М. Социологический взгляд на религию: пер. с англ. / М. Йингер // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Наука, 1994.– С. 365-402.

41. Кандыба, В.Н. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока (1858-1938) / В.Н. Кандыба.– Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1985.– 175 с.
42. Карабанова, С.Ф. От маски к имиджу: монография / С.Ф. Карабанова, Л.А. Мельникова.– Владивосток: Дальнаука, 2009.– 164 с.
43. Кваша, Г. С. Найди себя по знаку / Г.С. Кваша.– М.: Центрполиграф, 2004. – 574 с.
44. Козлов, В. Реальная культура: от Альтернативы до Эмо / В. Козлов.– СПб: Амфора, 2009. – 352 с.
45. Кон, И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. –М.: Политиздат, 1984.– 212 с.
46. Косарецкая, С.В. О неформальных объединениях молодежи. / С.В. Косарецкая, Н.Ю. Синягина. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 158 с.
47. Кравчек, Д.И. Кто такие эмо и готы. Как родителям понять, куда «вляпался» их ребенок / Д.И. Кравчек.– СПб.: Сова, 2010.– 223 с.
48. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: языки тела и естественные языки / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.
49. Круткин, В.А. Онтология человеческой телесности (философские очерки) / В.А. Круткин. – Ижевск: Изд-во УГУ, 1993. – 130 с.
50. Кулагина, Н. В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания / Н. В. Кулагина. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. – 80 с.
51. Культурология: учебник / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П.Большакова. – М: Проспект, 2011. – 528 с.
52. Леви-Стросс, К. Путь масок / К. Леви-Стросс; пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. – М.: Республика, 2000. – 399 с.– (Мыслители XX века).
53. Леви-Стросс, К. Структурная антропология: пер. с фр./ К. Леви-Стросс. – М.: Наука, 1985. –326 с.

54. Левикова, С.И. Молодежная субкультура / С.И. Левикова. – М.: ФАИР – ПРЕСС, 2004. – 608 с.
55. Левикова С.И. Неформальная молодежная субкультура / С.И. Левикова. – М.: Вузовская книга, 2010. – 615 с.
56. Либин, А.В. Психологические особенности предпочтения человеком геометрических форм / А.В. Либин, В.В. Либин // Графические знаки: проблемы, исследования, разработки, стандартизации. – Киев, 1988, – С.32-36.
57. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер.с англ. В.Г.Глазычева, под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328с.
58. Лисовский, В.Т. Молодежь о себе, о своих сверстниках / В.Т. Лисовский, С.Н. Иконникова. – Л., 1969. – 287 с.
59. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М.: МЫСЛЬ, 1993. – 962 с.
60. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб: Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.
61. Луков, В.А. Молодежные субкультурные феномены в России / В. А. Луков // Социологический сборник. Вып. 7 / Ин-т молодежи ; под общ. ред. В. А. Лукова. – М.: Социум, 2000. – С. 62-83.
62. Ломаев, С. На свалке субкультур / С. Ломаев // Октябрь.– 2010.– №6.– С. 134-141.
63. Маргеттс, Б. Боди-арт: пер. с англ. / Б. Маргеттс. – М.: Из-во АСТ. 2000. – 65 с.
64. Медникова, М.Б. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник / М.Б. Медникова. – М.: Языки славянской культуры, 2007.– 216 с.
65. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 368 с.
66. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. / Р. Мертон. – М.: АСТ, 2006. – 880 с.

67. Михайлова, Л.И. Социология культуры: учеб. пособие / Л.И.Михайлова. – 4-е изд., доп. – М.: Дашков и К, 2008. – 396 с.
68. Молодежный экстремизм / под ред. А.А. Козлова.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.– 144 с.
69. Мухина, В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В.С. Мухина. – 6-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2000. – 456 с.
70. Мясищев, В. Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев. – М.: МПСИ, 2011. – 400 с.
71. Никитин, В.Н. Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд / В.Н. Никитин. – М.: Когито-Центр, 2006. – 320 с.
72. Никитин, В.Н. Психология телесного сознания / В.Н. Никитин. – М.: Алетейя, 1998. – 480 с.
73. Никитин, В.Н. Энциклопедия тела: психология, психотерапия, педагогика, театр, танец, спорт, менеджмент / В.Н. Никитин. – М.: Алетейя. 2000. – 624 с.
74. Ниренберг, Дж. Прочтите человека как открытую книгу: пер. с англ. / Дж. Ниренберг, Г. Калеро. – М.: Попурри, 2008. – 528 с.
75. Окладников, А.П. Далекое прошлое Приморья / А.П. Окладников. – Владивосток: Дальневосточное кн.изд-во, 1959. – 367 с.
76. Орлова, Э.А. Современная городская культура и человек / Э.А. Орлова; отв. ред. А. И. Арнольдов. – М.: Наука, 1987.– 192 с.
77. Павшук, Е.Б. Искусство боди-арта / Е.Б. Павшук. – М.: Астрель, 2002. – 125 с.
78. Панферов, В.Н. Внешность и личность / В.Н. Панферов // Социальная психология личности. – Л., Знание, 1974. – С.106-113.
79. Парсонс, Т.О структуре социального действия / Т. Парсонс; пер. с англ. под общ. ред.В.А. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

80. Петраш, Е.А. Синдром дефицита внимания и гиперактивности у детей / Е.А. Петраш, В. Никишина. – М.: Речь, 2012. – 192 с.
81. Петрова Е.Н. Знаки общения / Е.Н. Петрова. – М.: ГНОМ и Д, 2001. –254 с.
82. Писаревская, Д.Б. Субкультура ролевых игр в современном обществе / Д.Б. Писаревская. – М.- Издательство ИЭА РАН, 2011. – 271 с.
83. Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров: сб. ст. / сост. К. В. Чистов. – М.: Звенья, 1998. – 208 с.
84. Провоторов, Г.В. Зоопсихология телесного сознания / Г.В. Провоторов. – М.: Дашков и К, 2004. – 267 с.
85. Психотехнологии в социальной работе: сб. ст. Вып.5. / Под ред. В.В.Козлова.– Ярославль: ЯрГУ, 2000 – 275 с.
86. Рикёр, П. Герменевтика. Этика. Политика: пер. с фр. / П. Рикер // Московские лекции и интервью. – М.: Academia, 1995. – С. 3-18.
87. Розин, В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир / В.М. Розин. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 224 с.
88. Рычкова, Ю. В. Стильные тату от А до Я: Искусство удивлять, соблазнять, шокировать / Ю.В. Рычкова. – М.: РИПОЛ классик, 2005. –192 с.
89. Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти. Общие работы по социологии / Р. Салецл. – М.: Художественный журнал,1999. – 208 с.
90. Саркитов, Н.Д. Рок-музыка: Сущность, история, проблемы. (Краткий очерк социальной истории отечественной рок-музыки) / Н.Д. Саркитов, Ю.В. Божко. – М.: Знание. 1989. – 64 с.
91. Сайко, Э.В. Методологические аспекты стадияльного подхода. К изучению цивилизации как явления всемирно-исторического процесса / Э.В. Сайко// Цивилизации. Вып. 2. – М.: Наука, 1993 – С. 107.
92. Силюнас, В. Фабрика кошмаров (о фильмах насилия и жестокости) / В. Силюнас // Искусство и массы в современном буржуазном обществе: сб. ст.– 2-е изд., доп. / ред.-сост. Д. Житомирский. – М.: Сов. композитор, 1989. – С.4-68.

93. Смелзер, Н. Социология: пер. с англ. / Н. Смелзер; науч. ред. изд. на рус. яз. В.А. Ядов. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 688с.
94. Собчик, Л.Н. Метод цветowych выборов – модификация восьмицветового теста Люшера: практ. руководство / Л.Н. Собчик.– СПб.: Речь, 2007.– 128 с.
95. Современный городской фольклор: сб. науч. ст.– М.: РГГУ, 2003. – 736 с.
96. Спеваковский, А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе) / А.Б. Спеваковский. – М.: Наука, 1988.– 204 с.
97. Стил, В. Готика. Мрачный гламур / В. Стил, Дж. Парк; пер. с англ. К. Щербино. – М.: Новое лит. обозрение, 2011. – 192 с.
98. Сурина, М.О. Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре / М.О. Сурина. – 2-е изд., с изм. и доп. – М.; Ростов н/Д: МарТ, 2005. – 152 с.
99. Сушков, И.Р. Психология взаимоотношений / И.Р. Сушков.- М.: Акад. Проект, 1999. –448 с.
100. Флиер, А. Я. Культурология 20–11: автор. сб. эссе и ст. / А.Я. Флиер; Моск. культурол. о-во, Школа культур. моделирования. – М.: Согласие, 2011. –560 с.
101. Харчев, А.Г. Современная семья и её проблемы: социально-демограф. исслед. / А. Г. Харчев, М. С. Мацковский. – М., 1997. – 564 с.
102. Холл, Г.С. Энергетическое мошенничество / Г.С. Холл; пер. с англ. В.Н. Павлова – М.: Прогресс, 1984. – 314 с.
103. Холодилова, Е.В. Экология культуры: наука и метафора времени / Е.В. Холодилова // Культура: традиция и современность: сб. науч. тр. – Хабаровск, 1997.– С.68-72.
104. Цивилизация: Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса: сб. ст. / [Э.В.Сайко,А.И.Некlessа,И.Г.Яковенко и др.]; отв.ред.Э.В.Сайко. – М. : Наука, 2003 . – 453 с.

105. Человек и его символы / К. Г. Юнг, М.-Л. фон Франц, Д. Хендерсон и др. ; под ред. К. Г. Юнга ; пер. с англ. под ред. В. Зеленского. – СПб. Б.С.К., 1996. – 454 с.
106. Численность населения Приморского края: стат. сборник / [редкол.: В. Ф. Шаповалов (пред.) и др.] ; Федерал. служба гос. статистики по Прим. краю (Приморскстат). - Владивосток : Приморскстат, 2013. - 58 с.
107. Чупров, В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок ; РАН, Ин-т соц.-полит. исслед. – М., 2000. – 115 с.
108. Шабага, А.В. Исторический субъект в поисках своего Я / А.В. Шабага.– М.: Изд-во РУДН, 2009. – 524 с.
109. Шафранов-Куцев, Г.Ф. Социология. Курс лекций: учеб. пособие / Г.Ф. Шафранов-Куцев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2012. – 368 с.
110. Щепанская, Т.Б. Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического наблюдения системы. 1986-1989: монография / Т.Б. Щепанская. – СПб, Наука, 1993.– 312 с.
111. Щепанская, Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т.Б. Щепанская. – М.: ОГИ, 2004.– 286 с.
112. Щепанская, Т.Б. Традиции городских субкультур / Т.Б. Щепанская // Современный городской фольклор: сб. ст.– М.: РГГУ, 2003. – С. 523-547.
113. Эльконин, Д.Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин. – 2-е изд. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 360 с.
114. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: 1996. – 196 с.
115. Этинген, Л.Е. Мифологическая анатомия / Л.Е. Этинген. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2009. – 528с.
116. Яньшин П.В. Психосемантика цвета / П.В. Яньшин. – СПб.: Речь, 2006. –368 с.

117. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: сборник: пер. с нем. / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991.– 527 с. – (Мыслители XX в.). 160

118. Buhler C. The Course of Human Life: a Study of Goals in the Humanistic Perspective / C. Buhler & F. Massarik. – New York: Springer, 1968. – 350 p.

119. Zimmel G. The Metropolis and Mental Life / G. Simmel; ad. by D. Weinstein from K. Wolff. – New York: Free Press, 1950.– 424 p.

Статьи из периодических изданий

120. Бабинцев, В.П. Самоорганизация и «атомизация» молодежи, как актуальные формы социокультурной рефлексии / В.П. Бабинцев, Е.В. Реутов // Социологические исследования. – 2010.– № 1.– С. 109-115.

121. Бакуменко, Д.А. Особенности субкультурного взаимодействия в процессах социальной коммуникации / Д.А. Бакуменко // Вопросы культурологии. – 2010.– № 12.– С.17-21.

122. Баркова, А.Л. Толкиенисты. Архаическая субкультура в современном городе / А.Л. Баркова // Человек.– 2003.– №5.– С. 59-73.

123. Бедненко, Г. Б. Пространство мифа / Г.Б. Бедненко // Прикладная юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 37-44.

124. Бондаренко, И.В. Личностная обусловленность оформления внешности / И.В. Бондаренко // Вест. Том. гос. ун-та. – 2010.– № 332. – С.155-157.

125. Буянова, А.Ю. Неформальная молодежь Улан-Удэ: культурные противостояние / А.Ю. Буянова // Этнографическое обозрение.– 2009.– № 3.– С.36-51.

126. Голод, С.И. Сексуальное поведение и субкультурная дифференциация полов / С.И. Голод // Социально-гуманитарные знания.– 1994.– №4.– С.127-133.

127. Гринько, И. Знаки рыцарской верности и плебейского бунта / И. Гринько // Вокруг Света.– 2010.– № 10.– С. 78-95.

128. Гришин, В. А. Субкультура и ее проявления в молодежной среде. // *Общественные, самодеятельные движения.* – М., 1990.– С. 145-159.
129. Громов, Д.В. Изучение молодежных субкультур России: современное состояние и проблемы / Д.В. Громов // *Этнографическое обозрение.* – 2008. – № 1. – С. 3-8.
130. Губанов, О.А. Художественный символ и симулякр: эстетические противостояние / О.А. Губанов // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana).* 2012. – №3. – С.103-107.
131. Зильберглейт, Л.В. Метаморфозы этносов и парадигма эволюции / Л.В. Зильберглейт // *Человек.*– 2007.– № 1.– С. 16-31.
132. Зубок, Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска / Ю.А. Зубок // *Социологические исследования.* – 2003. – № 4. – С. 42-51.
133. Каган, М.С. Москва – Петербург – провинция: «двухстоличность» России – ее историческая судьба и уникальный шанс/ М.С. Каган // *Провинция.* –1993. – № 1. – С. 16-27.
134. Левикова, С. И. Готика как она есть, или о старой-новой молодежной субкультуре / С. И. Левикова // *Философские науки.* – 2006. – № 7. – С. 79-92, № 8. – С. 91-126, № 9. – С. 117-126.
135. Левикова, С. И. Две модели динамики ценностей культуры (на примере молодежной субкультуры) / С. И. Левикова // *Вопросы философии.* – 2006. – № 4. – С. 71-79.
136. Луков, В. А. Знаки и символы молодежи / В.А. Луков // *Знание. Понимание. Умение.* – 2005. – №3. – С.209-211.
137. Луков, В. А. Особенности молодежных субкультур в России / В.А. Луков // *Социологические исследования.* – 2002.– № 10. – С. 79-87.
138. Малахова, Е.В. Телесное в молодежной субкультуре: семантика и эстетика / Е.В. Малахова // *Вестник Московского ун-та. Серия 7 Философия.* –2011.– № 1 (январь-февраль).– С. 74-88.

139. Омельченко, Е.А. Стиляги, гопники и другие: молодежь советская и постсоветская / Е.А. Омельченко // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 4. – С.36.
140. Привалова, В. М. Орнаментальная культура. Аналитический обзор символов и знаков геометрического орнамента в антропологической картине мира В.М. Привалова // Известия Самарского научного центра РАН. Том 12. – 2010. – № 3 – С.255-263.
141. Римская, О. Н. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона / О.Н. Римская, В.Н. Римский // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. –2010. – №14. – С.70-78.
142. Рыбаков, Б.А. Макрокосм в микрокосме народного искусства / Б.А. Рыбаков // Декоративное искусство. –1975. – № 3. – С.31-33.
143. Рынок услуг салонов красоты растет на 25% в год // Бизнес. – 2006. – 25 дек. – С.3.
144. Сайко, Э.В. Ритмы, «образующие» человека и человек, образующий ритмы / Э.В. Сайко // Мир психологии.– 2002.– № 3.– С.3-13.
145. Свиридов, Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи. Дальневосточная ситуация / Н.А. Свиридов // Социологические исследования – 2002.– №1.– С. 90-95.
146. Сильнова, Е.И. Экономический образ России и проблемы общества потребления / Е.И. Сильнова // Вопросы культурологии. – 2011.– № 5.– С. 12-17.
147. Сладкова, О.Б. Кризис идентичности в современно российском обществе / О.Б. Сладкова // Обсерватория культуры. – 2008.– №3.– С. 9-15.
148. Слюсаревский, Н.Н. Субкультура как объект исследования / Н.Н. Слюсаревский // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С.117-127.
149. Тищенко, П.Д. Дано мне тело.../ П.Д. Тищенко // Человек. – 1990. – № 3. – С.47.

150. Томилов, Н.А. Проблемы этнографического изучения народной городской культуры / Н.А. Томилов // Гуманитарные науки в Сибири.– 1998.– № 3. – С. 103-106.

151. Туров, И.С. Городской образ жизни: теоретический аспект / И.С. Туров // Социологические исследования. – 1995.– №1. – С. 131-134.

152. Хренов, Н.А. Культура. Игровые проявления личности в переходные эпохи истории культуры / Н.А. Хренов // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 167–180.

153. Чибисова, О.В. Субкультура: подходы к определению понятия / О.В. Чибисова // Вопросы культурологии. – 2010. – №5. – С. 16-20.

154. Ядов, В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В.А. Ядов // Социологический журнал.– 1994.– № 1. – С. 112-129.

Справочные издания

155. Гуревич, П.С. Субкультура / П.С. Гуревич // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. – СПб., 1998.– С.236.

156. Субкультура // Социология молодежи: энциклопедический словарь / [отв. ред.: Ю. А. Зубок, В. И. Чупров]. – М. : Academia, 2008. – С 434.

157. Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли; пер. с англ. А. Помогайбо – М.: Вече, 1997. – 512 с.

158. Шпрангер Э. // Философский словарь: основан Г. Шмидтом / пер. с нем.; под ред. Г. Шишкоффа, общ. ред. В. А. Малинина. – 22-е, новое, перераб. изд. – М: Республика, 2003. – С. 516.

Диссертации и авторефераты

159. Борзова, Т.А. Культурно-антропологические основания ценностных ориентаций молодежной субкультуры: на примере современной российской молодежной субкультуры: автореф. дис... канд. культурологии: 24.00.01 / Борзова Татьяна Александровна.– Владивосток, 2006.– 26 с.

160. Брешин, А. А. Субкультура современной российской молодежи: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Брешин Алексей Андреевич. – М., 2010. – 147 с.

161. Гришанин, Н.В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры: автореф. дис. ... канд. культурологи: 24.00.01 / Гришанин Никита Владимирович. – СПб, 2007. – 22 с.

162. Райхштат, А.О. Молодежные субкультуры в российском обществе: теоретические подходы и современные практики: автореф. дис.... канд. соц. наук: 22.00.04 / Райхштат Артур Олегович. – Казань, 2006. – 26 с.

163. Родионов, С. В. Молодежные «электронные» субкультуры как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Родионов Сергей Викторович. – Саратов, 2000. – 18 с.

164. Семенова, Т.В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности. автореф. дис.... докт. психол. Наук: 19.00.05 / Семенова Татьяна Вениаминовна. – Казань, 2007. – 45 с.

165. Тыхеева, Ю.Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Тыхеева Юлия Цыреновна. – СПб, 2003. – 335 с.

166. Фролова, М.И. Формирование и реализация региональной молодежной политики в условиях трансформирующегося российского общества (на материалах Приморского края): автореф. дис.... канд. соц. наук: 22.00.08 / Фролова Марина Инсафовна. – Владивосток, 2004. – 18 с.

167. Чибисова, О.В. Взаимодействие молодежных субкультур Хабаровского края: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Чибисова Ольга Владимировна. – Комсомольск-на-Амуре, 2011. – 192 с.

Электронные ресурсы

168. Бедненко, Г.Б. Символический смысл татуировки [Электронный ресурс] / Г. Бедненко: персональный сайт. – Режим доступа: <http://pryahi.indeep.ru/mythology/research/tattoo>.

169. В Приморье открылся сезон мотоциклистов [Электронный ресурс] / Российское информационное агентство «Новый Регион».— 2012.— Режим доступа: <http://www.nr2.ru/fareast/385687.html>.

170. Галерея художественной татуировки [Электронный ресурс] / Tattooage: тату-салон: официал. сайт.— Режим доступа: <http://www.tattooage.ru/>

171. Готика как стиль [Электронный ресурс] / All stars goth: сайт о муз. субкультурах и муз. командах направлений рока – Режим доступа: <http://black-night.ucoz.ru/publ/4-1-0-9.1>

172. Мода африканских скинхедов начала 1970-х [Электронный ресурс] / Warnet.ws.— Режим доступа: <http://warnet.ws/news/22384> фото скинов.

173. Молодежные темы. Татуировка [Электронный ресурс] / Виртуальный Каменск: форум. – Режим доступа: <http://suncharion.narod.ru/Text2/skinheads/Part04.html>.

174. Сикирич, Е. Язык символов – язык вечности [Электронный ресурс] / Е. Сикирич // Новый Акрополь.— Электрон. журнал.— 1998.— № 2.— Режим доступа: http://www.newacropolis.ru/magazines/1_1998/Yazik_simvolov

175. Стили татуировок [Электронный ресурс] / Художественное тату: персонал. сайт художника татуировок.— Режим доступа: <http://hiscnik.fo.ru/home>.

176. Субкультуры [Электронный ресурс] / Любознайка: персональный сайт. – Режим доступа: <http://tatyana68.ucoz.ru/search>

177. Татуировки [Электронный ресурс] / Братский Форум. – Режим доступа: <http://canyon.rga.ru/forum/archive/index.php/t-12983.html> Mr.House.

178. Татуировки [Электронный ресурс] / Мотофорум: обсуждение скутеров, мотоциклов, мопедов на МOTO.com.ua – Режим доступа: <http://www.moto.com.ua/forum.php?>

179. Татуировки в субкультурах [Электронный ресурс] / Teawhisper ЖЖ – Режим доступа: <http://teawhisper.livejournal.com/3097.html>.

180. Шулепова, Э.А. Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция [Электронный ресурс] / Э.А. Шулепова // Культурологический журнал. – Электрон. период. изд.– 2011.– № 2.– Режим доступа: <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/59.html&>.

181. Old School Tattoo [Электронный ресурс] / Tattooplus: сайт тату-салона.– Режим доступа: www.tattooplus.ru/index.ph.